

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

И. Можейко, Л. Седов, В. Тюрин

С КРЕСТОМ И МУШКЕТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
МОСКВА 1966

OCR – Aspar, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов

Часть первая

НАПАДЕНИЕ

Пролог, в котором рассказ пойдет о том, как Европой овладела жажда золота, о том, что происходило в это время на Востоке, о маленькой Португалии, вышедшей на морские просторы, и об инфанте Энрики, прозванном Мореплавателем, его щитоносце Эаннише и придворном Лансароти

Эпизод первый, где речь пойдет о гороскопе короля Мануэла, о бедном госте саморина, о рассердившемся Педру Кабрале, о миланских оружейниках и о том, как хитроумный Лодовико ди Вартема оказался плохим врачом, но ловким шпионом

Эпизод второй, где будет рассказано о планах человека, который не искал любви тех, кого вел за собой, о том, как в 1508 году в Котине произошла встреча д'Албукерки и д'Алмейды и что из этого вышло, о неудачном бунте капитанов и о том, как эскадра вышла в море

Эпизод третий, где речь пойдет о том, что рассказали убежавшие пленники о славном городе Малакке и его султанах, о том, что сделал д'Албукерки, когда подошел к этому городу, а также о слонах, которые не умели сражаться ни узких улицах

Часть вторая

СОПЕРНИКИ И ВРАГИ

Эпизод первый, где речь пойдет о том, что увидел пират с высокого дерева и что послужило причиной великого путешествия, о казни в Магеллановом проливе, о сокровищах испанского галиона и о несговорчивых султанах Тернате

Эпизод второй, где речь пойдет о том, почему были расстроены пайщики Ост-Индской компании, о путешествии «Красного дракона» и о том, как генерал ухитрился обмануть и врагов и союзников, а также о том, чему возрадовались пайщики Ост-Индской компании

Эпизод третий, где речь пойдет о встрече на песке, о пушечном выстреле, задуманном заранее, о трусости Лакандулы, о возвращении эскадры, о том, что ответил Солиман испанскому послу, и о последней битве посреди залива

Эпизод четвертый, где речь пойдет о том, почему португальцы помирились со своим злейшим врагом, о незадачливом внуке великого деда и о его еще более

незадачливом брате, о непонятном сигнале, о том, чего стоит клятва иезуита, и о мстителе по имени дом Педру Родригиш

Часть третья
ВЫРОЖДЕНИЕ

Эпизод первый, где речь пойдет о блудном сыне Кастилии, о проигранной битве, о том, в чем обвиняли генерала Гальинато, о решении царицы и о том, как создавалась легенда

Эпизод второй, где речь пойдет о том, как погиб царь Бирмы, о новом начальнике таможни и его крупной игре, о том, почему сменили соглядатаев, о том, как были переплавлены на пушки пагодные колокола, и о том, как опоздала эскадра из Гоа

Часть четвертая
ОХОТНИКИ ЗА ДУШАМИ

Эпизод первый, где рассказывается о знатном баске, по имени де Лойола, и об ордене Иисуса, о неразделенной любви артиллериста, о ссоре губернатора и архиепископа, о штурме крепости Кудрата и о резне на Филиппинах

Эпизод второй, где речь пойдет о безработных монахах, о проповеди, которая состоялась случайно, о том, как миссионера изгнали из Кохинхины, о друге-заговорщике и о необычном докладе на Конгрегации пропаганды веры

Эпизод третий, где рассказывается о любви Пьетро Делла Валле и о горе его, о последних днях португальского могущества, о трех благородных дамах, которых купили, о праздниках в Гоа и о других событиях, свидетелем которых был итальянский путешественник

Часть пятая
КОНЕЦ ЭПОХИ

Эпизод первый, где речь пойдет о том, как встретились два молодых человека и стали врагами на всю жизнь, о печальной судьбе жителя острова Рюн, о предательском выстреле и об амбонской резне

Эпизод второй, где рассказывается о кораблекрушении, об агатовом кубке, принадлежавшем художнику Рубенсу, о том, как Иероним Корнелис короновал себя на безводном острове, и о том, как впал в немилость командор Пелсерт

Эпизод третий, где речь пойдет о печальных мыслях Фернандиша Пинту, о факторе, не сумевшем стать командующим, о последнем штурме, о необычном приказе по армии и о том, как комиссар Схаутен знакомил своих капитанов с трудами Плутарха

Два слова в заключение

ОТ АВТОРОВ

В истории нет неинтересных страниц.

Книгу истории можно перелистывать без конца, каждый раз находя в ней новое, увлекательное, поучительное. Одним историческим событиям и лицам повезло — о них писали, пишут и будут писать. Всем известны имена Колумба и Магеллана, Кортеса и Писарро, Марко Поло и Афанасия Никитина.

Другие остались в тени. О них знают только ученые-специалисты. Третьи вообще забыты и похоронены в пыли архивов.

В этой книге нам хотелось устранить несправедливость, которая была допущена по отношению к Юго-Восточной Азии в один из самых драматичных периодов ее истории — в эпоху проникновения туда европейцев, эпоху борьбы за пряности, за восточные рынки.

А между тем эпизоды этой борьбы были едва ли менее значительны и драматичны, чем завоевание испанцами Мексики и Перу, путешествие Магеллана или поход Бальбоа. О некоторых эпизодах мы и рассказываем в этой книге.

Часть первая **НАПАДЕНИЕ**

ПРОЛОГ,

В котором рассказ пойдет о том, как Европой овладела жажда золота, о том, что происходило в это время на Востоке, о маленькой Португалии, вышедшей на морские просторы, и об инфанте Энрики, прозванном Мореплавателем, его щитоносце Эаннише и придворном Лансароти

*Инфант дон Энрики, сын короля Жуана I,
решил после завоевания Сеуты исследовать
берег в юго-западном направлении, ибо
узнал от мавров, что за золотом они
отправляются на запад
Немецкий хронист Валентин Фердинанд, 1507 год*

Путь на Восток лежал через Средиземное море — это в Европе твердо усвоили еще со времен крестовых походов. Море познакомило тесный мир средневековой Европы с восточными тканями, пряностями, драгоценностями.

Три великих пути шли с восточных берегов Средиземноморья к сказочным странам — Индии и Китаю.

Самый северный начинался в Константинополе. Отсюда греки и генуэзцы отправлялись в Тану, в устье Дона, или в Кафу, куда приходили караваны, пересекавшие пустыню Гоби, засушливые степи Приаралья, низовья Волги. Это был путь сухопутный. Сухопутным было и начало второго пути — от устья реки Оронт в Малой Азии через Антиохию и Алеппо. Достигнув Евфрата, далее шли по воде — сначала по Евфрату и Тигру, а затем по Персидскому заливу до берегов Индии.

Южный путь, за исключением участка через Суэцкий перешеек, был морским — по Красному морю, мимо берегов Аравии, в Индию.

По этим дорогам текли с Востока на Запад и с Запада на Восток бумажные и шелковые ткани Индии и Китая, слоновая кость Малакки, благовония Аравии, жемчуг Цейлона, пряности Молуккских островов, фарфор Китая, шерстяные ткани Италии и Фландрии, стекло Венеции... Товары десятки раз меняли хозяев.

Но а XV веке турки-османы захватили Малую Азию, Константинополь и генуэзские колонии на северном побережье Черного моря. Основные пути оказались закрытыми ДЛЯ Европы. Остался лишь южный, египетский путь, которым завладела Венеция. Цены на товары Востока поднялись в Европе необычайно высоко: ведь пока грузы доходили из Индии до Египта, они облагались такими пошлинами, которые повышали цену на товары в несколько раз.

В погоне за товарами, в погоне за наживой Европа, которой овладела в XV веке «всеобщая жажда денег», обратилась к поискам новых путей на Восток. Новый путь лежал через Атлантический океан. Открыли его португальцы.

История Португалии как самостоятельного государства началась в 1095 году, в эпоху реконквисты, и это наложило отпечаток на ее дальнейшую историю. Обожженная каменистая земля давала немного, но и за нее нужно было бороться с «маврами» и берберами. Сменяли друг друга поколения — войны с неверными продолжались. В этих войнах сложился характер фидалгу — мелких и средних дворян, профессиональных воинов, храбрых, жестоких и фанатичных. Едва ли не раньше, чем в других странах Европы, возникла в Португалии сильная королевская власть.

Завершена реконкиста в Португалии была намного раньше, чем в соседней Кастилии: уже в 1249 году португальцы освободили южную область Алгарви от арабо-берберских пришельцев.

Невозможность выколотить деньги из нищего крестьянина, долголетние традиции войн с «маврами», страсть к обогащению — все это толкало дворян и опиравшихся на них королей к поискам добычи за морем.

Дорога в Средиземное море была перекрыта венецианцами, генуэзцами и каталонцами, на северных путях царил могущественная Ганза. Оставался лишь путь в Атлантический океан. По этому пути и двинулись португальские мореплаватели и конкистадоры, для которых походы за золотом, пряностями и рабами были как бы продолжением реконкисты, ибо и здесь им противостояли те же «мавры», борьба с которыми становилась теперь не только богоугодным, но и выгодным делом.

Нужно было много мужества, чтобы решиться на плавание по неведомым морям, о которых рассказывали самое невероятное (и, может быть, потому легко принимаемое на веру в Европе того времени): здесь были и рассказы о чудовищных осьминогах, и о смерчах, ломавших борта кораблей, и о загадочном морском епископе, появлявшемся из волн со светящейся митрой на голове, и о каннибалах...

Но говорили и о сказочных островах Бразил и Антил, где растут драгоценные деревья, где много пряностей, где гигантские муравьи перетаскивают золотые слитки. Говорили и о царстве загадочного пресвитера Иоанна в Африке — христианского государя, который поможет своим братьям по вере в борьбе с язычниками и откроет им богатства своей страны.

Неведомый Европе мир начинался сразу за мусульманскими странами Северной Африки и Восточного Средиземноморья. Те немногие европейские путешественники, которым удавалось побывать в Индии и еще дальше — в Юго-Восточной Азии и Китае, рассказывали об этих странах такое, чему в Европе верили подчас меньше, чем легендам о гигантских муравьях или грифонах, стерегущих сокровища.

В свидетельствах венецианцев Марко Поло и Николо ди Конти, генуэзца Иеронимо ди Санто-Стефано, флорентийца Иоанна Мариньоли, францисканских монахов Иоанна Монте Корвино и Одорика Порденоне привлекали не рассказы о чудесной природе «индийских стран», о том, что на Суматре «есть чудо великое, а именно пигмеи ростом с трех- или четырехлетнего младенца, и все они косматы, словно козлы», а на Яве «с великим удовольствием едят белых жирных людей». Гораздо интереснее было узнавать, что на границах Китая живут «златозубые», поблизости от страны которых находится город Мянью, а в нем две башни: одна крытая золотом, другая — серебром, что на Яве полным-полно перца, мускатных орехов и гвоздики, что остров Тапробана (Цейлон) богат перцем, золотом и камфарой, Ява — рубинами, а на Суматре в изобилии растет перец, имеется шелк, бензойная смола.

Интересно и то, что от Аравии до Китая на всем протяжении великого азиатского морского пути стоят портовые города: Аден, окруженный кольцом тяжелых стен с башнями из известняка и камня, Ормуз, приютившийся на каменистом острове, куда воду возили с материка, Каликут с его храмами, окруженными рощами кокосовых пальм, Малакка с гаванью, недоступной для самых свирепых штормов, Пиди на Суматре, где сразу за гаванью начинаются верфи...

Запахи сандалового дерева и пальмового масла, пряностей и камфары, несмолкающий шум на улицах, дым жаровен... Города эти оглушали первых европейских пришельцев своей непохожестью на привычные Лиссабон и Геную.

Но главное — поражало изобилие товаров, товаров редких, о которых в Европе многие знали лишь понаслышке. Глаза разбегались от обилия кораблей, красочной толпы на пристанях и набережных. От Адена до Китая непрерывным потоком шли товары.

С больших желтых джонок, на носу которых были нарисованы широко раскрытые глаза, сгружали в Каликуте, Малакке, Демахе шелк, фарфор, чай, изделия из лака;

быстроходные прау¹ бугов и яванцев везли в Малакку очищенный мускатный орех и его шелуху с островов Банда, гвоздику — с Молукк, рис, острые крисы² с Явы. Шли легкие арабские парусники из Кали-Кута, Каннанура и Камбея в Ормуз и Аден с грузом Тканей, стеклянного бисера, камбейских бус, сердолика всех цветов, пряностей, рубинов, янтаря, а навстречу им из Адена везли коней, розовую воду, изюм...

Большинство товаров шло в приморские города из внутренних районов государств, из которых многие в XV веке пришли в упадок под натиском соседей и в результате внутренних неурядиц.

Приближался конец некогда могущественной южноиндийской империи Виджаянагар. Мусульманские государства Декана и Гуджарата уже отделились от Делийского султаната, а в конце XV века распалось на пять султанатов и государство Бахманидов в Индии.

Доживал последние дни Маджапахит на Яве — от него отделилось все северное побережье острова.

Ничто не напоминало в середине XV века в маленьком царстве Камбоджа о блестящем периоде Ангкора.

В этих условиях большинство правителей прибрежных и внутренних государств не сумели разобраться в истинных намерениях европейских пришельцев: многие из них увидели в присутствии чужеземцев возможность для сведения счетов со своими соперниками.

Много событий, значительных и мелких, произошло в 1415 году в Европе. Констанцкий собор низложил папу Иоанна XXIII и постановил сжечь еретика Гуса, в битве при Азенкуре английские лучники-йомены уничтожили французскую рыцарскую конницу...

Не прошел для христианского мира незамеченным и день 21 августа того года. В этот день сыновья португальского короля Жуана I, победителя кастильцев при Альжубарроте³, штурмом овладели марокканским городом Сеутой. Радовалась католическая церковь — наконец-то после длительного перерыва возобновились крестовые походы, сулившие новую славу и богатство, ликовали фидалгу, оставшиеся не у дел после завершения реконкисты и надеявшиеся на продолжение войны с мусульманами, потирали руки купцы Лиссабона и Опорто, жаждавшие добраться до внутренних областей Африки, путь к которым преграждали арабы побережья.

Захват Сеуты открыл перед многими в Португалии дорогу к богатству, но лишь один человек тогда же, в день штурма города, понял, что Сеута открывает путь к будущему процветанию Португалии, если... если сделать верные выводы.

Инфант Энрики, названный историками принцем Генрихом Мореплавателем (хотя плавание к Сеуте было его первым и последним путешествием), в день взятия Сеуты занимался странными и непонятными для окружающих делами: вежливо и обходительно расспрашивал пленных купцов о странах, лежащих за пустыней, о их богатствах, характере жителей.

Энрики вернулся из Сеуты одержимый идеей поисков южных путей к таинственному африканскому матерiku. Он отказался от заманчивых предложений множества европейских дворов, от военной карьеры, чтобы посвятить свою жизнь этой задаче.

¹ Прау (мал.) - легкое парусное или гребное судно.

² Крис (мал.) - длинный кинжал с пламевидным лезвием.

³ 14 сентября 1385 года близ местечка Альжубаррота (в португальской Эстремадуре) португальские войска под командованием великого магистра Авишского ордена разгромили кастильскую конницу и отстаивали независимость страны. После битвы великий магистр Авишского ордена под именем Жуана I стал королем Португалии (1385- 1433) и родоначальником Авишской династии.

В юго-западной части страны, на морском берегу, инфант построил город Вилладу-Инфанти, в котором провел всю жизнь. Здесь строились корабли, вычерчивались новые карты, собирались сведения о заморских странах.

Щедрый Энрики, к чьим услугам была казна ордена Христа⁴, великим магистром которого он был, приглашал к себе кораблестроителей, картографов, моряков, лоцманов со всей Европы, не считаясь даже с религиозной принадлежностью приглашенных. При жизни Энрики с верфей Сагриша сошла первая каравелла — трехмачтовое судно, отлично маневрирующее, с острыми обводами корпуса и треугольными парусами.

Хотя учителями мореходного дела и кораблестроения в Европе португальцы стали позже, во второй половине XV века, начало этому было положено именно в годы деятельности инфанта Энрики.

Год 1416. Снаряжается первая разведывательная экспедиция за Канарские острова, достигшая страны, на берегу которой «не было ничего, кроме песка».

Год 1434. Щитоносец инфанта Жил Эанниш огибает «страшный мыс Божадор»⁵.

Год 1436. Виночерпий инфанта Афонсу Балдая, следуя путем Эанниша, достигает бухты Рио-да-Оро, находящейся в 300 милях к югу от мыса Божадор.

Год 1441. Скромная экспедиция Нунью Триштана, дошедшая до мыса Кабу-Бранку⁶, «вернулась с десятью чернокожими мужчинами и женщинами». Появление негров в Португалии резко изменило отношение к затеям инфанта Энрики. Дворяне и купцы наперебой принялись приобретать лицензии на торговлю в Африке. Португалии, страдавшей от малолюдья, нужны были дешевые рабочие руки.

Год 1446. Позорный год в истории Португалии, позорный год в истории европейского колониализма. Лансароти, придворный инфанта, прибывает в приморский город Лагуш с 265 пленниками из Сенегала и на рынке Видерия устраивает первый торг живым двуногим товаром. Очевидец, португальский летописец Азурара, наблюдает жуткие сцены; «Одни, опустив голову, с мокрым от слез лицом, глядели друг на друга; другие очень жалобно стонали и, устремив свои взоры к небу, громко плакали, как бы прося помощи у отца природы... Начали отделять одного от другого, с тем чтобы разбить их на пять равных партий, и пришлось разлучать отцов с сыновьями, мужей с женами, братьев с братьями... И кто бы мог разделить их без великого труда? Ибо как только пленных ставили в какую-нибудь группу, дети, видя, что их отцы попали в другую, изо всех сил вырывались и бросались к ним; матери обхватывали руками своих детей, ложились с ними на землю и принимали удары, совсем не жалея своей плоти, лишь бы только не отпустить от себя детей».

Горожане и крестьяне окрестных деревень, пришедшие посмотреть на диковинных людей, выражали возмущение таким поведением приближенных принца. Не остался безучастным, видимо, и сам Азурара, ибо, вспоминая тот день, он позже напишет: «О небесный отец... Молю тебя, не дай моим слезам смутить мою совесть, ибо меня заставляет плакать из жалости к их страданиям не их религия, а их человеческая природа».

Год 1460. В монастыре Баталья, воздвигнутом на месте битвы у Альжубарроты, появилась еще одна гробница — скончался инфант Энрики. Мореплаватель Дуарти Пашеку Пирейра, современник первых походов в Индию, через пятьдесят лет после смерти принца так оценит его деятельность: «Все эти и другие славные дела... были совершены этим добродетельным принцем, не говоря о открытии Гвинеи вплоть до Сьерра-Леоне. Мы должны поэтому молить бога за его душу... Выгоды, проистекшие для Португалии, таковы, что король и народ весьма обязаны ему, ибо в открытой им стране находит себе пропитание значительная часть португальского народа, а португальские

⁴ Орден Христа — рыцарско-монашеский орден, основанный в XIV веке. Не путать с орденом Иисуса (иезуитами), основанным в 1541 году.

⁵ Божадор (исп. Бохадор) — мыс на западном побережье Африки.

⁶ Кабу-Бранку (исп. Кабо-Бланко) — мыс на западном побережье Африки.

короли извлекают из торговли большие доходы... Впоследствии эта торговля давала ежегодно три с половиной тысячи и больше рабов, много слоновых бивней, золота, прекрасной хлопчатобумажной ткани и других товаров. Поэтому мы должны молить бога за душу принца Энрики, ибо открытие им этой страны привело к открытию Индии, торговля с которой приносит нам богатство».

Год 1471. Кормчие «уважаемого гражданина Лиссабона» Фернана Гомиша, получившего от короля в аренду монополию на торговлю с Гвинеей, достигают страны, названной Золотым Берегом, и обнаруживают там богатые россыпи золота.

Год 1482. Новый король Португалии — «благородный, весьма выдающийся и могущественный» Жуан II отправляет экспедицию «рыцаря своего двора» Диогу Кана. Диогу Кан первым из португальских мореплавателей начинает ставить в важнейших пунктах африканского побережья каменные падраны — столбы, на которых наносился герб Португалии, имена короля и открывателя, а также дата открытия. Ставит падран мореплаватель и в устье могучей Риу-ду-Падран, ставшей известной Европе позже под названием Конго.

Год 1488. Корабль Бартоломеу Диаша огибает мыс Доброй Надежды, но команда, не выдержав трудностей пути, вынуждает капитана повернуть обратно. В декабре 1488 года, через шестнадцать месяцев и семнадцать дней со дня отплытия, открыв 373 мили побережья Африки, Бартоломеу Диаш бросает якорь в гавани Белей, близ Лиссабона, и, как позже напишет о нем один из португальских авторов XVI века, «можно сказать, что он видел Индию, но, как Моисей в обетованную землю, не вошел в нее».

В этом же году Жуан II поручил двум фидалгу — Перу ди Ковильяну и Афонсу ди Пайву — добраться до царства пресвитера Иоанна и разведать пути торговли пряностями. Летом 1488 года путешественники, добравшиеся к тому времени до Адена, расстались: ди Пайва направился в Эфиопию — землю Иоанна, а Ковильян на арабском судне поплыл в Индию.

Он вступил на индийскую землю в портовом городе Каннануре. Оттуда он отправился в Каликут, затем в Гоа. Всюду он наблюдал, расспрашивал, запоминал. Побывал Ковильян на обратном пути и в Ормузе, а также в восточноафриканском порту Софала.

Вернуться на родину Перу ди Ковильян не смог. В Каире его ждали посланцы Жуана с приказом не возвращаться, не выполнив поручения полностью. Поскольку от Пайвы известий не было, Ковильян отправился в Эфиопию, откуда не вернулся. Он достиг там высокого положения, разбогател, обзавелся семьей, на родину же эфиопский негус его так и не отпустил. Но перед отъездом в Эфиопию Ковильян передал посланцам Жуана письмо, в котором сообщал о городах западного побережья Индии и Восточной Африки, о торговых путях и товарах Востока.

Семена, посеянные инфантом Энрики, дали свои всходы. От первых робких плаваний вдоль берегов Западной Африки до открытия морского пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды — таков итог 85-летней морской экспансии Португалии, к которой с середины XV века присоединяется Испания. Уже в 50-е годы XV века обостряется португальско-кастильская борьба на путях в Гвинею, а в 1492 году Христофор Колумб во главе испанской флотилии открывает Америку.

Разгоревшееся соперничество между двумя любимыми дочерьми католической церкви умиротворяется буллами папы Александра VI и Тордесильясским трактатом 1494 года. Окончательная линия, разграничивавшая испанские и португальские реальные и предполагаемые владения, прошла по Атлантическому океану с севера на юг, примерно в двух тысячах километров к западу от островов Зеленого Мыса. После путешествия Магеллана была установлена линия раздела и в Тихом океане, проходившая в 17° восточнее Молуккских островов.

В результате страны Азии и Африки и Бразилия попали в португальскую сферу, тогда как Испании достался американский континент и острова Тихого океана. Правда, имелось и исключение: Филиппины были захвачены Испанией.

Так было положено начало эре колониальных захватов.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ,

Где речь пойдет о гороскопе короля Мануэла, о бедном госте саморина, о рассердившемся Педру Кабрале, о миланских оружейниках и о том, как хитроумный Лодовико ди Вартема оказался плохим врачом, но ловким шпионом

В Каликуте каждый корабль, откуда бы он ни пришел и куда бы он ни направлялся, равноправен с другими кораблями... Безопасность и правосудие настолько сильны там, что купцы не боятся за свои товары и даже самые богатые из них без страха там останавливаются

Абд ар-Раззак, 1442 год

Абрахам Закут, математик и астролог, изучив гороскоп португальского короля Мануэла, заявил, что царствование монарха благоприятно для открытия морского пути в Индию. Это было в 1495 году.

Закут почти ничем не рисковал, сделав такое предсказание. Не надо было советоваться со звездами, чтобы догадаться — не сегодня-завтра португальские корабли обогнут Африку, до южной оконечности которой уже добрался семь лет назад Бартоломеу Диаш, и бросят якорь у индийских берегов.

Историки запомнили предсказание астролога, потому что оно пришлось по вкусу королю Португалии. Ну а если бы Закут объявил, что звезды не благоприятствуют плаваниям, неужели бы прекратилась постройка трех специально сконструированных для дальнего путешествия кораблей, которую начал еще предшественник Мануэла? Вряд ли. Вернее, Закут лишился бы монаршего расположения, а может быть, и головы. И когда 25 марта 1497 года три корабля и один транспорт под командованием Васко да Гамы покинули порт Белен, только самые заядлые скептики не верили, что им удастся пройти дальше Диаша. 20 мая 1498 года португальские моряки увидели на горизонте голубые очертания гор — это была Индия, ворота к Дальнему Востоку, к пряностям, к богатству португальской короны.

Васко да Гама причалил к Каликуту, столице южноиндийского княжества, одного из основных центров азиатской торговли. Даже через сто лет непрерывных войн с португальцами, когда благополучие и богатство города были сильно подорваны европейским разбоем, французский путешественник Пирар де Лаваль писал о Каликуте: «Это самый большой из торговых городов Индии. В нем есть купцы со всех концов земли, всех наций и вероисповеданий, которые собираются сюда, потому что здесь они пользуются свободой и безопасностью. Здешний король разрешает исповедовать любую религию, но в то же время строго запрещено говорить о религии, спорить или ссориться по религиозным вопросам... и это установление поддерживается самим саморином⁷, который этим добился того, что многие гости приезжают и Каликут».

В каликутском порту было множество складов, куда сгружались товары с кораблей, и за небольшую плату воины саморина охраняли эти грузы. Иностранцы пользовались в Каликуте теми же правами, что и местные жители, и могли соблюдать обычаи, принятые в их странах. Единственное, что было запрещено — убивать коров и есть их мясо.

И вот в этот богатый, цветущий порт, перевалочный пункт на пути из Китая, Явы, Суматры и Сиам в Египет, Аравию и Малую Азию, ворвалась португальская эскадра.

⁷ Саморин – искаженный португальцами титул властителя Каликута (самудрааджа – «властитель моря»).

Появление Васко да Гамы, хотя и встревожило мусульманских купцов, монополистов в торговле с Европой, не вызвало особых подозрений у саморина Каликута. Индийцы скорее даже рады были появлению португальцев, так как полагали, что из торговой конкуренции португальцев с арабами они смогут извлечь дополнительные выгоды. Ведь основными источниками доходов Каликута были таможенные сборы и комиссионные за перепродажу товаров.

Саморин разрешил португальцам поместить их товары в государственный склад и начать торговлю. Арабские купцы старались отговорить саморина от дружбы с португальцами, но тот не захотел прислушаться к ним, полагая, что это всего лишь раздраженность торговых конкурентов. И даже принял Васко да Гаму у себя во дворце и так принял, что адмирал сказал, возвратившись на корабль: «В Португалии и представить себе не могут, как нас здесь чествуют». Правда, подарки Васко да Гамы оказались бедными саморину, который выдывал куда более роскошные подношения.

Португальцы отдыхали после долгого путешествия. Они ходили в гости к новым знакомым и приторговывали на берегу так же спокойно, как если бы это было в Лиссабоне. Рыбаки и торговцы, а то и просто любопытные подъезжали на лодках к кораблям, продавали птицу, сладости, рыбу, кокосовые орехи, часто взбирались на борт, чтобы поглазеть на корабль.

Так продолжалось до 10 августа, до дня, который можно считать началом вражды Португалии с государствами Южной и Юго-Восточной Азии.

В тот день Васко да Гама обнаружил, что не сможет наполнить трюмы своих кораблей. Товары, которые он привез, не пользовались особым спросом, а золота для закупок у португальцев было мало.

Тогда Васко да Гама написал саморину письмо, в котором потребовал, чтобы тот дал ему пряностей за-ймообразно. Требование было невежливым, и саморин счел себя оскорбленным. На следующий день к португальскому адмиралу явился чиновник с требованием уплатить задолженность по таможенным сборам. Вместо уплаты Васко да Гама арестовал чиновника и всех попавших под руку индийцев. В ответ на это саморин арестовал португальского фактора⁸ и его помощника.

Правда, через некоторое время саморин освободил пленных португальцев. Но Васко да Гама заложников не отпустил и, пылая гневом, покинул Каликут.

Васко да Гаме удалось все-таки загрузить свои суда. Он воспользовался враждой между правителями южноиндийских государств и получил товары в Каннануре.

Когда же он вернулся на родину, в Португалии его встретили как героя — еще бы, доходы, полученные от путешествия, в шестьдесят раз превысили расходы на него! И путь в Индию был отныне известен. Король Португалии обрел новый титул — «Господин завоевания, навигации и коммерции Эфиопии, Аравии и Индии».

Следующей экспедицией в Индию командовал Педру Алвариш Кабрал. Король приказал ему подписать договор о торговле с саморином Каликута. Кабрал шел на 13 кораблях, на борту которых было 1200 солдат и матросов, а также 8 монахов-францисканцев и 13 (по числу кораблей) капелланов.

В Каликуте история повторилась. Снова португальцам разрешено торговать; снова недовольны арабские купцы, так как португальцы удачно играют на конкуренции между ними и местными торговцами, чтобы получить хоть что-нибудь в обмен на свои неказистые товары; снова португальский адмирал недоволен тем, как идет торговля...

Кабрал, следуя примеру Васко да Гамы, потребовал от саморина, чтобы тот обеспечил доставку товаров на корабли. Саморин был разгневан. Еще никто не осмеливался требовать у него подобного. Если Васко да Гама по крайней мере просил товаров взаимы, то Кабрал даже не упомянул об этом. Не успел саморин оправиться от этой

⁸ Фактор – здесь: глава торговой фактории. Другое значение – торговец, представитель торговой компании.

новости, как его настигла другая беда. Кабрал, отчаявшись добиться успеха мирным путем, напал на арабский корабль прямо в бухте Каликута и ограбил его.

Арабские купцы, узнав об этом, бросились громить склады с португальским добром. В завязавшейся схватке погибла большая часть служащих фактории, и только несколькими удалось спрятаться у индийцев.

Кабрал потребовал у саморина возмещения ущерба. Естественно, что никакого возмещения он не получил. Тогда он решил сам вершить суд и расправу. Он захватил десяток каликутских судов, ограбил и сжег стоявшие рядом арабские суда и начал бомбардировку города. Два дня португальцы методично громили из пушек улицы и дворцы Каликута. Было убито более шестисот человек. После этого Кабрал покинул Каликут и отплыл в Кочин, столицу соперника каликутского саморина.

Однако не успел Кабрал загрузить свои корабли в Кочине, как пришли известия — к Кочину приближается большой флот из Каликута. Саморин не собирался прощать португальцам разбой в своем городе. Раджа Ко-чина немедленно прислал к Кабралу гонца с предложением объединить флоты и совместно отразить нападение саморина Каликута. Раджу менее всего беспокоили судьбы Индии. Просто он считал, что представляется неплохой случай свести старые счеты с Каликутом и ослабить мощь своего соперника.

Всю ночь в гавани Кочина горели факелы на судах, в свете их поблескивали пики кочинских солдат, и многочисленные галеры и патамары⁹ выстраивались в походный порядок...

Раджа не получил ответа от португальского адмирала. Утром жители Кочина увидели, как, подняв паруса, португальские корабли уходят в океан. Кабрал так спешил, что даже не успел отвезти на берег кочинских заложников и сообщить радже о своем поспешном отъезде. А вернее, не захотел сделать ни того, ни другого.

Португальские историки и по сей день уверяют, что «победу над каликутским флотом вырвал из рук Кабрала неожиданный шторм, который унес корабли в море». Это был странный шторм, который не тронул ни одного кочинского корабля, даже самой маленькой лодки, а аккуратно выбрал из массы судов в порту португальские каравеллы и занес их далеко, к самой Португалии.

Итак, мы узнаем, что с самого начала португальцам случалось отступать. Отступать перед ненавистным им саморином. Но если появлялась возможность, то они не останавливались ни перед чем...

В 1502 году очередным португальским флотом вновь командовал дом¹⁰ Васко да Гама. Теперь в составе его флота было уже двадцать больших кораблей. Но поход отличался от прежних путешествий тем, что да Гама должен был отправить шесть каравелл обратно, а четырнадцать оставить у берегов Индии, дабы пресечь арабскую торговлю в Индийском океане.

На этот раз путешествие не имело ровным счетом никакого отношения к географическим открытиям, и историки не уделяют ему особого внимания в своих трудах. Нам же оно вдвойне интересно, потому что именно в этот момент борьба португальцев за рынки пряностей вступает в новую фазу, и великий мореплаватель Васко да Гама предстает перед нами в новом свете.

Сначала он постарался обеспечить подходы к Индии. Другими словами, предал огню и мечу города Восточной Африки, уничтожая их или подчиняя, чтобы быть уверенным за «тылы».

В первом же индийском городе Васко да Гама вводит «пропуска». Отныне ни один корабль, какой бы то ни было национальности, не имеет права выйти в море, если владелец его не получил от коменданта ближайшей португальской крепости пропуска, удостоверяющего, что он уплатил португальцам дань. Если забежать вперед, то можно сказать, что никакой пропуск не гарантировал от грабежа. Португальские капитаны редко

⁹ Патамара — тип индийского гребного судна.

¹⁰ Дом — португальский дворянский титул.

обращали внимание на эти пропуска, а порой и сами коменданты писали в них: «Груз корабля стоит того, чтобы его потрясти». Не знающий португальского языка капитан спокойно предъявлял пропуск и немедленно лишался груза, а то и жизни.

Но вернемся к мореплавателю Васко да Гама.

В один прекрасный день португальцы увидели большой каликутский корабль, переполненный паломниками, которые возвращались из Мекки. Четыреста паломников, включая женщин и детей, несколько человек команды и ни одной пушки на борту — чем не завидная добыча? Тем более, если нужно отомстить саморину Каликута за то, что тот посмел напугать адмирала Кабрала.

Васко да Гама приказал взять и разграбить корабль.

Увидев взбиравшихся на борт, паломники предлагали португальским солдатам все, что у них было, лишь бы спасти жизнь. Но португальцы уже сгоняли пассажиров на корму. Тогда бывший на борту посол Египта, направлявшийся в Каликут, обратился к самому адмиралу и сказал:

— Вы, господин, ничего не добьетесь, убив нас. Если вам нужны деньги, то зауйте нас в цепи, отвезите в Каликут, и я обещаю вам, что ваш корабль нагрузят Пряностями бесплатно. Поймите, мы не сопротивляемся вам, мы не воюем с вами.

Васко да Гама отвернулся. Зачем возиться с пленниками, когда силы его так нелики, что он и без этого получит пряностей сколько захочет? Он приказал отнять оружие у пассажиров корабля. Потом переправить на португальские корабли все грузы и вещи, найденные на борту.

Пассажиров и команду каликутского корабля загнали в трюм и задраили люкн. Затем португальцы подожгли корабль и покинули его.

Португальский флот все это время оставался рядом. Васко да Гама, по словам летописца, не отрываясь смотрел, как огонь охватывал индийский корабль. Он хотел быть уверенным, что ни один человек не спасется.

Но вдруг один из люков открылся. Выскочившие оттуда люди распахнули и другие люки, бросились тушить пожар. Адмирал приказал спустить шлюпки и снова поджечь корабль. Но на этот раз его пассажиры, возглавленные египетским послом, решили дорого продать жизнь. Несколько раз пытались португальцы взобраться на палубу корабля, и каждый раз их отбрасывали назад. Адмирал приказал прекратить штурм. Четыреста человек, ожесточенные угрозой неизбежной смерти, живыми не сдадутся.

И эскадра начала обстрел в упор каликутского корабля. Восемь дней продолжалась бомбардировка. Несколько раз индийцам удавалось поставить паруса, и каждый раз их разрывали ядра. Люди своим телом закрывали пробоины, и изрешеченный, обуглившийся корабль продолжал сопротивляться.

Адмирал дом Васко да Гама отличался завидным упорством. Он добился своего. На восьмой день корабль загорелся вновь и пошел ко дну. Ни один человек с него не спасся. Добыча португальцев, как говорят летописцы, составила 22 тысячи дукатов.

Подойдя к Каликуту, Васко да Гама потребовал, чтобы саморин изгнал из города всех мусульман. Когда Саморин отказался подчиниться, Васко да Гама начал Многодневную бомбардировку города. У саморина было всего несколько пушек, которые стреляли на расстояние втрое меньшее. Маленькие ядра их не долетали до португальцев.

В то время, когда португальская эскадра стояла у берегов Каликута, в бухту спокойно вошли двадцать четыре груженных рисом каликутских корабля. Португальцы немедленно захватили их. На борту кораблей было восемьсот человек. Васко да Гама приказал всем восьмистам отрезать руки, носы и уши. Та же участь постигла и приехавшего с берега брахмана — посла каликутского саморина. Затем адмирал приказал всех связать. А чтобы они зубами не разгрызли веревок, он велел выбить морякам зубы. После этого португальцы подожгли корабли. Посла же каликутского с отрезанными ушами и носом вернули саморину с письмом адмирала: «Попробуй жаркое, которое мы тебе приготовили...».

Но саморин не сдался. Васко да Гама зря старался его запугать. И когда Васко да Гама, так и не захватив Каликута, направился в Кочин, саморин собрал флот и одновременно послал уважаемых брахманов к кочинскому радже, чтобы те рассказали ему о преступлениях португальцев.

Однако португальцы перехватили послов, привязали к мачтам и прижигали раскаленными шомполами, пока те не признали себя шпионами. Тогда по приказу адмирала послам отрезали губы и уши, пришили собачьи и в таком виде отправили обратно в Каликут. Подоспевший флот саморина был разгромлен. Опять дело решили пушки. Португальцы подпускали близко каликутские суда и спокойно расстреливали их. В ближнем бою они пользовались мушкетами, а стрелы индийцев были бессильны против португальских лат.

Тогда саморин собрал армию и бросил ее на штурм Кочмна. В одном из боев на сторону саморина перешли два миланца. Они служили на португальских кораблях артиллеристами. Мы не знаем, что заставило их перейти на сторону индийцев. Может быть, они не одобряли зверств португальцев, может быть, просто надеялись обогатиться на службе у саморина. Но в любом случае для саморина появление миланцев было даром судьбы. Ибо они знали, как лить пушки.

Миланцы немедленно отправились в Каликут, а война с Кочином продолжалась. И в этот момент у берегов Индии появился новый португальский флот под командованием одного из главных героев нашего повествования — Афонсу д'Албукерки.

Сохранившиеся документы не дают возможности толком разобраться, чем же окончилась война саморина с кочинским раджей и поддерживавшими его португальцами. Известно только, что в 1504 году д'Албукерки прибыл в Каликут, чтобы заключить мирный договор между Кочином и Каликутом. Договор был невыгодным для саморина. Очевидно, появление португальцев все-таки склонило чашу весов в пользу Кочина.

Из всех пунктов договора саморин отказался выполнить один и стоял на своем так твердо, что португальцы вынуждены были пойти на попятный: он отказался выдать миланских пушкарей. Саморин готовил артиллерию. Он знал, что рано или поздно придется снова воевать с португальцами. И в этой войне ему не обойтись без артиллерии, которая могла бы соперничать с португальской.

И война возобновилась. Виною этому опять были португальцы. Они нарушили мирный договор через несколько дней после его заключения: напали на каликутский корабль, перебили команду и потопили его.

В тот день, когда эскадра д'Албукерки взяла курс домой, флот саморина вышел из Каликута и направился к Кочину. И вот в этой войне португальцы, к своему неудовольствию, обнаружили, что флот саморина уже не тот, что был года два назад. Каликутские моряки многому научились. Борта их кораблей были теперь обложены тюками с хлопком, которые защищали от ядер. Кроме того, в составе флота было более ста быстроходных галер, которые подлетали к португальским кораблям и брали их на абордаж. А главное, на каликутских кораблях стояли, правда немногочисленные, но почти не уступавшие португальским, пушки. Не зря тогда требовал д'Албукерки, чтобы саморин выдал миланских артиллеристов!

Тут мы возвращаемся к истории о миланцах. Ко времени войны с Кочином миланцы наладили производство пушек, пороха и ядер и научили каликутских оружейников пушечному делу.

Португальцы понимали, что им необходимо разделаться с итальянцами. Но саморин хорошо охранял своих оружейников. Несколько попыток похитить или отравить их провалились, португальские шпионы один за другим кончали жизнь на базарной площади Каликута.

Наконец португальцы обещали, что помилуют миланцев, если те вернуться к ним. Но миланцы отлично знали цену обещаниям своих бывших спутников. Они наотрез отказались вернуться.

Тогда португальцы обратились к Лодовико ди Вартеме. Это был один из самых удивительных людей, рожденных великой эпохой открытий и соединивших в себе многочисленные пороки и достоинства своего времени.

Болонец по происхождению, он был одержим страстью к путешествиям, и вряд ли нашелся бы человек на земле, который видел и пережил столько же. Мы знаем, что Вартема в 1502 году покинул Европу, прошел Египет, Сирию, Аравию, Иран, Индию, добрался до Бирмы, возможно и до Молуккских островов, и, пробыв в путешествии пять лет, вернулся в Европу.

Вартема первым:

побывал в святых местах мусульман в Аравии, для чего перешел в ислам и примкнул к группе паломников-мамелюков;

описал тенассеримское побережье¹¹ Бирмы, и это описание долгие годы оставалось единственным добросовестным и правдивым отчетом о тех местах;

ознакомил европейцев с Малаккой и рассказал о малаккском рынке пряностей;

описал Суматру;

посетил острова Банда — родину мускатного ореха;

побывал на Борнео...

Книга Вартемы была опубликована в Риме в 1510 году и сразу же переведена на множество языков.

Но мы не собираемся рассказывать о его путешествиях. Мы намереваемся обратиться к менее известной и менее красивой странице его биографии — к рассказу об авантюристе и провокаторе Вартеме.

Португальцы обещали ему все, что он пожелает, если он проберется в Каликут и убьет или выкрадет осторожных миланцев. Вартема был единственным европейцем, который мог туда проникнуть, ибо в путешествиях своих столько раз перевоплощался, что забывал иногда — кто же он на самом деле: католик или мусульманин, турок или итальянец...

В Каликут Вартема прибыл под видом арабского врача, мусульманина, родом из Египта. Как врач, он мало прославился в Каликуте. Один из египетских купцов узнал, что в город прибыл врач из его страны, и призвал его к себе. Вартема поставил неправильный диагноз и чуть не отправил на тот свеч своего пациента. Но что касается миланцев...

Предоставим слово самому Вартеме:

«Они, миланцы, сказали мне, что находятся в большой дружбе с царем Каликута, но что очень хотят вернуться домой, хотя и не знают, как это сделать. Раз уж они убежали от португальцев, то не смеют снова попасть к ним в руки, потому что сделали много пушек для царя каликутского... Они сделали 400 пушек больших и малых и не надеются на прощение... Один Господь знает, как горячо я убеждал их не делать больше пушек для этих врагом Господа, ибо тем они подрывают нашу великую Веру...».

Тем временем до Каликута донесли вести, что приближается новый португальский флот, и Каликут готовился отразить морское нападение.

Египетский лекарь все еще находился в городе. По вечерам он тайком проходил в дом миланцев и, помолвившись перед распятием, чтобы очиститься от накопившихся за день грехов, начинал уговаривать пушкарей покинуть саморина. Шпион обещал миланцам подготовить их возвращение на родину.

Теперь надо было как-то незаметно выбраться из города. Вартема присоединился к персидским купцам и решил уже, что благополучно покинет Каликут, когда на борт корабля поднялись таможенники. Они заявили, что египетскому врачу запрещено покидать город, ибо саморину известно, что он знает европейские языки, а потому не исключено, что он лазутчик и может выдать военные секреты португальцам. Оказывается, визиты Вартемы к миланцам не прошли незамеченными.

¹¹ Тенассерим — юго-восточная провинция Бирмы на побережье Андаманского моря.

Вартеме надо было спешить. Через несколько дней он незаметно покинул вечером город и прошел несколько миль по берегу, пока не наткнулся на рыбака, который за золотую монету согласился отвезти его к португальской крепости и Каннануре.

Он продолжал соблюдать осторожность. Остановился в мусульманской части Каннанура и, только дождавшись ночи, пробрался в дом к коменданту крепости. Тот немедленно снарядил специальный корабль и отправил на нем Вартему к д'Алмейде, португальскому вице-королю Индии. Вартема передал вице-королю все собранные сведения, а также убедил д'Алмейду, что сейчас самый благоприятный момент, чтобы разделаться с миланцами.

Вартема вернулся в Каннанур, неся с собой приказ д'Алмейды выдать ему «столько денег, сколько будет необходимо».

В Каннануре Вартема нашел индуса, который был настолько беден, что продал себя в рабство. Перекупив его у хозяина, шпион обещал ему свободу, если тот отнесет в Каликут письмо миланцам. Сам Вартема уже не осмеливался возвращаться в город.

В письме говорилось, что Вартема добился у вице-короля прощения для артиллеристов и даже денег на дорогу домой. Деньги были пересланы с индусом, ибо Вартема справедливо полагал, что они будут самым сильным аргументом в пользу правдивости письма и намерений португальцев. Вартема писал также, чтобы миланцы оставили в Каликуте все, кроме золота и драгоценностей. Он знал, что миланцы скупали там драгоценные камни и накопили их изрядное количество.

Миланцы начали спешно готовиться к бегству из Каликута.

Однако тщательно разработанный план провалился. Один из рабов сообщил о готовящемся бегстве саморину и для верности местному судье. (Не исключено, что и этот донос исходил от Вартемы.)

Саморин приказал вызвать миланцев к себе, чтобы выяснить, правда ли, что они, как сообщил доносчик, собираются передать португальцам военные секреты Каликута. Но судья опередил своего властелина. Он послал к миланцам стражу, которая обнаружила письмо и деньги. Гонец саморина нашел в доме только трупы итальянцев.

Вартема же спокойно вернулся в Кочин.

Убийство миланских артиллеристов уже не могло изменить соотношение сил. Пушки у саморина были. И его мастера научились лить новые. Значительно важнее было то, что Вартема узнал о готовящемся совместном нападении на португальцев каликутского и египетского флотов. И португальцам удалось разбить их поодиночке.

Но, как феникс, возрождающийся из пепла, на следующий год уже новый египетско-каликутский флот встретился с португальцами в большой морской битве, в которой португальским флотом командовал сын вице-короля Лореншу д'Алмейда. Португальцы были разбиты, Лореншу убит, и остаткам португальского флота пришлось ретироваться в Кочин.

Война продолжалась. Португальцам, несмотря на свои крепости и многочисленные корабли, так и не удалось победить Каликут и уничтожить мусульманскую торговлю в Индийском океане.

Уже в первые годы после путешествия Васко да Гамы самые дальновидные из португальцев поняли, что господства в Индийском океане нельзя добиться только с помощью изолированных, не имеющих надежных баз флотилий. Надо строить цепь опорных пунктов — крепостей на всем торговом пути от Молукк, и даже от Китая, до Персидского залива.

Человека, который начал осуществлять эту задачу, звали Афонсу д'Албукерки.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ,

Где будет рассказано о планах человека, который не искал любви тех, кого вел за собой, о том, как в 1508 году в Кочине произошла встреча д'Албукерки и д'Алмейды и что из этого вышло, о неудачном бунте капитанов и о том, как эскадра вышла в море

Португальцы вошли в Индию с мечом в одной руке и распятием в другой; найдя там много золота, они отложили распятие в сторону, чтобы набить себе карманы
Жуан ди Каитру, португальский вице-король Индии, 1548 год

В погожий апрельский день 1506 года взвился королевский флаг на каравелле «Эшпириту Сайту», заиграли тамбурины и флейты, забили дробь барабаны и эскадра из четырнадцати кораблей двинулась из португальской гавани Белен в далекую Индию. Экспедиция должна была захватить остров Сокотру, расположенный на подходах к Красному морю, и соорудить там форт, который будет служить базой для португальского флота, борющегося с Египтом за господство в Красном море. Такова была задача, возложенная на командующего эскадрой Триштана да Кунья, человека, которому болезнь помешала в прошлом году стать вице-королем Индии. Эта же задача была поставлена и перед вторым адмиралом флотилии — д'Албукерки, под чьим началом находились скромные силы — шесть кораблей и четыреста человек. Но второй командующий вез с собой, кроме того, секретный пакет, в котором лежал рескрипт короля Мануэла о назначении его правителем Индии вместо первого вице-короля—д'Алмейды.

Дому Афонсу д'Албукерки, знатному дворянину, сыну владельца Виллаверде, что близ Лиссабона, шел пятьдесят третий год. Позади долгие годы службы при португальском дворе, сражение у Опорто... И в Индию д'Албукерки отправляется не в первый раз. Еще в 1503 году он вместе с братом Франсишку громил окрестные деревни близ Кочина, грабил торговые корабли у Малабарского побережья, построил крепость — форт «Мануэл» — в Кочине.

Но теперь дом Афонсу д'Албукерки отправляется на Восток не второстепенным офицером на службе его величества короля Мануэля, а будущим полновластным хозяином всех португальских сил от мыса Доброй Надежды до берегов Индии.

Адмиралу не спится... Нет, он думает не об островке Сокотра, его мысли далеко от этих пустынных, безрадостных мест. Недостаточно иметь сильный флот и торговые фактории на берегу, этого мало, чтобы сокрушить, арабскую и индийскую торговлю и сделать Португалию единственной владычицей торговых путей, по которым в Лиссабон потекут золото, драгоценности, пряности. Нужны мощные форты на всем протяжении огромного пути из Португалии на Восток. Только тогда — и в этом д'Албукерки твердо уверен — удастся вырвать из рук мавров сказочные богатства этих сказочных стран. И он, д'Албукерки, осуществит этот план, осуществит, несмотря на непонимание и даже противодействие д'Алмейды и его окружения, считающих, что и без строительства дорогостоящих крепостей Португалия с помощью флота будет господствовать на море.

Да, осуществит, несмотря на оппозицию в рядах своих офицеров. Слава господу нашему Иисусу и святой троице, у него хватит сил и энергии, достанет воли, чтобы привести к повиновению не только врагов христианской веры, но и всех сомневающихся, колеблющихся в собственных рядах.

Д'Албукерки приступает к осуществлению своего плана еще до прибытия в Индию. 10 августа 1507 года он расстается с да Куньей, который отправляется в Индию, и ведет свою маленькую эскадру в Персидский залив.

Опережая д'Албукерки, неслись впереди эскадры вести о жестокости португальцев. У Рас эль-Хада адмирал приказал сжечь все рыбацкие суда, в Куриате истребил всех жителей, включая женщин и детей, в захваченном Маскате у всех взятых в плен были отрезаны уши и носы, то же повторилось и в Сохаре. «Город был сожжен и ограблен, — говорит историк, — пленные подверглись обычной варварской процедуре: у них были отрезаны уши и носы».

Подойдя к Ормузу, богатейшему торговому порту в Персидском заливе, д'Албукерки блокировал город, расположенный на пустынном островке и даже водой снабжавшийся с материка, и принудил правителя разрешить постройку крепости.

Здесь, в Ормузе, д'Албукерки в первый раз столкнулся с открытым противодействием своим планам. Взбунтовались капитаны его эскадры, заявив, что постройка форта в Ормузе противоречит интересам Португалии, ибо это напрасная трата сил, столь необходимых в Индии.

Напрасно д'Албукерки распечатал секретный пакет и прочитал мятежным капитанам указ о назначении его правителем Индии после истечения срока д'Алмейды. Три капитана покинули эскадру и ушли в Индию, даже не уведомив д'Албукерки о своем намерении.

По прибытии в Индию они бросились к вице-королю и подали ему жалобу на д'Албукерки, который, вместо того чтобы по приказу короля плыть к мысу Гвардафуй¹² и там ждать арабские суда, груженные пряностями, потащил их в безводный Ормуз, чтобы построить там никому не нужную крепость. Капитаны требовали возмещения убытков, которые они понесли, упустив добычу, и, кстати, предупредили д'Алмейду, что д'Албукерки направляется в Индию в качестве его преемника. Это известие подтвердили командиры нового португальского флота, прибывшего в Индию весной 1508 года.

И вот в ноябре 1508 года в Кочине, где обосновался вице-король, произошла встреча д'Алмейды и д'Албукерки.

Опытный воин, но незнатный дворянин Франсишку д'Алмейда с почти нескрываемой ненавистью смотрел на д'Албукерки, явившегося в Индию, чтобы принять и погубить то, что он, д'Алмейда, с таким трудом создавал. За три года он утвердил господство португальцев в Восточной Африке — в Килве, Софале, Малинди, подорвал мусульманскую торговлю в индийских водах, обеспечил союз с многими индийскими владетелями. А теперь является выскочка, совершивший когда-то пиратский набег на Индию, и, пользуясь связями при дворе, оттесняет его.

Особенно возмущали д'Алмейду планы д'Албукерки касательно возведения крепостей. Подумать только! Откуда маленькая Португалия возьмет столько людей для гарнизонов, для посылки бесчисленных подкреплений?

Вице-король припомнил, что уже в 1505 году, когда он вышел со своей флотилией, более крупной, чем прежние, из Португалии, команду одной из каравелл пришлось почти целиком набрать из крестьян, никогда не бывавших в море. Они не знали ни правого, ни левого борта, и капитан каравеллы привязал к одному борту связку чеснока, а к другому — лука и командовал рулевым: «Руль на чеснок!» и «Руль на лук!».

Против португальцев организована коалиция. Мощная коалиция. Объединились Египет, султан Гуджарата и давний враг португальцев — саморин Калйкута. Флот неприятеля стоит у берегов Гуджарата. В недавнем бою египтянином убит любимый сын вице-короля — Лореншу, и д'Алмейда поклялся отомстить за смерть сына.

Отдать этому выскочке и прожектеру вице-королевство сейчас, хотя и истекает срок его полномочий, — нет, это свыше сил Франсишку д'Алмейды.

Когда д'Албукерки явился к вице-королю и в присутствии многочисленной свиты сообщил ему, что по приказу короля Мануэла он готов немедленно принять все тяготы правления на себя, а д'Алмейду ждет попутный ветер, удобная каравелла «Белем» и шесть других кораблей для сопровождения, д'Алмейда ответил, что срок его полномочий истекает лишь в следующем месяце, а пока он — вице-король Индии.

И в подтверждение этого отплыл со всем португальским флотом на север, в Гуджарат. Там в конце декабря он захватил богатый Дабхол, перебил его защитников и разрешил солдатам грабить город. «Добычи было захвачено на 150 тысяч дукатов», — лаконично замечает по этому поводу португальский летописец. Впрочем, вскоре д'Алмейда прекратил грабежи и приказал спалить город дотла. Он боялся, что иначе солдаты не пойдут дальше.

¹² Гвардафуй – мыс на восточной окраине полуострова Сомали в Африке, при входе в Аденский залив.

2 февраля 1509 года у острова Диу д'Алмейда встретился с египетско-гуджаратским флотом. В сражении, длившемся целый день, португальцы нанесли страшное поражение противнику, уничтожив около двухсот судов.

8 марта д'Алмейда триумфатором вернулся в Кочин с твердым намерением не выпускать власть из рук после такого успеха.

Пока в Лиссабон шли письма, обвиняющие д'Албукерки в нападении на Ормуз и неповиновении приказам короля, д'Алмейда решил действовать. Ночью Кочин проснулся от отблесков факелов и криков. Вице-королю якобы стало известно, что приверженцы д'Албукерки организовали заговор с целью захвата Кочина. Гашпар Перейру и Рюй д'Аранжо, верные люди д'Албукерки, были арестованы, закованы в кандалы, заключены в тюрьму, а дома их разрушены.

На следующее утро вице-король издал приказ усилить охрану Кочина и запретить ношение оружия всем, кроме свиты и охраны вице-короля и капитанов.

А еще через несколько дней Кочин облетела новая весть: претендент на должность правителя Индии арестован по обвинению в сношениях со злейшим врагом Португалии — правителем Каликута. Д'Албукерки отвезли на судно, стоявшее в порту Кочина, и приставили стражу.

Но д'Алмейда переоценил свои возможности. 29 октября в гавань Кочина вошел флот из 15 кораблей, возглавляемый маршалом Португалии Фернандишем Каутиньо, оказавшимся к тому же племянником д'Албукерки. Маршал привез инструкции короля, адресованные не вице-королю д'Алмейде, а правителю Индии д'Албукер'ки.

Освобожденный д'Албукерки не пожелал видеть бывшего вице-короля, который 19 ноября 1509 года отплыл в Португалию, чтобы погибнуть близ мыса Доброй Надежды в стычке с местными жителями.

Афонсу д'Албукерки стал правителем португальских владений в Индии.

Сохранившийся портрет изображает его именно в эту пору. На нас смотрит длинноротый высокий человек в кольчуге, поверх которой надет черный, расшитый золотом плащ с крестом ордена Сантьяго, командором которого был д'Албукерки. Левую руку он положил на эфес меча, а указательный палец правой повелительно поднял вверх. Глубоко запавшие жестокие глаза, длинный с горбинкой нос, худое, узкое лицо...

Д'Албукерки славился жестокостью, которая была тем страшнее, что была продиктована не корыстолюбием или садистскими наклонностями, а составляла неотъемлемый элемент всей политики создателя первой в истории человечества колониальной империи.

Он вырезал население деревень близ Ормуза, сжег мусульман Гоа в мечети, устроил чудовищную бойню в Малакке, сжигал корабли вместе с их экипажами в Индийском океане — совесть его была спокойна, ибо, как позже скажет португальский летописец Жуан Барруш, «если души тех, кто не исповедует христианство, все равно прокляты, то какой смысл считаться с их телами?».

А результаты были немалые — запуганность и покорность местного населения, истребление торговых конкурентов.

Сам д'Албукерки был честен, не терпел казнокрадов, не обогащался во время своих походов, но завоеванные города отдавал на разграбление солдатам, десятки кораблей, груженных награбленными товарами, отправлял в казну, и все это в куда больших масштабах, чем его предшественники и преемники.

Этот человек не искал любви тех, кого вел за собой. Посвятив свою жизнь недостижимой цели — увековечить господство маленькой Португалии над миллионными народами Востока, а тем самым сделать португальскую монархию первой в Европе, — он требовал от других такого же отрешения от личных интересов, такой же преданности идее возвышения Португалии над всем миром. В жертву этой идее — идее исторически неосуществимой и дорого обошедшейся Португалии — он приносил города и государства, врагов и союзников, не останавливаясь перед самыми чудовищными

злодеяниями, которые тем более чудовищны, что их совершал не полуграмотный искатель приключений, каким был, например, завоеватель Перу испанец Писарро, и не патентованный злодей, вроде португальского пирата Гонзалвиша Тибана, наводившего ужас на жителей деревень близ устья Ганга в начале XVII века, а самый выдающийся государственный деятель Португалии XVI века.

Став правителем, д'Албукерки приступил к широкому осуществлению своих планов. Вначале он решил создать основной опорный пункт в Индии. Но экспедиция, отправленная в январе 1510 года против Каликута, оказалась неудачной. Португальцы были разбиты, племянник д'Албукерки маршал Каутиньо убит, сам д'Албукерки ранен.

В марте 1510 года д'Албукерки без боя овладел городом Гоа, который принадлежал южноиндийскому султанату Биджапур, и решил превратить этот порт, расположенный на острове, в центр создаваемой им португальской колониальной империи. Но за Гоа пришлось воевать. Правитель Биджапура Адиль-шах собрал войско и выбил захватчиков из Гоа. Лишь в ноябре 1510 г. с помощью индийских князей Кочина и Каннанура д'Албукерки снова овладел Гоа.

Взятие Гоа сопровождалось зверствами, повергшими в смущение даже выдавших виды конкистадоров. Сам д'Албукерки писал королю Мануэлу: «Затем я распорядился жечь город в течение четырех дней и в это время никому не давать пощады... Мавров было убито шесть тысяч. Это действительно было великое дело, и оно было хорошо сделано».

Оставшиеся в живых после четырехдневной резни мусульмане — португальцы не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей — были согнаны в одну из мечетей и заживо сожжены.

Теперь, когда португальцы твердой ногой стали в Индии, где построили целую цепь фортов и факторий, нужно было двигаться дальше, чтобы сокрушить ненавистных «мавров» на западе — окончательно подчинить Ормуз, правитель которого проявил неповиновение, и захватить Аден, а также — на востоке, там, куда еще не добрались португальцы и где еще беспрепятственно торгуют мусульманские купцы. На восточном конце великого торгового пути, по которому шли пряности, лежала Малакка, город, где довелось побывать лишь одному европейцу — предприимчивому итальянцу Лодовико ди Вартеме.

Король Португалии Мануэл торопил своих капитанов. Он слабо разбирался в обстановке на Востоке, этот король, который считал, что счастье и дальше будет сопутствовать португальцам, совершающим подвиги во имя бога и короля.

И вот в 1509 году, в разгар борьбы между д'Алмейдой и д'Албукерки, в Кочине появилась небольшая эскадра из четырех кораблей под командованием Диогу Лопиш ди Сикейры. Эта эскадра должна была идти в Малакку и попытаться захватить город: в Португалии явно не понимали, что такое Малакка. Но в Индии ди Сикейре посоветовали не открывать с такими малыми силами враждебных действий против Малакки, а ограничиться разведкой. Д'Албукерки, в планах которого Малакка занимала не последнее место, удалось отправить с ди Сикейрой нескольких своих людей, в том числе пострадавшего из-за приверженности к новому правителю Индии Рюй д'Аранжо.

Сикейра вновь появился в Кочине несколько месяцев спустя, когда д'Албукерки вернулся из неудачного похода против Каликута. От прежней спеси, которая так отличала будущего — четвертого — вице-короля Индии, казалось, не осталось и следа. Еще бы! Несколько десятков человек потерял капитан в Малакке, сам едва избежал плена и с позором бежал от города, который явился завоевывать.

Из не слишком подробного доклада Сикейры и рассказов моряков и солдат его флотилии, заботливо собранных шпионами д'Албукерки, постепенно вырисовывалась следующая картина.

Вначале португальцев в Малакке встретили приветливо. Султан Махмуд разрешил пришельцам закупать пряности и другие товары. Но отношение к ним резко изменилось,

когда Сикейра потребовал от султана разрешения соорудить в Малакке форт для охраны торговых интересов Португалии. Султан и первый министр — бендахара Тун Мутахир — решили бороться с наглыми гостями. Значительное влияние на настроения султанского двора оказала многочисленная колония индийцев-мусульман Малакки, глава которой Ноадабегеа рассказал Тун Мутахиру о зверствах португальцев в Индии.

В жаркий августовский день, когда разомлевшие португальцы дремали на кораблях, а человек сорок бродило по городу, толкаясь на рынках, задевая встречных женщин, воины султана напали на португальцев.

Португальцы на берегу были захвачены врасплох: они привыкли, что за каждым из них ходили толпы зевак, дивясь их бородам и цвету кожи, за который они получили прозвище «белых бенгальцев», и поэтому толпа в тот день не возбудила в них подозрений. Большинство португальцев, бывших в тот день на берегу, попало в плен или полегло на узких улочках, ведущих к морю.

Лишь немногим удалось отбиться и уйти к шлюпкам. В числе этих немногих был и Фернандиш Мягальншп, который впоследствии прославился под именем Магеллана. Он собрал десяток оказавшихся поблизости соотечественников, сумел пробиться сквозь плотный заслон яванских наемников султана и уйти на последней шлюпке.

Захватить корабли Сикейры малайцам не удалось. За полчаса до нападения на флагман прибыл матрос с соседней каравеллы и доложил капитану, что от своей возлюбленной — малайской девушки из предместья Бату Илир — он только что узнал о готовящемся нападении. Сикейра приказал выслать шлюпки к берегу за ушедшими, а когда малайские прау подошли к его кораблям, встретил их орудийными залпами. Вслед за тем, едва дождавшись подхода шлюпок, он снялся с якоря и ушел от Малакки.

Это были невеселые вести. Но д'Албукерки ничем не показал, что разгневался. Он выразил соболезнование Сикейре и посоветовал ему отправиться в поисках славы куда-нибудь в другое место, ну, например, на Мадагаскар. Сикейра проглотил пилюлю, но не забыл и не простил унижения: через пять лет он отомстил д'Албукерки, приложив немало усилий для отстранения правителя от должности.

Когда через несколько месяцев д'Албукерки получил письмо от попавшего в малаккский плен Рюй д'Аранжо, он уже твердо знал, что после Гоа пойдет в Малакку и не даст никому опередить себя.

А в претендентах на первенство в захвате Малакки недостатка не было. Не успел д'Албукерки выпроводить Сикейру, как явился из Португалии с эскадрой Диогу Мендиш, тоже замышлявший плыть в Малакку. Д'Албукерки вначале убеждает, а затем приказывает Мендишу остаться до окончательного захвата Гоа, предлагая капитанам вновь прибывшей эскадры вместе отправиться к Малакке.

В эскадре Диогу Мендиша недовольны адмиралом д'Албукерки, да и многие из его окружения более склонны идти в поход против богатой Малакки, чем заниматься постройкой крепости в разоренном, не сулящем в ближайшее время доходов Гоа.

Однажды утром Диогу Мендиш попросил свидания у адмирала.

— Передай капитану, сейчас не время для бесед, потому что в городе и вокруг него слишком много мавров.

Такой ответ получил Мендиш.

Каждый вечер к Диогу Мендишу приходили капитаны и фидалгу его эскадры и требовали плыть в Малакку, не дожидаясь, пока позволит правитель, который, видит бог и святая троица, не хочет делиться с ними славой и добычей. Они втолковывали расстроенному Мендишу, что по контракту с его величеством королем капитаны и торговцы эскадры вовсе не подвластны д'Албукерки и вольны в своих действиях.

И снова Мендиш у д'Албукерки. На этот раз адмирал выслушал его терпеливо, не перебивая, не спрашивая ни о чем. Только когда услышал:

— Они убьют меня, если я не поведу их в Малакку,— удивленно поднял брови и произнес, не обращаясь к собеседнику:

— Конечно, если у флагмана нет аудитора и крепкой виселицы. — Про себя же добавил: «А ума не больше, чем у галисийского барана».

И уже громко, вежливо, настойчиво стал объяснять Мендишу, что он, д'Албукерки, волей его величества короля Мануэла назначенный адмиралом и правителем Индии к вящей славе христианства и процветанию Португалии, никак не может позволить капитану и его храбрецам со столь малыми силами отправиться в Малакку, которая, как сообщает Рюй д'Аранжо, хорошо укреплена и имеет большое войско из «мавров», своих и наемных.

В ту же ночь эскадра Диогу Мендиша снялась с якоря и попыталась выйти в открытое море. Мендиш не сомневался, что приведет корабли к Малакке, завоюет ее и сумеет добраться до родных берегов, минуя Индию и избежав гнева адмирала.

Развязка наступила неожиданно. Через час на горизонте показались две каравеллы, а на мысе, за которым лежало открытое море, — солдаты д'Албукерки. Еще час, и шлюпки одной из каравелл приближаются к флагману беглецов.

— Именем короля, — произносит капитан Тикшейра, отбирая меч у побледневшего Мендиша, который мысленно переживает неизбежный суд и позорное возвращение в Португалию.

А через некоторое время уцелевшие жители Гоа увидели, как один за другим исчезали за горизонтом паруса ненавистных пришельцев, которых увел куда-то длиннобородый дьявол. Д'Албукерки взял курс на Ормуз, но затем неожиданно для капитанов вернулся в Гоа и здесь объявил, что, хотя по приказу короля они должны направиться в Ормуз, муссон мешает им осуществить это и они вынуждены отплыть к Малакке, где, кстати, необходимо покарать султана за предательство и освободить португальских пленников.

Капитаны не скрывали своей радости. Радовались также фидалгу и матросы. Еще бы: вместо Ормуза с его пустынными берегами отправиться к сказочной Малакке, где, говорят, золото лежит под ногами, а пряностей столько, что ум человеческий не может постичь их обилия.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ,

Где речь пойдет о том, что рассказали убежавшие пленники о славном городе Малакке и его султани, о том, что сделал д'Албукерки, когда подошел к этому городу, а также о слонах, которые не умели сражаться на узких улицах

*И пришли корабли франков из Гоа в Малакку, и франки увидели, какой это процветающий и многолюдный порт
Малайская летопись «Седжарах Мелаю», XVI век*

Поход начался 20 апреля 1511 года. Новый поход д'Албукерки — первая экспедиция конкистадоров в неведомый мир Юго-Восточной Азии. На этот раз двигались не купцы, не заброшенные туда судьбой искатели приключений, не разведчики. Покорять Малакку шел целый флот из 18 кораблей; 800 португальских солдат и 600 индийских наемников с Малабара вел с собой д'Албукерки. Флаг адмирала был на «Флор дель мар» — большой каравелле, не впервые пересекавшей Индийский океан.

Д'Албукерки уверенно продвигался по древнему пути. Индийский лоцман, не единожды ходивший из родного Гуджарата к берегам Суматры и Малайи и еще дальше — к Яве и далеким Молуккским островам, указывал путь.

По совету лоцмана флотилия не сразу направилась к Малакке. Вначале зашли на Суматру, в гавани Пидир и Пасе, владельцы которых были данниками Малакки. Зашли, чтобы отдохнуть, подремонтировать корабли, собрать сведения о настроениях в Малакке.

Еще на подходе к Пидиру настигли индийское грузовое судно, которое и разграбили. Такая же участь постигла и другие корабли, встреченные д'Албукерки. В

Пидире д'Албукерки нашел восьмерых португальских пленников, бежавших из Малакки, узнал, что бендахара Тун Мутахир казнен подозрительным султаном, а его советник и враг португальцев Ноадабега, опасаясь гнева султана, скрылся.

В опустевшем Пасе, жители которого, узнав о приближении эскадры, бежали в джунгли, португальцы не нашли никакой добычи и, не задерживаясь, отплыли к Малакке.

По пути туда португальцы встретили еще два индийских судна. Одно из них было сожжено, и экипаж безжалостно перебит. Второе с тремястами вооруженных воинов оказало яростное сопротивление. На нем находился раджа Пасе, направлявшийся в Малакку, чтобы предупредить своего сюзерена о приходе «белых бенгальцев». Д'Албукерки сделал вид, будто поверил рассказу раджи, объяснившего свое пребывание на корабле необходимостью отправиться на Яву за помощью против своих мятежных вассалов. Адмирал не желал портить отношений с подданными малаккского султана. Он даже распорядился не нападать более на местные корабли (за исключением индийских) в Малаккском проливе.

К вечеру 1 июля португальская эскадра подошла к Малакке и встала на якорь в виду города под звуки корабельных фанфар и орудийного салюта.

На следующий день начались переговоры. Посланцы д'Албукерки требовали от султана Махмуда освобождения португальских пленников в качестве доказательства его желания жить в мире и дружбе с королем Португалии. Султан соглашался отпустить португальцев, но хотел сначала заключить мир, а затем освободить пленников.

А пока малайцы спешно строили укрепления на берегу, д'Албукерки, не дожидаясь ответа, разрушил орудийным огнем дома в предместье Упех и сжег все гуджаратские корабли, стоявшие на рейде. Он не тронул ни китайских, ни сиамских судов, напротив, подчеркивал всячески свое расположение к китайским и сиамским купцам и капитанам, уговаривая их подождать в гавани, пока он не возьмет Малакку, а затем сообщить своим государям о великой победе португальцев.

Пытаясь избежать войны, султан решил отпустить пленников. Но это не остановило д'Албукерки, с самого начала решившего штурмовать Малакку. И он предъявил новый ультиматум — не только открыть Малакку для монопольной торговли португальцев, но и разрешить им построить в городе форт. Отказ султана послужил формальным поводом для начала военных действий.

Огромный город лежал перед португальцами. Он возник из небытия за столетие, и за это время превратился из маленькой деревушки в крупнейший порт Азии с многоязычным населением, куда сходились торговые пути из Китая, Индии, Аравии и других далеких стран.

За сто с небольшим лет до прихода португальцев яванский принц, имени которого история не сохранила и который остался известен лишь по титулу — парамесвара (принц-консорт), попал на западный берег Малакки и здесь, в устье реки Малакка, основал крохотное княжество.

С начала XV века в городок начали заходить китайские флотилии, совершавшие далекие плавания на Запад, проявляли интерес к нему и мусульманские торговцы из Индии, обосновавшиеся в портах Северной Суматры. Оживление торговых связей между странами Дальнего Востока, Индией и Аравией, заинтересованность западных государств в пряностях, которые шли через Малаккский пролив, упадок яванских портов — все это выдвинуло Малакку на первый план в Юго-Восточной Азии.

Правители Малакки используют выгодную обстановку. Они становятся вассалами Китая — вассалами, правда, лишь по названию, чтобы избавиться от сиамской угрозы. Уже первый из них переходит в ислам, а его преемники укрепляют связи с тамильским мусульманским купечеством брачными союзами. Четвертый правитель, убивший своего малолетнего брата, принимает титул султана. При нем начинается стремительное усиление Малакки.

XVI век застаёт султанат в зените могущества: под его властью находится не только вся Малайя, но и княжества восточного берега Суматры.

Вернувшиеся из плена португальцы рассказывали, сколь изумителен и богат этот город, сколько кораблей ежегодно приходит в гавань, какие роскошные товары они видели на базарах, где встречаются купцы из разных стран — важные арабы из Каира, Мекки и Адена, бойкие гуджаратцы, осторожные китайцы, буги, любящие решать торговые споры ударом криса, молчаливые яванцы, веселые жители Пегу. «84 языка встречаются здесь», — говорили они изумленным слушателям.

И продолжали: Малакка не знает себе равных. Это город, самой природой предназначенный для торговли. Здесь лук и чеснок ценятся выше, чем мускатный орех, бензойная смола и другие драгоценные вещи.

Рассказывали они также, что сюда, в Малакку, приходят шерстяные ткани, стекло с позолотой из Венеции, опиум — из Мекки, тридцать видов одежд и сорок видов других товаров — из Камбея и Адена, серебро и рубины — из Пегу, шелка и фарфор — из Китая, перец и золото — с Суматры, рис, мясо, оружие — с Явы, корица и мускатный орех — с Молукк и островов Банда. Число иностранных купцов с их челядью так велико, что живут они в отдельных предместьях, из которых Упех — самое большое, и управляются своими старейшинами — шахбандарами. Рассказывали они и о великолепном дворце султана, вход в который украшают бронзовые львы, и о султанской сокровищнице, находящейся рядом с дворцом, и об огромных мечетях, самая большая из которых находится в Упехе, куда по пятницам устремляются толпы «мавров» разных национальностей. «А малайская знать и богатые купцы, — сообщали они, — живут приятнейшей жизнью в окруженных рощами, садами и водоемами больших домах. Дома эти расположены за городом, а в самом городе они также имеют богатые дома. У них много рабов и прислужников, исполняющих все их желания».

Лишь о трудовом люде, ютившемся в жалких хижинах из пальмовых листьев, в кампонгах¹³ близ города и на его окраинах, переносившем товары с кораблей и грузившем их на корабли, сгонявшемся на постройку дворцов, загородных домов и мечетей, трудившемся в ремесленных мастерских города, почти ничего не говорили бывшие пленники. Да это никого и не интересовало — ведь здесь не пахло золотом и пряностями.

Зато о воинских силах Малакки говорили много. В городе находилось не менее 20000 воинов — жителей Малакки, яванских наемников и солдат султана Паханга¹⁴, прибывшего в Малакку для женитьбы на дочери Махмуда. Город обладал значительной артиллерией, в том числе 50 большими бомбардами. Подступы к Малакке со стороны моря преграждали деревянные палисады. Единственным пригодным местом для высадки было устье реки Малакки, через которое был перекинут мост, соединявший город с его предместьем Упех, расположенным на правом берегу реки. Мост, как самая уязвимая и в то же время самая важная стратегическая позиция, был защищен палисадом и батареями, охрана его была поручена яванским наемникам.

Но, несмотря на внешнее великолепие, Малаккский султанат не был таким мощным государством, каким представляли его португальские источники. И напрасно португальские, и не только португальские, историки по сей день стараются доказать, что все решила доблесть и мужество португальцев, выступавших против врага, превосходившего их по численности в двадцать раз и чуть ли не одинаково вооруженного.

Главной ударной силой малаккского войска были боевые слоны, которые, однако, в уличных боях наносили урон не столько наступавшим, сколько оборонявшимся. Подавляющая масса малаккского войска была вооружена копьями, луками и крисами, воины не носили панцирей и кольчуг и сражались полуголыми. Город не имел крепостных стен и защищался лишь деревянным палисадом, и то не сплошным.

¹³ Кампонг (мал.) — деревня.

¹⁴ Паханг — княжество на восточном побережье Малаккского полуострова.

Португальцы превосходно владели огнестрельным и холодным оружием, в отличие от массы защитников Малакки они были профессиональными воинами, ремеслу солдат их обучали отцы. Правда, в лице яванских наемников, также великолепно владевших холодным оружием, они нашли достойных соперников, но дисциплина и организованность у португальцев были значительно выше.

Султанат раздирали внутренние противоречия, особенно обострившиеся к моменту появления португальцев. Вассалы на полуострове и на Суматре мечтали об отделении от Малакки и не пришли ей на помощь. Часть купечества города, особенно китайцы и яванцы, недовольные деспотизмом султана Махмуда, не была склонна оказывать ему помощь в борьбе с пришельцами. Португальцы умело использовали эти противоречия, постарались заручиться поддержкой суматранских вассалов Малакки и вступили в переговоры с китайскими, яванскими и индийскими (немусульманскими) торговцами. К тому же яванские наемники — основная воинская сила Малакки — несколько месяцев не получали жалованья.

Не было единства и в ближайшем окружении султана. Фавориты использовали болезненную подозрительность Махмуда для устранения неугодных им лиц, жертвой чего и пал энергичный и дальновидный бендахара Тун Мутахир, деятельно готовившийся к борьбе с португальцами.

Тун Мутахира погубило то, что он был богат и имел красивую дочь. Бендахара считался богатейшим человеком Малакки. Торговцы на базарах передавали друг другу, клянясь, что это правда, будто бы Тун Мутахир принимал своих рабов за чужеземцев — так пышно и богато они одевались, а золото бросал пригоршнями прохожим.

Много врагов имел Тун Мутахир, но злейшим, как повествует малайская летопись, был лаксамана — адмирал Хаджи Хусейн. Однажды бендахара разбирал дело двух богатых индийских торговцев и отложил решение на утро. Ночью один из тяжущихся принес ему бахар¹⁵ золота. Узнав об этом, другой бросился к лаксамане, преподнес ему золото и пять крупных бриллиантов, умоляя о заступничестве. Лаксамана отправился к султану и сообщил, что из верных источников ему стало известно о стремлении Тун Мутахира захватить трон. Навет пал на подготовленную почву: красота дочери бендахары — Фатимы не давала покоя султану, а Тун Мутахир пренебрег милостью повелителя и выдал ее за сына своего давнего друга.

Махмуд послал палачей с султанским крисом — знаком власти — к бендахаре и его брату. Через некоторое время тот же Махмуд отправил посланца в дом бендахары с приказом не убивать членов семьи Тун Мутахира, но послал с таким расчетом, чтобы посланец не застал никого из мужчин в живых. Случайно лишь уцелел маленький внук бендахары, которому спасло жизнь появление султанского гонца. Фатима была взята в гарем Махмуда, но, как сообщает тот же летописец, «перестала улыбаться и не хотела рожать детей султану». Чтобы заслужить расположение Фатимы, султан казнил индийского купца и оскотил лаксаману.

Отпущенный султаном Рюй д'Аранжо рассказал обо всем этом д'Албукерки, познакомил его с богатым индусом — главой индийцев-немусульман Малакки, сообщил о всех укреплениях и наиболее уязвимых местах города.

На совещании у д'Албукерки на флагмане «Флор дель мар» было решено нанести удар по мосту, от которого открывался путь к городу и предместью Упех. Утвердившись на мосту, можно было бомбардировать город и принудить его защитников к сдаче.

Атака была назначена на 25 июля, день святого Яго — покровителя Португалии.

Д'Албукерки разделил свои силы на три части. Семь капитанов должны были атаковать часть моста, выходящую к предместью Упех, а одиннадцать — другую часть, ведущую к городу. Сам адмирал с резервом должен был следовать за основными силами, закрепляя успех.

¹⁵ Бахар (мал.) — мера веса, равная 160 кг.

Было еще совсем темно, когда к флагманской каравелле «Флор дель мар» стали подходить шлюпки. Бесшумно взбирались фидалгу на борт корабля.

Рассвет наступил, как всегда, внезапно — и этому не переставали удивляться новички, впервые очутившиеся в Индии (впрочем, у д'Албукерки таких было немного).

И сразу все вокруг оживилось. Прозвенели фанфары флагмана. От «Флор дель мар» к узкой полоске песка, за которой начинались мангровые заросли, двинулись шлюпки португальцев. Они шли медленно, раскинувшись веером, чтобы уберечься от обстрела, но жителям города казалось, что лодки «белых бенгальцев» приближаются с дьявольской быстротой. С берега, из деревянных укреплений, наспех выстроенных за эти тревожные дни, с моста, возвышавшегося над рекой, открыли частый, но беспорядочный огонь, не столько причинивший ущерб португальцам, сколько изрядно дезорганизовавший защитников: несколько орудий разорвалось, убив и покалечив немало число пушкарей и людей, стоявших вблизи.

Почти одновременно передовые шлюпки правого и левого крыла подошли к мосту. Первым на берег выскочил, размахивая длинным мечом, дом Жуан да Лима. За ним с боевым кличем на мост ринулись португальцы из других шлюпок. Защитники моста, вооруженные луками и стрелами, а также длинными копьями и щитами, храбро встретили закованных в броню, умело орудующих мечами, несокрушимых в бешеном натиске португальцев. Лязг железа, пение стрел, звуки горнов, которыми подбадривали себя малайские воины, боевой клич португальцев — все слилось воедино в шуме кровавой битвы на мосту.

Спустя полчаса португальцам удалось оттеснить малайских и яванских воинов с моста к мечети и городу. Но захватить мечеть сразу не удалось. Султан и его сын Ахмад на слонах остановили бегущих и повернули их против португальцев. Лишь после нового сражения солдаты да Лимы сумели взять мечеть, перебив ее защитников. Этот успех недешево достался португальцам: они потеряли около тридцати человек, большинство которых умерло от отравленных стрел.

И в тот момент, когда левое крыло португальской армии торжествовало победу, из города к мосту подошел Туан Бандар с семьями яванских наемников. Неизвестно, сумели бы португальцы удержать мост, если бы султан Махмуд и Туан Бандар атаковали одновременно. Но этого не случилось.

Португальцы пропустили яванцев на мост, а затем ударили с тыла, в то время как на самом мосту Туан Бандара встретили уже отогнавшие султана за мечеть воины да Лимы. Эта последняя в тот день схватка на мосту кончилась гибелью всего яванского отряда во главе со своим командиром.

Наступил полдень. Изнывавшие от зноя, закованные в латы португальцы вновь были вынуждены отражать атаку малайцев. На этот раз — со стороны мечети. Малайцев вели султан и принц Ахмад. Впереди двухтысячного отряда двигались боевые слоны. Португальцы встретили врага почти у самой мечети, там, где начинался мост. Знакомые с животными еще по Индии, ветераны индийских компаний д'Алмейды и д'Албукерки, не обращая внимания на нестройную малайскую пехоту, открыли огонь по слонам. Раненые животные в ярости повернули назад, смятая свою пехоту, сбрасывая седоков.

Д'Албукерки запретил преследовать бегущих. Опасаясь атак, он велел укрепить мост палисадом и втащить на мост пушки. Под прикрытием огня с кораблей и шлюпок португальцы построили палисады с обеих сторон моста, за которыми поставили батареи.

До двух часов пополудни продолжалась бомбардировка города и предместья вокруг мечети. Деревянный город вспыхнул сразу, и, несмотря на все усилия жителей, пожар не удалось потушить до позднего вечера. Португальцы устали. Раненые лежали под палящим солнцем, с трудом удалось подвезти еду с кораблей: малайцы непрерывно обстреливали берег и подступы к мосту.

Еще до того как начали укреплять мост палисадом, капитаны сообщили адмиралу, что люди утомлены, страдают от жестокой жары, и просили разрешить вернуться на корабли для отдыха. Д'Албукерки прогнал капитанов и велел продолжать сооружение палисада, надеясь провести ночь на мосту. Но после того как капитаны вновь и вновь поодиночке и все вместе приходили к нему и докладывали об усталости, потерях, боязни ночного нападения «мавров», д'Албукерки с заходом солнца приказал возвращаться к шлюпкам. Обстреливаемые со всех сторон португальцы вернулись на корабли.

Первый штурм Малакки кончился. Кончился неудачей для португальцев. Семьдесят раненых привезли они с собой на корабли и около сорока убитых. Многие раненые умерли к утру, и, вспоминая эту ночь, очевидец потом напишет: «Из раненных же отравленными стрелами никто не избег печальной участи, кроме одного — Фернана Гомиша да Лимоша: он выжег рану раскаленным наконечником стрелы сразу после ранения, и господь сохранил ему жизнь».

Полмесяца прошло между первым и вторым штурмом Малакки. Обе стороны готовились к новому сражению. Малайцы укрепили мост, установили на нем новые пушки, загородили палисадом подступы к мосту со стороны мечети и главной улицы города, разбросали по всему берегу, где высаживались португальцы в прошлый раз, отравленные шипы.

Занимались военными приготовлениями и португальцы. Учтя опыт сражения на мосту и понимая, что мост необходимо взять во что бы то ни стало, д'Албукерки приказал надстроить палубу на одной из джонок, предоставленных ему китайскими купцами. На этой палубе были построены и навесы, защищающие солдат от стрел и ядер малайцев. Адмирал планировал ввести джонку в устье реки и с верхней палубы, возвышавшейся над мостом, смести защитников моста, а затем ввести на мост основные силы. Султан пытался помешать постройке плавучей крепости и несколько раз посылал к ней брандеры¹⁶, но португальцы были начеку (д'Албукерки приказал капитанам по очереди дежурить на борту джонок).

Д'Албукерки послал лазутчиков в предместье Упех к общепризнанному главе яванской колонии Утимутирадже, обещая сохранить ему, его семье и челяди (у этого богатейшего торговца было 4000 рабов) жизнь, а также имущество в том случае, если тот не будет помогать султану.

Утимутираджа и его сородичи, недовольные засильем тамильских торговцев при дворе, опасавшиеся за свои богатства в случае победы португальцев, согласились помочь д'Албукерки, хотя одновременно на всякий случай оказывали помощь и султану Махмуду в сооружении укреплений на берегу. Несомненно, что предательство богатых яванских купцов сказалось на поведении основной воинской силы султаната — яванских наемников, несмотря на то что после первого штурма им не только выплатили задержанное жалованье, но и уплатили за три месяца вперед.

За несколько дней до решающего штурма д'Албукерки собрал капитанов и фидалгу своей эскадры и обратился к ним с речью. Привыкшие к деспотизму и суровости адмирала португальцы вначале с удивлением, а потом с восхищением слушали д'Албукерки. Он не приказывал, но и не уговаривал и даже не слишком часто упоминал о долге перед богом и королем. Главным образом адмирал говорил о тех выгодах, какие принесет захват города португальцам, о тех богатствах, которые воины возьмут в городе.

Взяв город, убеждал д'Албукерки своих фидалгу, мы преградим доступ маврам к пряностям, и у них не останется ни одного порта, где они смогут вести торговлю ими. Сокрушение Малакки — путь к небывалому возвышению Португалии, ибо, если мы выхватим торговлю Малакки из рук мавров, Каир и Мекка придут в упадок, а в Венеции не будет иных пряностей, кроме тех, которые ее торговцы будут покупать в Португалии.

¹⁶ Брандер — лодка или баржа, наполненная порохом и горючими веществами, которую поджигали и подгоняли к кораблям противника.

Адмиралу удалось убедить собравшихся принять решение о новом штурме, хотя в совете раздавались голоса за отплытие в Гоа, чтобы потом вернуться к Малакке с более значительными силами. Д'Албукерки настоял, чтобы решение совета было подписано всеми военачальниками и фидалгу эскадры и о нем узнал каждый солдат.

Утром 10 августа 1511 года, в пятницу, португальцы начали новый штурм. На этот раз д'Албукерки сам повел их в атаку на мост.

Впереди шла джонка — плавучая крепость. Защитники моста обстреливали палубу джонки, подошедшей к мосту, из пушек, аркебуз, луков, сумпитанов¹⁷. Борты Джонки были продырявлены и навесы на палубе разрушены. Много португальцев было убито и ранено. Джонку отвели от моста, наспех заделали пробоины, прикрепили новые навесы.

На этот раз джонке удалось подойти вплотную к мосту и португальцы сверху смогли расстрелять гвардейцев султана, защищавших мост.

Свои основные силы д'Албукерки немедленно бросил на штурм малайских укреплений, прикрывавших подходы к мосту. Малайцы, по свидетельству португальцев, «долгое время оборонялись с завидным мужеством». Особенно упорно защищали они предмостное укрепление со стороны мечети. Только после того как д'Албукерки сам повел португальцев в атаку, им удалось оттеснить малайцев от палисада.

Малайцы непрерывно атаковали. С трудом португальцы удерживали подступы к мосту, в то время как на нем устанавливалась артиллерия и делались укрытия из пальмовых листьев для страдавших от жары солдат. Укрепившись на мосту, португальцы под прикрытием пушек двинулись к мечети, где их встретил принц Ахмад. Отряд да Лимы сумел обратить в бегство слонов, Ахмад был ранен и с трудом избежал плена.

Всю ночь португальцы бомбардировали город с моста. В городе бушевали пожары, малаккские воины не могли сосредоточиться для атаки на прилегающих к мосту улицах. «Страшно было взглянуть на город — казалось, что он весь в огне», — писал участник штурма.

На этот раз португальцы потеряли убитыми около тридцати человек: сражение было выиграно не врукопашную, а с помощью пушек.

В течение двух недель португальцы обстреливали город, совершали налеты на прилегающие к мосту улицы, жители которых даже под страхом голодной смерти не решались выйти из дому. К д'Албукерки потянулись делегации купцов многонационального города — просить милости в ожидании неминуемого грабежа. Таковую милость д'Албукерки даровал немусульманам — бирманцам, сиамам. Получил гарантии неприкосновенности и Утимутираджа.

С утра 24 августа город был отдан на разграбление португальской солдатне «в вознаграждение за труды». Шестью колоннами двинулись португальцы по улицам города, убивая встречных жителей-мусульман без различия пола и возраста. «Все мавры, и женщины и дети, были убиты, ибо им не давали никакой пощады». Вслед за тем в город были отпущены для грабежа вначале моряки, а затем остальные португальцы. Вся «операция» заняла один день.

К вечеру награбленная добыча была сложена у дома, где расположился д'Албукерки. Адмирал не взял себе ни золотых сосудов, ни слитков золота, ни драгоценных камней: лишь шесть бронзовых львов из султанского дворца на свою будущую могилу, чтобы потомки помнили, кто победил Малакку. Но хранители султанов Малакки — бронзовые львы — не украсили могилу завоевателя: на обратном пути «Флор дель мар», на котором везли добычу, затонул, а львы вместе с другими сокровищами по сей день лежат на дне моря близ северных берегов Суматры.

Махмуд бежал, увозя с собой раненого Ахмада. По дороге последний умер; говорили, что его отравил отец, боявшийся популярности принца, особенно возросшей в дни обороны Малакки. Вместе с Махмудом бежали почти все сановники султана.

¹⁷ Сумпитан (мал.) — духовая труба, из которой выдувают отравленные стрелы.

Братья д'Анраде с яванскими наемниками, перешедшими на службу к португальцам, разбили Махмуда на реке Муар, неподалеку от Малакки, после чего тот бежал еще дальше — вначале в Паханг, а затем на юг, в Джохор.

Не теряя времени д'Албукерки приступил к постройке форта — форта, который один мог спасти горстку португальцев в море враждебных государств. И те только спасти, но и помочь утвердить господство Португалии на старинном торговом пути через Малаккский пролив, стать базой для флота, для дальнейшего продвижения к заветной цели — Островам Пряностей.

В разоренном городе не хватало рабочих рук, и д'Албукерки отправил своих солдат в окрестности для поимки бежавших жителей. Их заковывали в цепи и гнали в Малакку. Вместе с уцелевшими рабами султана они под надзором португальцев строили крепость, которая должна была закрепить господство чужеземцев в их стране.

В городе (точнее, в руинах его) не было камня, даже дворцы были построены из дерева. Камень нашелся на кладбище, где были похоронены султаны Малакки и их родственники, а также в мечетях. Д'Албукерки снял все надгробия и построил из них крепостную стену.

Не только в строительстве форта видел д'Албукерки путь к процветанию — теперь уже португальской — Малакки. Малакка должна сохранить свое значение крупнейшего порта в малайском мире для процветания Португалии и умножения ее богатств. И д'Албукерки всячески подчеркивает свое расположение к яванским и индусским купцам, оставшимся в городе, посылает посольства в Сиам и Китай с уверениями в дружественных намерениях португальцев. Религиозное рвение адмирала отступает перед соображениями коммерческого и тактического порядка — необходимо было заручиться союзниками, Д'Албукерки радушно принимает посланцев султана Кампара — бывшего вассала Малакки.

Затем д'Албукерки посылает три корабля во главе с Антониу д'Абреу и Франсишку Серрано к Молуккам, до которых теперь рукой подать: ведь ключ к сокровищнице у португальцев. Эта экспедиция открыла новую страницу в истории путешествий и завоеваний XV—XVI веков. Страницу более значительную, чем все то, что ей предшествовало. Ибо экспедиция д'Абреу, потерявшего два из трех своих кораблей, была прологом к путешествию Магеллана. Франсишку Серрано, потерпевший кораблекрушение близ Амбона и оставшийся на этом острове, в письмах Магеллану подал последнюю мысль направиться к Островам Пряностей с запада, а не с востока.

Но главная забота д'Албукерки — закончить форт и вернуться в Индию, откуда доходят тревожные вести.

Неспокойно в Малакке и вокруг города. Султан Махмуд и его младший сын Алауддин, обосновавшиеся на юге полуострова, продолжают борьбу с португальцами. Яванские купцы и их глава Утимутираджа недовольны проводимой португальцами политикой ущемления мусульманского купечества. Малайское население готово поддержать любое выступление против ненавистных пришельцев.

Д'Албукерки решает нанести удар первым: при содействии главы индусского купечества он арестовывает Утимутираджу, его сына, внука и зятя и предъявляет им обвинение в сговоре с Махмудом и противодействии мероприятиям португальцев в городе. Ночью сооружается эшафот, а наутро приговор приводится в исполнение. Восьмидесятилетний яванец спокойно встретил смерть и лишь просил о милости умереть первым, чтобы не видеть конца своих близких. Казнь Утимутираджи вызвала восстание, видную роль в котором сыграла жена погибшего. Но бывшие начеку португальцы довольно быстро разгромили это выступление, в результате большинство яванцев покинули город и бежали на Яву.

В начале января 1512 года постройка форта завершилась. Названный «Фамоза» — «Славный», форт возвышался на правом берегу реки, у впадения ее в море. Форт окружала стена толщиной около двух с половиной метров с бастионами по углам. Близ

моста Прямо в море была построена башня, преграждавшая доступ к реке. Во время прилива в ворота башни мог войти корабль водоизмещением до 200 тонн. Таким образом, гарнизон мог получать подкрепления и припасы с моря, где господствовал португальский флот.

Владычество Португалии в Малаккском проливе было закреплено. В течение почти 130 лет о стены «Фамозы» разбивались попытки яванских, малаккских, ачехских султанов покончить с португальским господством, в течение 130 лет португальцы терроризировали окрестное население, совершали пиратские набеги, навязывали всем свою торговую политику, опираясь на форт, ставший в глазах местного населения символом угнетения.

Сразу же после окончания постройки форта и назначения коменданта и других должностных лиц д'Албукерки поспешил в Индию.

Никогда, ни до штурма Малакки, ни после этой победы, португальская колониальная империя не переживала более блестящей поры.

Весь торговый путь от Лиссабона до Малаккского пролива находился в руках португальцев, целая сеть опорных баз обеспечивала незыблемость португальского владычества на этом пути, мусульманской торговле был нанесен сокрушительный удар, от которого ей не суждено было оправиться. Казалось, ничто в мире не сможет противостоять могуществу короля Мануэла — богатейшего из европейских монархов, чьи корабли бороздят океаны.

Торжества по поводу захвата Малакки состоялись не в Малакке и даже не в Лиссабоне, где известие о падении мощного форпоста мусульманской торговли было встречено с небывалым ликованием, а в столице христианского мира — в Риме.

В сентябре 1513 года в Риме папа Лев X устроил торжественный прием португальскому посольству. Во главе посольства шел Триштан да Кунья — один из португальских адмиралов, водивших эскадры на Восток. За ним следовали знатные вельможи Португалии в сопровождении родственников и друзей. У ворот города посольство встретили кардиналы и прелаты.

Но блеск посольства в глазах несметных толп, высыпавших на улицы Рима, затмила добыча из далеких восточных стран, которую португальский король прислал папе. Здесь слон невиданных размеров, два леопарда, пантера, персидские кони, украшенные драгоценной сбруей, золотые чаши и вазы, усыпанные драгоценностями церковные облачения. Когда процессия подошла к дворцу, у окна которого стоял папа, слон остановился и трижды преклонял колени перед святым отцом, к неопишуемому восторгу толпы.

Через шесть дней сам папа отслужил благодарственный молебен во славу христианских рыцарей Португалии. В речи, которую произнес после молебна каноник собора св. Петра, говорилось, что успехи португальцев придали небывалый блеск понтификату Льва X, что король Мануэл войдет в историю как самый ревностный борец с язычниками, а д'Албукерки может быть поставлен в один ряд с величайшими героями прошлого.

Папский и королевский двор упивались победой, считая ее началом самой блестящей эпохи Португалии.

Но — и такова ирония истории — победа оказалась одним из последних крупных успехов португальцев. Остальная история их владычества на Востоке стала историей поражений, обороны, попыток удержать свое могущество под натиском других европейских наций и борьбы местного населения за независимость.

Создатель португальской колониальной империи умер в пору ее расцвета. 16 декабря 1515 года д'Албукерки скончался в Гоа. Незадолго до смерти он узнал, что из Лиссабона едет преемник: король Мануэл сменил наиболее способного колониального политика, которого имела когда-либо Португалия.

В год празднества в Риме португальская Малакка испытала первый удар — осаду войсками яванского княжества Джапара.

В год смерти д'Албукерки последовал второй удар — нападение княжества Джохор.

Часть вторая **СОПЕРНИКИ И ВРАГИ**

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ,

Где речь пойдет о том, что увидел пират с высокого дерева и что послужило причиной великого путешествия, о казни в Магеллановом проливе, о сокровищах испанского галиона и о несговорчивых султанах Тернате

В пять часов мы подошли к каравелле вплотную. Три раза выстрелили из пушки и сбили ей мачту. Взойдя на борт, мы нашли большие богатства — жемчуг и драгоценные камни, тринадцать сундуков с монетами, сорок фунтов золота и много слитков серебра
Из описания путешествия Френсиса Дрейка вокруг света, составленного его спутником, священником Флетчером

11 февраля 1573 года два обращенных в христианство индейца провели капитана Френсиса Дрейка на самую высокую точку Панамского перешейка. Там росло громадное дерево, и к стволу его были прикреплены чурбаки, по которым можно было взобраться на вершину.

Капитан Дрейк влез на дерево по этой лестнице и сверху увидел сразу два океана. Один — Атлантический — был ему хорошо знаком. Другой — Тихий — оставался до сих пор полностью неизвестным для англичан. Ни один английский корабль не побывал еще в его водах. Города испанских колоний тихоокеанского побережья не были укреплены и могли оказаться легкой добычей для того, у кого хватит отваги побывать там.

Через несколько дней Френсис Дрейк поведал о своих замыслах старому другу — капитану Оксенхэму. Оксенхэм поклялся, что поддержит Дрейка и поплывет с ним, какими бы опасностями ни грозило подобное предприятие. И капитаны расстались. Дрейк возвратился в Англию, а Оксенхэм остался крейсировать у берегов Панамы.

Он не дождался возвращения Дрейка. Слишком велик был соблазн первому броситься к незащищенным берегам западного побережья. Он собрал самых отважных из своих матросов и снарядил для дальнего похода одномачтовый бот. С помощью индейцев перетащил его через Панамский перешеек и неожиданно оказался в тылу у испанцев.

Поход окончился трагически. Оксенхэм успел ограбить и потопить два испанских галиона, но его бот настигли военные каравеллы испанцев. После короткого боя Оксенхэма взяли в плен и повесили на центральной площади города Лимы...

В это время капитан Френсис Дрейк, которому первому пришла в голову мысль проникнуть в Тихий океан, находился в Лондоне. Он хотел заинтересовать своей идеей английское правительство.

Дрейк ушел в море мальчишкой, как уходили все в его семье. Он родился, по видимому, в 1540 году, а уже в 1567-м командовал кораблем в экспедиции к берегам Америки. Вот тогда-то, если верить Дрейку, испанцы отобрали у него все нажитое во время путешествия, за что Дрейк и решил им отомстить.

Дрейк стал пиратом, пиратом на службе английской короны. Ему не нужно было скрываться на необитаемых островах после удачного рейса. Он победителем возвращался в Лондон, и корабль его останавливался на виду всего города. Английская королева весьма и весьма одобряла подобные действия.

Испанские галионы и транспорты возвращались из Америки груженные золотом, драгоценными породами дерева, табаком... Как коршуны, налетали на них английские пираты. Золото перекочевывало в трюмы их кораблей. В Лондоне, поделившись с казной,

на оставшиеся две трети добычи пираты снаряжали новые еще большие корабли и снова бросались в погоню за Испанскими талионами. Далеко не все возвращались благополучно домой. Испанцы, если им удавалось поймать пирата, не церемонились. Ему всегда находилось место на рее.

К тому времени, когда Дрейку пришла в голову Мысль побывать на тихоокеанском побережье, он уже совершил несколько плаваний к Америке и островам Зеленого Мыса. И ни разу не удавалось испанцам настигнуть Дрейка.

И вот он в Лондоне. Дрейка принимает королева Елизавета. Что же рассказывает ей Френсис? Какой план похода предлагает он? А это немаловажно, ибо высказанные им соображения были настолько резонны, что осторожная и рассудительная королева Англии не только отпустила Дрейка в дальний поход, но, больше того, согласилась лично участвовать в расходах на снаряжение кораблей.

Дрейк изложил королеве свой план.

Он не намерен повторять ошибки Оксенхэма и перетаскивать суда через перешеек. Испанцы уже ждут впадения оттуда. Кроме того, большой корабль через перешеек не перетащишь, а маленький обречен на быструю гибель. Нет, нужен даже не один корабль. Нужна эскадра, которая сможет противостоять любым испанским силам в том районе. А раз так, то остается только один путь — вокруг Южной Америки, через пролив, которым полвека назад прошел португалец Магеллан. Испанцы не думают, что пираты осмелятся повторить путь Магеллана.

А потом на север, вдоль берегов Чили и Перу, до Панамы, грабя на пути города испанцев и пуская ко дну корабли...

План был принят.

Путешествие, которому суждено было пробить первую брешь в невидимой стене, воздвигнутой испанцами и португальцами вокруг их владений в Азии, началось при большом стечении народа. На набережную провожать Дрейка собрались тысячи лондонцев. Тут были и родственники моряков и просто любопытные.

5 февраля 1577 года из Лондона отплыли пять кораблей, на борту которых было 164 человека, в том числе и несколько весьма знатных офицеров. Путешествие обещало быть хотя и долгим, но интересным и прибыльным.

Дрейк поднял флаг адмирала на «Пеликане», самом большом и хорошо вооруженном корабле флотилии. Флотилия была специально оборудована для долгого военного похода. Все корабли были быстроходными, отлично вооружены, и в трюмах их лежали солидные запасы пороха и боеприпасов.

Путешествие чуть не сорвалось в первый же день. Не успели скрыться с глаз берега Темзы, как налетел неожиданный шторм. «Пеликан» потерял мачту, и Дрейк был вынужден приказать кораблям выброситься на берег.

Целый месяц продолжалась починка потрепанной флотилии. Но Дрейк предпочитал не возвращаться в близкий Лондон. Он опасался насмешек и косых взглядов. Некоторые считали, что такое начало — дурная примета. Несколько человек сбежали с кораблей, и Дрейк нанял новых матросов в рыбацкий деревнях.

Наконец флотилия возобновила путешествие и без особых приключений прибыла через некоторое время на острова Зеленого Мыса, принадлежавшие португальцам. Там она выбрала бухту потише и остановилась, чтобы набрать свежей воды и последний раз проверить корабли перед выходом в океан.

Не забывал Дрейк и о своих «прямых обязанностях». За несколько недель, проведенных там, были захвачены португальская каравелла и карака¹⁸, и первая добыча нашла путь в трюмы пиратской эскадры. Дрейк не спешил уходить от островов, пока не убедился, что его эскадра полностью готова к дальнему переходу.

¹⁸ Карака — средневековое парусно-гребное судно, широко распространенное до XVI века.

У Дрейка уже был достаточный опыт подобных плаваний, и он не хотел никаких неожиданностей.

Пятьдесят четыре дня через океан. Пятьдесят четыре дня вдаль от берегов. То, что сотню лет назад было невероятным подвигом, стало уже довольно обычным плаванием, ибо Дрейк и его современники не сомневались в том, что рано или поздно перед ними откроются берега Бразилии, и даже знали, сколько до них миль.

Корабельная техника не претерпела больших изменений за эти годы, хотя суда стали и вместительнее и быстрееходнее. Путешествие занимало немного меньше времени, чем во времена Колумба. Тем более Дрейку надо было следить, чтобы не отстали и не потерялись в пути корабли. Эскадра выросла уже до семи судов: два захваченных у островов Зеленого Мыса корабля были включены в состав эскадры.

Дрейк присматривался к экипажам, к офицерам. То, что было незаметно в Англии, выявлялось в долгом пути. Ведь если Колумб, пересекший океан, закончил этим путешествие, у Дрейка оно только тогда и начнется, когда покажутся берега Америки. И даже позже, когда он пройдет проливом Магеллана. Необходимо сохранить суда и экипажи, ибо от состояния их зависит успех смелой авантюры.

Бразилия встретила пришельцев девственными лесами, безлюдьем, тишиной. Дрейк дал кораблям отдых. Эскадра медленно продвигалась на юг мимо неисследованных берегов. Однажды на отмели матросы заметили большое стадо тюленей. Тюлени не видели до этого людей и подпустили охотников совсем близко. За час было перебито триста тюленей. Сало и шкуры погрузили в трюмы.

Стало холоднее. Корабли приближались к южной оконечности американского материка. Дрейк редко подходил к земле и предпочитал держаться вдаль от берегов. Никто не должен знать о том, что английская эскадра идет к Магелланову проливу.

20 июля, уже недалеко от входа в пролив, моряки увидели знак, оставленный Магелланом. Дрейк внимательно читал описание плавания португальца, а потому без труда вспомнил, что именно в этом месте Магеллан подавил бунт на борту, произвел суд и расправу.

Эскадра шла дальше. Несколько раз отставал и снова находился бот, принадлежавший кораблю Томаса Доти. Томас смущал Дрейка. Непочтительность, задумчивость не вовремя, замкнутость. Все это привело Дрейка к мысли, что один из его капитанов ненадежен. Ненадежен настолько, что в один прекрасный день адмирал может потерять корабль.

Опасения Дрейка были не беспочвенны. Теперь, когда уже была близка цепь пути, кое-кто в эскадре начинал задумываться о самостоятельном плавании. Одно дело делить деньги и лавры со всей эскадрой, другое — отхватить самому лакомый кусок. Обогнать основной флот, ворваться первым во владения ничего не подозревающих испанцев, чьи корабли с ценным грузом в одиночестве бороздят прибрежные воды Чили и Перу. Ведь со всего побережья испанцы свозили добычу в Панаму, на перешеек, откуда переваливали через горы и снова грузили на корабли, уже в Атлантическом океане.

И Дрейк, отлично понимая мысли своих подчиненных, помня о печальном примере Оксенхэма, решил предвосхитить возможное неповиновение.

Может быть, его подтолкнул к решительным мерам знак, оставленный Магелланом, может быть, его опыт пирата подсказал ему путь, но, так или иначе, как только корабли вошли в Магелланов пролив, где извилистые берега и загадочные заливы, горевшие на холмах костры жителей Огненной Земли, казалось, звали скрыться, отстать от флотилии, он приказал пристать к берегу.

«Всем офицерам собраться к адмиралу!» — передан приказ.

Совещание началось в каюте Дрейка. Неожиданно адмирал заявил, что Томас Доти замышляет измену. Он не дал опомниться ошарашенным офицерам, произнес длинную речь, обвиняя Томаса во всех смертных грехах. Потом отпустил капитанов, приказав Томасу остаться. На завтра был назначен суд.

Оставшись наедине с непокорным капитаном (насколько тот был непокорен — никому неизвестно), Дрейк сказал ему, что существует только один выход для Томаса. Покаяться во всех грехах, которые намеревастся приписать ему адмирал. Дрейк подробно объяснил Томасу, что это не личная месть, не попытка свести счеты. Ведь они плавают вместе не первый год. Но вся судьба будущей экспедиции зависит от того, насколько будут убеждены моряки в том, что у адмирала действительно железная рука, что он действительно не собирается спускать никому. Адмирал сказал, что сделает все от него зависящее, чтобы сохранить жизнь старому товарищу, а наказанием будет отстранение от командования.

Адмирал умел убеждать.

Суд проходил на глазах у всех. Капитану не было предъявлено никаких обвинений, кроме слов командира эскадры. Все предполагали, что капитан Доти откажется признать себя виновным и на этом дело будет закончено. В конце концов Дрейк не осмелился бы сделать что-либо с одним из шести капитанов, если не будет никаких фактов, подкрепляющих обвинение.

Но, ко всеобщему удивлению, Томас Доти, когда ему дали слово, поднялся и признал себя виновным по всем пунктам. Он-де и замышлял измену, и готовился к тому, чтобы отделиться, и даже собирался убить самого адмирала.

Собравшиеся были потрясены зловещими замыслами такого невинного на вид капитана, старого сподвижника Дрейка. Отказывались верить.

Но кто и зачем будет возводить на себя напраслину?

Дрейк не принимал активного участия в суде, хотя и председательствовал на нем.

Суд совещался недолго. Он постановил — смерть изменнику!

Томас Доти с надеждой взглянул на адмирала. Дрейк не отвел глаз.

Томас снова попросил слова. Ему отказали.

Один из членов суда приказал притащить большой чурбан и поставить его на высокое место на берегу.

Палач — а палач был обязательным участником любого дальнего плавания — принес топор.

Священник подошел к Томасу Доти и причастил его.

— Френсис, — сказал Томас, когда адмирал все-таки подошел к нему, — ты же знаешь...

— Не я решал, — ответил адмирал и обнял старого соратника. Руки Томаса Доти беспомощно повисли.

Моряки были тронуты благородством адмирала. И когда, подойдя к колоде, Томас повернулся к ним и со слезами на глазах крикнул: «Я невиновен!», — «Бог простит», — ответили ему в толпе.

И с интересом следили за тем, как палач заносил топор...

Сразу после казни Дрейк обратился к командам кораблей. Он говорил о долге их перед богом и королевой, о богатстве, которое ждет всех, о том, как необходимы дружба и единство, чтобы дойти до цели. Потом приказал всем участникам плавания исповедаться.

Правда, результат речи адмирала был несколько неожиданным. Через два дня в тумане на одном из самых опасных участков Магелланова пролива отстал и потерялся один из кораблей флотилии. Дрейк объявил офицерам, что корабль погиб, налетев на скалу. Впоследствии оказалось, что он благополучно вернулся домой, обремененный добычей. Просто капитан его не захотел рисковать головой, оставаясь в подчинении у Дрейка.

29 ноября, идя вдоль берегов Чили, эскадра Дрейка остановилась у небольшого острова. Судя по сведениям, собранным еще в Европе, где-то здесь начинались испанские колонии.

На острове англичанам встретилось несколько индейцев. Оказалось, что они убежали от преследований испанцев. Это был хороший знак для Дрейка. Добыча близка. Индейцы сначала приняли англичан за испанцев, им с большим трудом удалось втолковать, что белые — враги испанцев.

Правда, индейцы упорно не хотели делать никакого различия между белыми людьми. И когда несколько матросов отправились к источнику за водой, одного из них, отставшего от товарищей, индейцы убили. Они не хотели терпеть белых на своем острове.

Затевать войну с индейцами не входило в планы адмирала. Он приказал отчалить от острова.

Вблизи, если верить индейцам, находился порт Вальпараисо. Там должны были находиться испанские корабли.

Средь бела дня эскадра Дрейка вошла в бухту. Вальпараисо в те времена представлял собой кучку хижин, окружавших обязательную церквушку.

Испанский галион стоял неподалеку от берегов. Он пришел недавно с грузом из Перу. На палубе нежились под солнцем несколько испанцев.

Они обрадовались, увидев входящие в бухту корабли. Им было скучно в этом богом проклятом местечке. Кто же это? Эскадра из Панамы или груз из Лимы? Может быть, замышляется поход в глубь материка? Испанцы радушно махали руками, приглашая гостей подняться к ним на борт.

Первый из английских кораблей подошел вплотную ко все еще ничего не подозревавшим испанцам, и несколько матросов с ходу перескочили на палубу испанского галиона. И только тут испанцы заметили свою ошибку. Различия в одежде, небольшие (все моряки мира в то время одевались более или менее одинаково, то есть во что придется), но различия, звук иностранной речи... Испанцы так и не поняли, что перед ними пираты. Да англичане и не дали им времени на размышления.

Томас Мун, один из офицеров Дрейка, подскочил к одному испанцу, выхватил меч и крикнул по-испански: «Ложись, собака!».

Только один из восьми испанцев, бывших в тот момент на борту, успел прыгнуть в море и доплыть до берега. Остальные были заколоты. Быстро и безжалостно.

С кораблей было видно, как беглец выбирается на берег, говорит что-то обступившим его людям, и вот они бегут к домикам, появляются снова с детьми, женщинами и убегают дальше в горы.

Шлюпки с кораблей нашли город опустевшим. На всякий случай адмирал приказал обстрелять и поджечь оставленные дома. Конечно, после того как из них было вытащено все ценное.

Ограбили церковь. В этом участвовал сам пастор Флетчер, автор летописи путешествия, который причащал казненного капитана. В награду за усердие Дрейк великодушно подарил ему краденое распятие и церковную утварь.

На испанском корабле оказалось несколько бочек хорошего вина и 25000 золотых песо. Начало было удачным. Если читать дальнейшее описание путешествия Дрейка вдоль берегов Южной Америки, следуя неторопливому повествованию Флетчера, то оно покажется чем-то весьма напоминающим бухгалтерскую книгу, в которой в основном заполнялась графа прихода.

Флетчер не видел ни бухт, ни гор, ни морских животных. Он считал. Сколько ограблено кораблей, сколько сожжено военных постов и городов...

«Убили двух испанцев, сожгли их дома и захватили две тысячи дукатов...»

«На берегу спал испанец. Наша шлюпка подошла незаметно. Рядом с испанцем лежало тринадцать слитков серебра. Мы взяли слитки, а испанца трогать не стали».

«Тут мы увидели на берегу мальчика, и испанца, и восемь лам, груженных серебром. Мы их убили, а серебро взяли».

«Город Арика. Здесь мы увидели две небольшие барки. Мы взяли их на абордаж. На каждой было по двадцати фунтов серебра».

Потом долго описывается погоня за испанским кораблем, который вез на север драгоценности и восточные товары. Дрейк даже обещал золотую цепь тому, кто первым увидит этот корабль. Погоня вела на север. По дороге удалось разграбить и сжечь Лиму, уничтожив там двенадцать кораблей. В другом городе захватили в заложники судью и заставили его написать письмо, чтобы гарнизон прекратил сопротивление.

Наконец брат адмирала Джон Дрейк первым увидел желанный галион. Он получил золотую цепь, а Френсис — 40 фунтов золота и 26 тонн серебра. Такая добыча даже не снилась пиратам.

Все дальше и дальше на север шла эскадра. И вот однажды — удивительная встреча. Одинокая каравелла, захваченная без боя англичанами, оказывается, везет весьма важную персону — губернатор Филиппинских островов отправляется к месту своей службы. Корабль ограбили, но отпустили.

Таким образом, пираты узнали, что в этом месте пролегает дорога в Азию, а значит, к Островам Пряностей. Больше того, пристрастный допрос капитана каравеллы позволил выяснить множество интересных деталей: сколько дней идти до Азии, какие ветры господствуют на пути туда, опасны ли тамошние жители. Дрейк приказал записать все данные допроса. Они могли пригодиться будущим английским мореплавателям.

Ведь никто из англичан еще не подходил так близко к заветным островам.

Последним кораблем, который ограбили в тот поход англичане, было торговое судно, возвращавшееся с тех же Филиппин. Оно было нагружено пряностями, китайским шелком, блюдами и чашками, сделанными из «белой земли». А у хозяина судна Дрейк собственноручно отобрал великолепный изумруд, добытый где-то в глубинах Азии.

Пораженные, матросы разглядывали китайские чашки и шелк, который к лицу носить только королям. Азия, пахнущая пряностями, как трюмы ограбленного корабля, Азия, полная жемчуга и драгоценных камней, вдруг стала реальной, близкой... Ведь если мы прошли полмира, то Азия где-то неподалеку, за синими волнами Тихого океана. Вот они, доказательства ее близости — плоды грабежа. Вот они, свидетели ее — загорелые лица матросов испанского галиона. Сейчас они выражают только туповатую покорность, надежду на то, что их отпустят с богом, а не отправят кормить рыб. А ведь совсем недавно, несколько недель назад, этим глазам представляли богатства сказочной Азии, женщины Азии, драгоценности Азии, чудеса Азии...

Но адмирала занимали куда более прозаические мысли. В последнем городе он обнаружил в магистрате приказ губернатора Панамы выслать эскадру для перехвата и уничтожения наглых английских пиратов.

Дрейка не устраивала судьба Оксенхэма. Трюмы были полны награбленным добром, команды устали, корабли изнашивались. Надо было возвращаться как можно скорее. Идти снова к проливу Магеллана, рискуя на каждом шагу встретить испанскую эскадру? А вернее, она будет ждать его у входа в Магелланов пролив. Он представлял себе, как за черными скалами Огненной Земли затаились быстроходные испанские каравеллы. Нет, опасно. Слишком опасно.

Дрейк достает отнятую у испанского капитана карту. На ней указаны маршруты испанских кораблей на Филиппинские острова и дальше, к Индии. Надо только подняться на несколько сот миль севернее, поймать попутный ветер...

И наутро Дрейк выступил с речью перед командами. Он полагает, что испанцы уплатили ему долг сполна. Он не хочет больше мстить им и грабить их корабли. Тем более (это он не сказал вслух) некуда помещать новые товары. Нападать на города испанцев адмиралу больше не хочется (он не осмеливается). Пора возвращаться домой. А потому приказ таков — курс на север и потом на запад. Земля ведь круглая! В этом адмирал уже не сомневался. Флетчер занес эту историческую речь в свое описание не полностью. «И тут наш генерал, — пишет он кратко, — решил, что достаточно отомстил испанцам. И мы взяли курс на север».

Итак, началось второе путешествие вокруг света. Путешествие никак не по доброй воле. Если бы не сведения о готовящейся мести испанцев, Дрейк отправился бы обратно тем же путем, что и пришел. Но страх перед испанскими пушками обеспечил адмиралу лавры. Правда, вряд ли он думал тогда именно о них...

В апреле — июне 1578 года эскадра Дрейка шла на север в поисках благоприятного ветра. Корабли дошли до Калифорнии. Индейцы, встретившие их в тех местах, еще никогда не видели таких больших кораблей. Они решили, что с моря пришли боги. Дрейку предложили остаться и править племенем. А в подарок принесли фрукты и табак. Подарки Дрейк принял. Но не остался. Именно отсюда начиналась вторая половина пути, которую надо было пройти как можно скорее.

В октябре того же года Дрейк достиг Филиппинских островов. 17 ноября подошел к Молуккам. С востока, откуда не появлялся еще никто, кроме испанцев.

Неизвестно, какой прием был бы оказан Дрейку на острове Тернате, доберись он туда несколькими годами раньше или позже. Но пирату удивительно везло. А для того чтобы понять, в чем везло, придется обратиться к недавнему прошлому, к событиям, происшедшим за несколько лет до появления английской эскадры на Островах Пряностей.

Жадность и жестокость португальцев, обосновавшихся на Молукках, были настолько велики, что католический миссионер Франсиск Ксавье, побывавший там в 1546 году, писал, что знакомство с португальским языком на Молукках ограничивается спряжением глагола «грабить». Местные же жители, по словам Ксавье, «проявляют огромную изобретательность, успешно создавая новые причастия и новые временные обороты».

В 1565 году султан Тернате — Хайрун объявил португальцам войну и решил выгнать их с островов. Хайрун напал на католические миссии и разрушил их. Под угрозой были все плоды португальских завоеваний и интриг на Молукках. Несмотря на флот, пришедший на помощь португальцам из Гоа, несмотря на перемирие, которое удалось заключить с султаном, положение португальцев было угрожающим.

Но у португальцев был большой опыт по части обращения с сильными врагами. Они предложили Хайруну заключить мирный договор, поклялись установить более справедливые условия торговли. И чтобы подкрепить договор, пригласили султана к себе в качестве почетного гостя.

Договор был подписан в 1570 году. Сразу же после этого султана вероломно убили. Понятия чести и гостеприимства, священные для султана Тернате, были только приманкой, на которую и попался Хайрун.

Но португальцы плохо рассчитали, ибо, вместо того чтобы запугать жителей Тернате, они добились прямо противоположного эффекта. Как только весть о предательстве достигла острова, все способные носить оружие поднялись против португальцев. Во главе восстания встал новый султан — Бабула.

Почти пять лет португальская крепость на Тернате была осаждена войсками султана. Военные подкрепления из Гоа и Малакки не могли снять осаду, и с каждым месяцем положение оплота португальцев ухудшалось. В 1574 году крепость пала. Султанат Тернате был потерян для португальцев. А с ним и половина Островов Пряностей. Однако португальцы, пользуясь враждой султанов Тидоре и Тернате, добились разрешения построить в 1578 году крепость на Тидоре...

И вот корабли Дрейка появляются у Молуккских островов именно в тот год, когда португальцы, убедившись в том, что им не победить Тернате, признают свое первое крупное поражение в борьбе за пряности и покидают часть островов.

Даже рассчитав путь таким образом, чтобы прибыть на Молукки в самый удобный момент, и то Дрейк не смог бы удачнее выбрать время и место своего появления на Островах Пряностей.

Когда Дрейк к подошел к острову Тернате, появление его было встречено с радостью султаном Баабуйой, который готов был на союз с кем угодно, лишь бы найти защиту от объединенных сил португальцев и тидорцев.

Дрейк встретил султана на палубе корабля. Тот подплыл со всей pompой, которая приличествовала визитам государей. Перед его кораблем шли четыре отлично вооруженные галеры. У некоторых солдат на галерах были мушкеты в руках. Султан был облачен в местные одежды, но на боку у него висела сабля явно португальского происхождения. Да, здесь Дрейк уже не был первооткрывателем. Жители Тернате ничем не напоминали индейцев Чили. Здесь пришлось стать дипломатом.

И Дрейк стал дипломатом. Он принял султана Тернате со всеми подобающими почестями, преподнес ему подарки из своей добычи, обласкал как мог и поклялся в дружбе английской королевы. Султан, военные дела которого шли неважно, воспрянул духом. Он пригласил Дрейка со всеми его офицерами в гости.

Дрейк согласился. Он, правда, оставил на кораблях солидную охрану, но пришел на пир сам в сопровождении большинства офицеров. На пиру в королевском дворце собралось более тысячи гостей. Султан и английский адмирал произносили речи, по части которых Дрейк был большим мастером. На прощание султан подарил английской королеве мешки с гвоздикой и перцем и передал письмо, в котором соглашался заключить союз с Англией.

Эскадра Дрейка, укомплектованная здесь китайскими и малайскими матросами, ибо более половины англичан погибло в боях и умерло от болезней, покинула гостеприимный остров. И сразу взяла курс на запад, чтобы не проходить мимо пушек португальской крепости на Тидоре. Султан же остался ждать обещанной помощи от английской королевы.

Индийский океан встретил пиратов недружелюбно. Несколько дней корабли не двигались вперед, не в силах справиться со встречным ветром. 9 января следующего 1579 года у берегов Явы корабль Дрейка «Золотая лань» налетел на скалу. Чтобы спастись, пришлось пожертвовать пушками и частью гвоздики.

Англию моряки Дрейка увидели только через год. Они пришли в Лондон в начале апреля 1580 года. Все путешествие заняло три года. Дрейк в отличие от Магеллана шел по изведанным путям и почти ни разу не попадал в такие страны или места, где до него не побывали бы испанцы или португальцы.

Кроме того, он привез в Англию богатства, такие, какие и не снились Магеллану. Несколько дней под усиленной охраной сгружали с кораблей золото, серебро, шелк, гвоздику — чего только не было на них! Но главное — он был первым англичанином, который разрушил миф о недоступности для других стран испанских и португальских владений. Вот он, английский пират, прошел безнаказанным три океана, ни разу не отступил, привез письмо от султана одного из Островов Пряностей, пробил брешь в португальской и испанской обороне, брешь, которую уже никогда не заделать португальцам. По пути его пойдут многие искатели наживы. И не только англичане. В первую очередь результатами его похода воспользуются голландцы.

И не удивительно, что сама королева Великобритании пришла к Дрейку на корабль. Не удивительно, что там же, на палубе, облизанной волнами многих морей, она посвятила его в рыцари.

Дрейк еще много лет служил короне...

Это он в 1585 году возглавил английскую Великую Армаду. 25 лучших кораблей с 2300 солдатами и матросами отправились в величайший в истории пиратский набег на испанскую Америку. Дрейк выторговал себе неплохие условия. Ему шли две трети добычи. Великая Армада в рекордно короткий срок — 18 дней — пересекла Атлантический океан, разгромила и потопила несметное число испанских кораблей, сожгла Сантьяго, захватила остров Эспаньолу.

Он же в 1588 году принял участие в разгроме испанской Великой Армады.

В 1595 году Дрейк возглавлял еще один пиратский флот. Но из этого похода он не вернулся. Он заболел и умер в Америке...

В Оксфорде, в университете, стоит кресло, сделанное из остатков корабля, на котором сэр Френсис Дрейк совершил кругосветное путешествие. Кресло пользуется большим почетом. Ведь возможно, что именно на ту доску, из которой сделано сиденье, ступала нога знаменитого пирата.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ,

Где речь пойдет о том, почему были расстроены пайщики Ост-Индской компании, о путешествии «Красного дракона» и о том, как генерал ухитрился обмануть и врагов и союзников, а также о том, чему возрадовались пайщики Ост-Индской компании

*С начала столетия англичане, хотя они и были значительно слабее, следовали за голландцами по всему архипелагу, преследуя их, как слепни
Дж. Ферниволл, современный английский историк*

Королева Елизавета болела. Она все реже покидала покои и все меньше интересовалась сложными делами королевства. При дворе гадали, кто будет наследником, и шепот сановников по углам возвещал о готовящихся заговорах. Затянувшаяся война с Испанией давно уже опустошила английскую казну и никак не могла закончиться. Вдобавок опять начались волнения в Ирландии. Английская Ост-Индская компания, с такой помпой основанная совсем недавно, находилась на пороге краха. Во времена всеобщей неуверенности в завтрашнем дне торговцы побаивались вкладывать капиталы в далекие экспедиции. К тому моменту, когда все-таки был снаряжен первый флот компании и глава его, Джеймс Ланкастер, готов был поднять паруса, долг Ост-Индской компании достигал 9000 фунтов — громадной суммы по тем временам. Единственное, что вселяло надежды в торговцев,— успехи голландских экспедиций в Ост-Индию. Корабль за кораблем возвращались оттуда груженные перцем, гвоздикой и корицей. В случае, если экспедиция Ланкастера окажется удачной, будущее компании обеспечено.

В 1601 году Ланкастер на четырех кораблях отплыл на Восток.

Два с лишним года пайщики компании находились в полной неизвестности о судьбе кораблей. Доходили смутные слухи о стычках между португальцами и голландцами, о поражениях португальцев, но что с Ланкастером? Репутация его как опытного мореплавателя вселяла надежду. Но все-таки...

И вот в июне 1603 года, через несколько недель после смерти престарелой королевы, в Темзу вошел один из четырех кораблей эскадры. Ланкастера на его борту не было.

Сбежавшиеся к набережной лондонцы увидели незабываемое зрелище. Из трюмов корабля нескончаемой чередой поднимались грузчики с мешками перца...

Вечером того же дня капитан корабля доложил Совету компании о том, что путешествие было успешным и остальные корабли должны прибыть со дня на день. Но прошел еще месяц, прежде чем бросил якорь второй корабль, маленькая «Сюзанна». И только в сентябре вернулся сам Ланкастер с остальными двумя кораблями — «Драконом» и «Гектором». Все корабли привезли перец.

Перец, перец, перец... Англия была насыщена перцем, и, чтобы не сбивать цены на него, непроданные остатки передали пайщикам. Перец лег мертвым грузом на складах. Европа не нуждалась в нем, ибо ее регулярно снабжали пряностями голландские и португальские корабли. Но начало было положено. А главное, пайщики воспрянули духом и были готовы раскошелиться на новую экспедицию.

Ланкастер сообщил компании, что им основана на Яве, в Бантаме, английская фактория. Там оставлены все излишки товаров и денег. Служащие фактории должны закупать пряности и хранить их для следующей экспедиции. Если немедленно не послать новую экспедицию, и груз и фактория могут погибнуть. С одной стороны, им угрожают

европейские конкуренты. С другой — неизвестно, сколько будут терпеть англичан местные правители. Ланкастер признавал, что успехом он обязан в первую очередь не сильному флоту, а удачно сложившимся обстоятельствам. Португальцы и голландцы так были поглощены борьбой за рынки, что не обратили особого внимания на прибытие четырех небольших английских кораблей.

Не мешкая, пайщики начали готовить вторую экспедицию. Решено было послать те же самые корабли. Но вот кого поставить во главе — решено было только после долгих споров. Решение не всех удовлетворяло, хотя избран был протеже самого Ланкастера. Сомнения вызвала молодость нового командира...

Здесь мы и сталкиваемся с Генри Миддлтоном. Давайте присмотримся к нему повнимательнее, ибо рассказ наш будет о нем, о его плавании, его интригах, его поступках и решениях. Мы предупреждаем заранее, что этот рассказ будет несколько отличаться от остальных, хотя бы потому, что герой его — не флотоводец, не завоеватель, не авантюрист, а новый человек, рожденный торговой Англией и в трезвости и деловитости своей являющий знамение новой эры. Когда приходят Миддлтоны, романтика умирает, конкистадоры остаются без работы и все определяется процентом чистой прибыли.

Он хитроумен — этот Миддлтон, успехи его среди моря интриг и вражды порой невероятны, и если бы ему воздвигать памятник, то в руки ему надо дать не подзорную трубу и не меч, а счеты. Истинная сущность этого рыцаря наживы скрыта за свистом вант, хлопаньем парусов и вспышками мушкетных выстрелов. Счеты оставались в каюте. Но ведь недаром его экспедиция была самой удачной, самой прибыльной из всех английских экспедиций XVII века.

Но вернемся к путешествию. Вернемся на капитанский мостик второй экспедиции. Что мы знаем о Генри Миддлтоне?

Он был с Ланкастером в первой экспедиции, но имя его не значилось среди капитанов. Правда, брат молодого Генри, Джон, командовал «Гектором» и умер на Яве. Сам Генри происходил из богатой семьи — два его дяди были в правлении компании, но в экспедиции Ланкастера он занимал должность фактора, вернее, одного из факторов на маленькой «Сюзанне». То есть он был торговцем, одним из представителей компании. В течение долгого плавания Генри проявил себя знающим, трезвым, правда часто грубым и вспыльчивым, сумел понравиться Ланкастеру и после смерти капитана «Сюзанны» был назначен на его место.

И вот теперь Ланкастер считает его наиболее подходящим командиром для второй экспедиции. Более пожилые и опытные капитаны недовольны. Но их возражения не принимаются в расчет. Оба дяди Генри высказываются категорически за кандидатуру племянника.

Миддлтон получает титул генерала экспедиции и поднимается на борт «Дракона», который он переименовывает в «Красный дракон». Кстати, в экспедиции в качестве советника участвует и Давид Миддлтон, младший брат генерала, впоследствии продолжатель его дела.

Путешествие до Бантама прошло без особых происшествий. А если они и были, то история не сохранила их следов для потомства. Миддлтон везет приказ компании не покупать больше перца. Перца достаточно. Нужен мускатный орех, китайский шелк, корица, красное дерево. Белено, где возможно, устраивать фактории, опорные пункты, прокладывать путь для последующих экспедиций. Миддлтон согласен с решением компании. В соответствии с ним он и будет действовать.

23 декабря 1604 года все четыре корабля достигли Явы. Только 50 человек из всего флота были здоровы. Цинга и дизентерия свирепствовали вовсю.

Низкие хижины Бантама, скрывающиеся среди деревьев, оживление на берегу, китайские джонки, галеры местного правителя, прау и — что самое неприятное — сильный голландский флот, недавно прибывший на Яву для расправы с португальцами и для упрочения голландской монополии на островах...

Встреча с голландцами оказалась теплее, чем думал Миддлтон. Те не восприняли англичан как врагов. Больше того, голландскому адмиралу ван дер Хагену было выгоднее иметь англичан временными союзниками. С голландских кораблей опустили шлюпки, и офицеры прибыли с визитом к английскому генералу. Даже привезли с собой свежих фруктов. Миддлтон сделал вид, что весьма тронут такой заботой. Какие у него планы? Да никаких особенно. Вот посмотрим, что смогли сделать работники фактории, оставленной Ланкастером, и, если удастся, купим пряностей у местных владык.

В это время на палубе послышались громкие голоса. Они приблизились к капитанской каюте. Открылась дверь. За ней стоял исхудавший, желтый от лихорадки Эдмунд Скотт, начальник английской фактории...

Встреча была самой дружеской. Ни Миддлтон, ни Скотт в глубине души не надеялись встретиться после двух с лишним лет разлуки. Необъятность разделившего их океана таила в себе столько случайностей, что встреча казалась почти чудом.

Весь вечер, запершись в каюте, генерал и фактор провели в неторопливой беседе. Выяснилось, что судьба двенадцати англичан, оставленных в Бантаме Ланкастером, была весьма печальной. Они бедствовали, болели и, главное, все два года не могли ни на минуту избавиться от страха. От страха пожара или поджога (несколько раз грабители пытались поджечь склады), от страха нападения яванцев, от страха грабежа со стороны голландцев, от страха, что о них забыли и ни один английский корабль не прибудет больше на остров.

Но теперь страхи остались позади. Завтра начинается погрузка закупленного перца (Миддлтон старался не показать разочарования — именно перец был не нужен компании; все же лучше перец, чем ничего).

Принято решение: «Гектор» и «Сюзанна», как самые маленькие и плохо вооруженные, остаются в Бантаме и грузят перец. Другие два корабля во главе с Миддлтоном идут дальше на восток.

Причем с отплытием надо спешить. Эскадра ван дер Хагена уже отплыла в том же направлении. Одно дело встретиться с ней в большом порту, другое — в отдаленных морях, где голландцы чувствуют себя хозяевами и вряд ли потерпят откровенное вмешательство англичан. Более того, голландцы скупают все пряности, и англичане останутся с носом. Этого генерал допустить не мог.

«Возвышение» и «Красный дракон» отплыли из Бантама через одиннадцать дней после голландцев. Но Миддлтон знал, что соперники будут по пути заходить в фактории. Он же взял курс прямо на остров Амбон. Больше того, достигнув острова, он остановился не там, где ожидали голландцев, а на другой его стороне, в местечке Мамала.

И тут Миддлтону постигло первое разочарование. Здешние жители отказались торговать с ним. В двадцати милях от стоянки англичан находилась португальская крепость, пушки которой научили покорности местного правителя. Вот если португальцы разрешат, тогда никаких возражений у правителя не будет.

Миддлтон знал, что вторгся с самого начала похода в чужую область. Но это его не остановило. Он идет на унижительный, но могущий быть полезным шаг. Пишет письмо коменданту португальской крепости с выражением дружеских чувств и намеков на будущую помощь. Просит разрешения закупить излишки пряностей у местного вождя.

Ответ португальцев не заставил себя ждать. Да, они согласны на такую торговлю, однако цены здесь устанавливают они сами. И если английский генерал согласен покупать на этих условиях, они не будут возражать. Цены были невероятно высоки.

Но в тот день, когда разочарованный Миддлтон приказал поднимать паруса, в деревню прибежал гонец: голландская эскадра подошла наконец к острову и начала бомбардировку португальского форта.

Миддлтон остался. Несколько дней задержки не имели значения, а исход сражения его интересовал.

Гонец, прибывший на следующее утро, принес известие о том, что осада португальского форта закончилась. После нескольких часов перестрелки комендант форта капитулировал. Остров перешел полностью под власть голландцев. Вместе с этими известиями гонец принес правителю письмо от голландского адмирала. Миддлтон вскоре догадался о его содержании.

Как только он прислал своего брата к вождю, чтобы возобновить переговоры о торговле, тот вздохнул и ответил, что пушки форта, хоть и сменили хозяев, все равно стреляют. И новые завоеватели дали понять вождю, что без их разрешения он не смеет продать ни единого мускатного ореха.

Офицеры еще не видели Миддлтона таким взбешенным. Однако делать нечего. Голландские корабли рядом. Уже два раза неподалеку проходил голландский бот. Соперники не выпускали англичан из виду. Миддлтон приказал поднимать якоря. Его единственной надеждой была 'быстрота. Он должен был добраться до следующего пункта раньше голландцев.

Перед англичанами было два пути. Идти за мускатным орехом на острова Банда, рискуя встретить там форты и фактории голландцев и португальцев, или попытаться прорваться к сердцу Молукк, островам Тернате и Тидоре.

Миддлтон знал из донесений Дрейка, что Острова Пряностей были поделены между двумя султанами, один из которых жил на Тернате, а другой — на Тидоре. Вражда султанов немало способствовала тому, что на островах укрепились европейцы. Каждый из султанов старался заручиться поддержкой голландцев или португальцев и автоматически становился игрушкой в большой игре.

Первыми на Тидоре были испанцы, которые впоследствии продали португальцам свои права. Долгие годы португальцы были безраздельными хозяевами Молукк. Но ко времени Миддлтона там уже основательно укрепились голландцы. Они заключили союз с султаном Тернате и построили фактории в его владениях.

Скоро Молукки стали местом непрерывных столкновений. Там все время шла война и чаша весов клонилась то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, прибывала ли голландская эскадра или испанский отряд с Филиппин на помощь португальцам.

И вот прямо в центр раздоров, прямо к складам с гвоздикой и решил прорваться Миддлтон. На совете офицеров он предложил разделиться. «Возвышение» отправится на острова Банда за мускатным орехом. Сам же генерал на «Красном драконе» пойдет на Молукки.

Первой реакцией офицеров и факторов было решительное «нет». Они увидели в этом бессмысленную авантюру. Да и что может поделать один небольшой корабль против фортов и факторий Молукк, особенно если учесть, что его по пятам преследует могучий голландский флот?

Однако Миддлтон был кем угодно, только не авантюристом. Он шел на оправданный, по его мнению, торговый риск.

Вся ночь прошла в спорах. К утру было сломлено сопротивление капитана «Красного дракона» Гроува. Поддержал брата и Давид.

Еще через день корабли расстались. Последним аргументом уходивших на «Возвышении» офицеров был муссон. Он дул навстречу кораблю Миддлтона. Удастся ли с ним справиться? Миддлтон был уверен — да.

Плавание среди островов продолжалось ровно месяц. 18 марта 1605 года прямо по курсу «Красного дракона» показался небольшой вулканический остров Ма-чан, поделенный между двумя враждующими султанами. На одной стороне его сидел наместник султана Ти-дорского, на другой—Тернатского.

Миддлтон не знал этих тонкостей. Он пристал к первой же деревне. Она оказалась под властью Тернате, то есть фактически под властью голландцев. Визит к наместнику

оказался неудачным. Наместник был вежлив, но непреклонен. Без разрешения своего султана он не намерен продать ни фунта гвоздики.

Миддлтон немедленно отплыл к Тидоре. До прибытия голландской эскадры оставались считанные дни, и он решил предупредить об этом португальцев и заручиться их благосклонностью.

Еще четыре дня плавания, вот-вот покажется столица Тидоре. «Красный дракон» миновал небольшой островок, и вдруг англичане услышали отчаянную стрельбу.

Удивительное зрелище предстало их глазам.

Корабль догоняли две галеры. На носу первой стоял человек и отчаянно махал белой тряпкой, требуя остановиться.

Миддлтон вышел на мостик. Галеры не представляли опасности для его корабля. Он приказал спустить верхние паруса. «Красный дракон» замедлил ход.

И вдруг из-за островка показались еще галеры. Одна, две, три, пять, семь...

Может быть, это ловушка? Миддлтон поднял руку, но в этот момент первая галера уже приблизилась к кораблю настолько, что было слышно, как толстый человек в камзоле, явно европеец, кричал оттуда:

— Во имя господи спасите нас! За нами гонятся!

Первым на палубу поднялся пожилой человек в богато расшитой одежде. Затем несколько европейцев — судя по всему, голландских купцов. Наконец, оставив галеру на произвол судьбы, на палубу вскарабкались гребцы и воины.

Задыхаясь от волнения, от чувства миновавшей смертельной опасности, один из голландцев объяснил Миддлтону:

— Среди нас — король Тернате. Мы случайно попались на глаза тидорцам. И если бы не встреча с вами, никого бы из нас не осталось в живых...

Голландцы умоляли капитала помочь второй, отставшей галере. А положение ее было критическим. Враги уже настигали ее, и без сомнения она не успеет достичь английского корабля.

— Отпугните их, — говорили голландцы. — Они боятся ваших пушек.

Миддлтон подозвал одного из офицеров и тихо отдал ему приказание. Мы не знаем точно, что говорил Миддлтон, но действия артиллерии «Красного дракона» были по меньшей мере двусмысленными. Единственный выстрел англичан не достиг цели. Ядро пролетело высоко над тидорскими галерами. После этого англичане спокойно дали преследователям взобраться на борт подошедшей почти к самому кораблю галеры и перебить всех находившихся на борту. Только трое с нее спаслись. Они прыгнули в воду и через несколько минут были уже на палубе «Красного дракона».

Вернее всего, Миддлтону не хотелось уничтожить галеры с Тидоре. Этим он сразу бы испортил будущие отношения с португальцами. Поэтому он практически и пальцем не пошевелил, чтобы помочь второй галере тернатцев.

Но спасение султана Тернате и голландцев было ему на руку. Султан, обязанный англичанам жизнью, — это сулило немалые выгоды в будущем.

И Миддлтон, убедившись, что бой окончен и галеры Тидоре повернули к берегу, пригласил султана и голландцев, все еще не верящих в чудесное спасение, к себе в каюту. Оказывается, голландцы сначала приняли его корабль за авангард голландского флота, ибо знали о скором прибытии его на острова.

Когда голландские купцы узнали, что Миддлтон намеревается пристать к Тидоре и завязать отношения с португальцами, возмущению их не было предела. Но спаситель спокойно объяснил им, что он — простой тор» гонец, которому было отказано в товарах тернатским наместником, а потому он хочет попытать счастья у португальцев. Вот если бы он знал, что на Тернате можно купить гвоздику, он, разумеется, пошел бы туда. Тем более что его долг — доставить султана и его друзей домой. Но вот, он не знает...

Голландцы наперебой начали успокаивать английского генерала. Конечно, на Тернате ему помогут. Конечно, он получит все товары, какие ему «ужны. И сам адмирал голландского флота сделает все возможное, чтобы отблагодарить англичан.

Миддлтон слушал голландцев и не верил им. Сейчас они зависели от него и не скупилась, разумеется, на любые обещания и посулы. А что будет, когда голландские корабли войдут в порт Тернате? Сдержат ли они свои обещания? Правда, сам султан, кажется, смотрит на него с искренней благодарностью, но насколько реальна его власть? И главное — насколько реальной будет она после прихода голландской эскадры?

И Миддлтон потребовал, чтобы ему разрешили основать на острове факторию, оставить там своих представителей.

Спасенные помялись было, но султан кивнул головой. Он был согласен.

«Красный дракон», не заходя на Тидоре, отправился к Тернате. Два дня «Красный дракон» сгружал на пристани Тернате товары. Матросы и присланные султаном носильщики перетаскивали их в подаренный султаном дом на берегу. Фактория, хоть и маленькая, была основана.

А на третий день, понимая, что вот-вот появятся основные силы голландцев, Миддлтон вдруг заявил хозяевам, что все-таки заедет на Тидоре. Решению его способствовало и то, что на Тернате он мало чем поживился. Почти весь урожай гвоздики уже был закуплен голландцами, и за товаром надо было все равно ехать на Мачан.

Ни уговоры голландцев, ни сетования султана не смогли изменить решения Миддлттона. На прощание султан дал своему спасителю письмо к наместнику на Мачане с приказом продать тому весь урожай гвоздики и на всякий случай втайне от голландских хозяев дал Миддлтону двух сопровождающих, которые должны были на словах подтвердить волю султана. В ответ на это Миддлтон дал клятву султану и голландцам, что не продаст португальцам ни фунта боеприпасов. Голландцы знали, что у португальцев с боеприпасами туго и, если не успеет прийти подкрепление с Филиппин, от испанцев, их крепость на Тидоре долго не продержится.

Миддлтон немедленно дал требуемую клятву.

И вот Миддлтон снова в море. Пока трюмы пусты. Но все-таки положение куда лучше, чем несколько дней назад. Во-первых, в его распоряжении три-четыре дня, пока не придут голландские корабли. Во-вторых, он приобрел ценного союзника — султана Тернате — и прибудет на остров Мачан не подозрительным пришельцем, а человеком, уважаемым и ценным в султанате. А устройство фактории в самом сердце голландских владений? Это ли не достижение, о котором и мечтать не могли в Лондоне?

И он спешит к Тидоре, ибо в голове его созрел новый план, план, который должен еще более упрочить положение одинокого английского корабля, попавшего на Молукки в разгар португало-голландской вражды. Надо ковать железо, пока горячо...

27 марта 1605 года «Красный дракон» стал на якорь под пушками португальской крепости на Тидоре. Это был, по правде говоря, не очень приятный момент для команды английского корабля. Как встретят португальцы англичан, только пять дней назад вступивших в стычку с их галерами и отнявших у них ценную добычу — тернатского султана?

Пушки молчали.

Миддлтон сам сел в шлюпку, сошел на утопанный песок берега у стен форта. Навстречу ему опустился португальский офицер. Провел его в крепость.

Пушки «Красного дракона», заряженные и готовые выстрелить в любой момент, были направлены на зубцы крепостных стен. Но на корабле отлично понимали, что ядра пушек бессильны против толстых стен.

Комендант португальской крепости пригласил Миддлттона сесть. Зачем пожаловал сюда английский генерал? Не приехал ли он принести свои извинения за бесцеремонное вмешательство в дела португальцев? Или, может быть, его подослали голландцы?

Миддлтон выслушал возмущенный монолог коменданта и в свою очередь спросил:

— А известно ли уважаемому коменданту, когда сюда прибудет эскадра голландского адмирала ван дер Хагена?

Дальше разговор пошел уже совершенно по-деловому. Голландские корабли будут здесь не сегодня-завтра. Как известно Миддлтону, у португальцев плохо с боеприпасами. Так не лучше ли забыть о неприятном инциденте и создать основу для прочной дружбы?

Под основой генерал подразумевал порох и ядра, которые балластом лежали у него в трюме. Конечно, португальцам нечего рассчитывать на прямую помощь англичан. Но стены крепости могут выдержать любую бомбардировку. И если будет порох...

Португальский комендант согласился на условия Миддлтона. В документах и отчетах второй экспедиции сохранилась только одна часть договора, а именно: Миддлтон сгружает у крепости привезенные из Англии товары для обмена на гвоздику, а гвоздику ему привозят из окрестных деревень.

Несколько дней шла разгрузка. Днем невинного содержания ящики и мешки складывались на набережной. Ночью шлюпки, груженные порохом и ядрами, подходили к воротам крепости, где их уже ждали солдаты.

И вдруг 12 апреля быстроходная разведочная галера, крейсировавшая у Тернате, влетает в порт. Голландская эскадра в составе пяти больших кораблей, остановившись на день в Тернате, отплыла по направлению к Тидоре.

До вечера англичане лихорадочно грузили гвоздику. С последними лучами солнца «Красный дракон» покинул гавань Тидоре.

Но самое удивительное — об этом не могут без хохота говорить английские офицеры, — на палубе, рядом с посланцами тернатского султана, сидят и посланцы султана Тидоре. Миддлтон сумел добиться (не без помощи португальцев) аудиенции у владыки острова и получил от него письмо такого же содержания, как и от другого султана, для наместника второй половины острова Мачан.

Подданные злейших врагов — султанов — мирно сидят рядышком и беседуют. Им-то делить нечего.

Ночью в нескольких милях от Тидоре «Красный дракон» повстречал голландскую эскадру. Миддлтон приказал фонарем просигналить пожелания всяческих успехов голландцам. И, пройдя сквозь эскадру, «Красный дракон» на полных парусах бросился к Мачану. Уж туда он поспеет раньше всех. Теперь не страшны конкуренты.

Но даже такие хитрецы, как Миддлтон, порой терпят неудачи.

Вот что произошло на острове Мачан.

Первый визит был на тернатскую половину острова. Наместник был предельно вежлив. Но... он не может нагрузить корабль гвоздикой, так как урожай ее еще не собран.

Второй визит — на тидорскую половину. Но... наместник не может помочь ничем. Вы слышали, что голландцы напали на остров? Завтра я отплываю со всеми мужчинами на помощь моему султану. Некому будет собрать и погрузить гвоздику.

Миддлтон бросается обратно, на тернатскую половину. Может быть, можно снять ее сейчас?

И в самый разгар переговоров на горизонте показался парус. Гонец от португальцев. Мы осаждены, пишет комендант Тидоре. Запасы гвоздики, приготовленные для отправки в Португалию, находятся под угрозой захвата голландцами. Если английский генерал согласен заплатить за гвоздику золотом по умеренной цене, то он может считать, что корабль его нагружен.

Вот он, светлый момент экспедиции, минута торжества хитроумного Миддлтона! Надо немедленно возвращаться на Тидоре. День опоздания — крепость падет, и голландцы получат всю гвоздику бесплатно.

Португальцы пишут, что гвоздику удалось перенести в деревню, в миле от крепости. Голландцы еще не знают, где она спрятана, и, несмотря на то что охране дано указание объявить в случае необходимости голландцам, что гвоздика — собственность Миддлтона, нет никакой гарантии, что это удержит их от ее конфискации...

Некоторые офицеры воспротивились решению генерала снова броситься в самую гущу схватки. Неизвестно, как отнесется к их появлению голландский адмирал. Но Миддлтон не стал слушать подчиненных. Это был его последний шанс. Если не взять гвоздику сейчас, можно остаться вообще без ничего.

День был ясный и солнечный. Голландцы увидели приближение «Красного дракона» издали. Ван дер Хаген не удержался от возгласа: «Вот наглецы!». И с интересом следил за тем, как «Красный дракон» спокойно вошел в бухту и бросил там якорь. Это было или безрассудством, или актом самоубийства. Уже три дня шла бомбардировка крепости, но португальцы успешно отражали все атаки, ибо вопреки ожиданиям оказалось, что пороха у них больше чем достаточно. И никто — ни голландцы, ни султан — не сомневался, что Миддлтон нарушил клятву и снабдил португальцев боеприпасами. И они готовы были отомстить.

Миддлтон в ответ на требование голландского адмирала прибыть немедленно на борт его корабля послал туда капитана Гроува. Он надеялся, что простодушный на вид морской волк лучше, чем он, сумеет убедить голландцев в невинности англичан.

Гроув и в самом деле отлично справился с деликатной миссией. Он без всякого зазрения совести поклялся на распятии, что ни единой крошки пороха не получили португальцы от англичан. Клялся он так искренне и с таким воодушевлением отрицал вину англичан, что даже корабельный священник шепнул адмиралу: «Полагаю, невиновны».

Голландцам пришлось отпустить капитана с миром. Это не значило, что отношения наладились. Но право же, голландцам было не до войны с англичанами. Крепость ведь не собиралась сдаваться.

Так прошло несколько дней. Англичане перевозили на шлюпках гвоздику из соседней деревни, а по ночам в деревню приезжала повозка из крепости и забирала оставленные англичанами бочонки с порохом.

Война продолжалась. И посреди сражения, будто ему и дела до всего этого не было, стоял корабль хитроумного генерала и с каждым днем оседал все глубже. Трюмы заметно наполнялись.

7 мая на Тидоре прибыл султан Тернате со всей своей армией. На берег был высажен десант и при поддержке пушек голландского флота бросился на штурм бастионов. Через несколько часов первые голландские флаги затрепетали на стенах крепости. Но ненадолго. Мушкетным огнем нападающие были отогнаны. Неудачей кончился и второй штурм. Казалось, португальская крепость выдержит осаду. Тем более, дошли слухи о том, что на помощь ей спешат испанские каравеллы из Манилы.

Но случайное ядро, упавшее в пороховой склад, разнесло в клочья половину форта. Многие из защитников крепости погибли при взрыве. В образовавшуюся в стене брешь ворвались тернатские отряды. Война кончилась победой голландцев.

Миддлтон удовлетворенно потирал руки. Он не успел еще передать португальцам последний взнос за гвоздику. Золото осталось на корабле.

8 июля «Красный дракон», потрепанный бурями, но тем не менее с трюмами, полными гвоздикой, вернулся в Бантам, к месту встречи. «Гектор» и «Сюзанна», как сказали Миддлтону в фактории, ушли с перцем в марте. «Возвышение» вернулось через три недели. Можно было отплывать.

У берегов Африки «Красный дракон» и «Возвышение» догнали терпящего бедствие «Гектора». На нем осталось только четырнадцать человек экипажа. Остальные умерли от болезней. Капитан «Гектора» собирался выбросить судно на камни и продолжить путь по суше. Миддлтон догнал его вовремя. Команду сменили. Груз перца был спасен. И три корабля продолжили путь к дому. «Сюзанну», правда, больше никто не видел. Она или погибла в бурю, или стала добычей пиратов.

Путешествие окончилось 6 мая 1606 года. Все три корабля вместе вошли в устье Темзы. Успех был полный. Несмотря на потерю «Сюзанны», прибыли пайщиков были колоссальными.

Миддлтон стал героем. Его принял король и долго беседовал с ним. Его чествовали учредители компании, его приглашали наперебой в лучшие дома Лондона.

Не беда, что из состава экспедиции только треть моряков вернулась домой. Это на доходах компании не отразилось. Миддлтон был отважным героем, победившим всех соперников. Каких только легенд не рассказывали о нем! И генерал не пытался спорить с легендами.

А путешествие оказалось таким успешным только потому, что Миддлтон сначала обманул голландцев, потом португальцев, потом снова голландцев, изменил слову, помогал сразу обеим враждующим сторонам — в общем вел себя, как расчетливый купец.

Продолжателем дела Миддлтона был его брат Давид и другие хитроумные служащие компании, которые и заложили фундамент Британской империи.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ,

Где речь пойдет о встрече на песке, о пушечном выстреле, задуманном заранее, о трусости Лакандулы, о возвращении эскадры, о том, что ответил Солиман испанскому послу, и о последней битве посреди залива

*Задняя часть тела льва имеет форму дельфина, плывущего по морским волнам, в знак того, что испанцы с оружием в руках пересекли океан, чтобы подчинить это царство кастильской короне
Из описания герба города Манилы*

Когда на рассвете 20 мая 1570 года раджа Солиман, выйдя на террасу своего бамбукового «дворца», увидел на рейде Манильской бухты белые паруса испанских галионов, он еще не знал, что этот день станет роковым в его судьбе и в судьбе родных островов. Он не знал этого, потому что до его мирного княжества Манилы, расположенного вдали от основных торговых путей, на которых пиратствовали португальские корабли, не докатывались известия о кровавых событиях, потрясавших всю Юго-Восточную Азию. Правда, лет десять тому назад, когда он был еще мальчиком, а княжеством правил его отец, на берега его страны совершил нападение португальский корабль, плывший с Молуккских островов. Он помнит, как пылала подожженная португальцами соседняя с Манилой деревня и как потом разъяренные воины его отца отрезали грабителям путь к морю и перебили почти весь отряд. Ведь именно тогда был захвачен в плен Франсишку, ставший потом командующим всей артиллерией раджи. Эти мысли проносились в голове Солимана, пока он любовался красивым маневром, который совершали корабли, прежде чем стать на якорь. Потом он накинул пурпурный плащ, надел чалму и, кивком приказав страже следовать за ним, направился к бревенчатому палисаду, окружавшему город.

В это время на флагманском корабле Мартина де Гоити шли приготовления к спуску шлюпки. Маршал — командующий экспедицией — стоял у борта и в подзорную трубу рассматривал укрепленный город, за частоколом которого виднелись островерхие крыши домов и зеленые кущи деревьев. Он давно слышал о богатстве этого княжества, и ему и его солдатам, натерпевшимся за пять лет пребывания на островах бесчисленных лишений, хочется наконец вкусить от сказочного великолепия Востока, рассказами о котором соблазнился не один нищий испанский идалго. Что видели они за это время? Голод на негостеприимном Себу, где они обосновались ценой немалых потерь. Нападения воинственных мактанцев, победителей Магеллана. Рейды португальцев, то и дело осаждавших их себуанский лагерь. Лихорадку. Заговоры среди своих же собратьев по ору-

жизни, доведенных до отчаяния трудностями и невзгодами, истощенных тропической жарой, болезнями и пьянством.

Многоопытный аделантадо Легаспи¹⁹ понял, что оставаться на Себу дальше нельзя, и перебрался на остров Панай, откуда и отправил его, де Гоити, поискать более подходящее место для основания столицы. И вот он здесь, у берегов Лусона, и кокосовые пальмы за стеной города приветственно кивают ему своими верхушками. А люди? Людей старый солдат не боится. У него на кораблях 80 солдат-испанцев и 400 завербованных жителей Висайских островов. С такими силами он, не сомневаясь, бросил бы вызов здешнему правителю. Если бы только не инструкции Легаспи. Губернатор приказал избегать кровопролития. Он сослался на письмо его величества Филиппа II, в котором тот предписывал объяснять туземцам, что испанцы хотят жить с ними в мире и дружбе, и учить их закону Иисуса Христа, что приведет их к спасению. Циник де Гоити не верит в искренность таких приказов, но он привык подчиняться, и посланному в шлюпке капитану Диасу отдано строгое распоряжение не нарушать мира.

Пока гребцы-висайцы дружно мчали лодку к берегу, другая лодка также стремительно пересекала реку Пасиг, отделяющую владения раджи Солимана от соседнего княжества Тондо, которым управлял его дядя раджа Лакандула. В ней сидел посланец старого раджи, отправленный к Солиману с целью удержать горячего юношу от необдуманных поступков. Посланец застал Солимана у городских ворот, где тот вместе с португальцем Франсишку и пушечных дел мастером пампанго²⁰ Пандай Пира проверял готовность маленьких бронзовых пушек — лантак — к приему неожиданных гостей. В ответ на предупреждение, переданное гонцом, Солиман рассмеялся и сказал, что, каковы бы ни были намерения пришельцев, он предпочитает сам позаботиться о своей безопасности и безопасности своих подданных. И при этих словах раджа с гордостью окинул взглядом застывших рядом с пушками канониров с пальниками в руках.

Между тем испанцы уже вытаскивали на сушу шлюпку, и мощные звуки фанфар возвестили жителям города об их высадке. Из городских ворот навстречу им вышли первый министр Солимана Юсуф, португалец Франсишку и посланец раджи Лакандулы. Переговоры состоялись тут же на берегу. Обе стороны заверили друг друга в полном миролюбии.

В город испанцев не пригласили. Не пригласили в город и самого де Гоити, когда он, как было условлено, вечером того же дня высадился на берег для встречи с правителем Манилы. Она состоялась в наскоро сколоченном павильоне. Де Гоити с Солиманом укололи пальцы, по капле крови смешали с пальмовым вином и выпили его. Обряд означал, что отныне де Гоити и Солиман — кровные братья. Однако, когда вслед за совершением обряда началась деловая часть переговоров, оба «брата» поняли, что прийти к соглашению им будет крайне трудно. Испанец потребовал от раджи признания его зависимости от испанской короны, выплаты ежемесячной дани золотом и продовольствием и разрешения построить испанский форт на территории княжества. Раджа вежливо отклонил все эти требования, предложив ограничить отношения торговлей на взаимовыгодных условиях. Простились холодно. Де Гоити не понравился заносчивый «индио».

Ночью в каюту де Гоити был вызван мусульманин с Калимантана Димандуль, сопровождавший экспедицию в качестве переводчика. Около двух часов продолжалась беседа, а затем Димандуль отплыл в сторону Манилы. Наутро он был доставлен к Солиману и объявил ему, что он агент тестя Солимана султана Брунея, посланный следить за продвижением испанцев, что он знает о замыслах испанцев, которые собираются по сигналу пушки напасть на город. Солиман щедро наградил лазутчика.

¹⁹ Легаспи — первый губернатор Филиппин с титулом аделантадо, что значит «выдвинутый вперед», т. е. «правитель пограничных владений».

²⁰ Пампанго — район в центральной части Лусона и название его жителей.

На следующую ночь Димандуль докладывал де Гоити о том, что Солиман готовится отразить нападение, что у него 700 воинов и 8 пушек, но мало пороха и ядер, что дядя его Лакандула едва ли придет ему на помощь.

Солиман действительно готовился отразить нападение. Он отдал приказ круглосуточно вести наблюдение за испанскими кораблями, выставить охрану у боевых прау, стоящих на берегу реки Пасиг, и напасть на пришельцев в ответ на первый выстрел с испанского галиона.

Прошло два дня. В эти дни де Гоити после тщательных раздумий выбрал наконец человека, которому он предназначил роль жертвы в готовящейся провокации. Педро Ортис звали этого разжалованного капитана, которого де Гоити хотя и уважал за отчаянную храбрость, но недолго любил за вечные иронические замечания. Главное же, что о нем Легаспи не будет жалеть, ибо он один из главных зачинщиков ограбления могил себуанцев, в свое время чуть не стоившего испанцам жизни.

Итак, Ортис предстал перед маршалом и получил от него письмо к радже Солиману.

— Надеюсь, это не объяснение в любви, — сказал он, и это были его последние слова.

Когда шлюпка приближалась к берегу, де Гоити вышел на кормовую палубу.

— Я забыл вручить подарок радже. Надо вернуть лодку, — сказал он канониру.

Вспыхнул фитиль, и резкий звук выстрела нарушил знойную тишину полдня. В то же мгновение раздался ответный выстрел из крепости. Первое же ядро угодило в лодку Ортиса.

Де Гоити изобразил бешенство. Он призвал испанцев к беспощадной мести, и через четверть часа десять шлюпок и галера, полные кипящих гневом испанцев, устремились к берегу. Загрохотали корабельные пушки. Ядра со свистом пронеслись в воздухе и вонзались в бревна частокола, проделывая бреши в ограде. В ответ огрызались маленькие пушки филиппинцев. Они били по приближающимся лодкам испанцев. Солиман во главе своего войска, вооруженного пиками, кинжалами, короткими мечами и ножами боло, вышел через боковые ворота города и ждал высадки неприятеля. Как только первые испанские солдаты спрыгнули на землю, он скомандовал наступление. Испанцы встретили ма-нильцев залпами. Но остановить Солимана они не смогли.

Схватка была ожесточенной. Когда берега достиг второй эшелон войск де Гоити, состоявший главным образом из висайцев, положение испанцев было не из легких. Командовавший первой группой Диас был ранен в ногу. Он отполз в сторону и отстреливался из мушкета от пытавшихся приблизиться к нему филиппинцев. Де Гоити во главе подкрепления врубился в ряды неприятеля и, нанося удары мечом направо и налево, стал прокладывать путь к стоящему на возвышении Солиману. Но тот приказал отступить к реке и переправляться в Тондо. Манильцы устремились к своим прау. Отступая, они подожгли свои дома, чтобы не оставлять их врагу. Но даже пламя не остановило испанцев. Ворвавшись в город, они хватали, что попадало под руку, насиловали не успевших покинуть город женщин, вязали пленных. На корабли было уведено 80 человек, в том числе несколько японских и китайских торговцев, заплативших впоследствии немалый выкуп за свое освобождение.

По здравом размышлении де Гоити не решился остаться в разоренной Маниле. Приближалось время тайфунов, когда возвращение на Панай стало бы невозможным. Что касается Солимана, то он был побежден, но не разгромлен и в любую минуту мог снова появиться со свежими силами. Испанцам же победа далась нелегко. Они потеряли десять человек своих и около тридцати висайцев, и лишь немногие избежали ранений. К тому же добыча была так велика, что большинству солдат не терпелось убраться со своей поживой в безопасное место. Де Гоити приказал поднять паруса.

Тем временем Солиман со своими приближенными и потрепанным войском укрылся в Тондо у Лакандулы. Горе его было безутешным. В битве пал артиллерист

Франсишку, пропал без вести маленький Пандай Пира, мастер-кудесник, отливавший пушки, не знавшие себе равных в здешних местах. Пропало все золото казны, вся артиллерия, все запасы риса прошлого урожая. А тут еще Лакандула с его упреками. Он считает, что нельзя было ссориться с испанцами, что лучше было принять их условия и признать себя их вассалом. Гордый Солиман не согласен с дядей. Ему ли, сыну солнца, становиться вассалом, когда половина барангаев²¹ Лусона подчиняется ему и платит дань. Но он не возражает вслух. Ведь в конце концов он пользуется гостеприимством старого раджи.

В конце недели пришло известие о том, что испанские корабли уходят. Солиман взобрался на холм и с него наблюдал за движением галионов. Так смотрел он, пока белые паруса кораблей не скрылись за горизонтом. Он не знал, почему ушли испанцы и надолго ли они ушли. Два дня он ждал, а потом отдал приказ вернуться в Манилу и строить город заново. Через месяц на пепелище уже красовались новые дома и новый частокол опоясывал поселение, и только миниатюрных пушек Пандай Пира, захваченных испанцами, не было в его воротах, да обожженные стволы палым чернели на улицах.

А корабли де Гоити уже приближались к Панаю. Победители с нетерпением ждали момента, когда они смогут похвастаться своими трофеями, а сам маршал готовился к встрече с Легаспи, в который раз продумывая рассказ о коварном нападении манильцев. Любой из оставшихся в живых испанцев мог подтвердить версию де Гоити, ведь никто из них не знал о ночной беседе маршала с мусульманином Димандулем.

Прошло около года. Доклад де Гоити убедил губернатора Легаспи в том, что Манила — самое подходящее место для испанской столицы на островах, а манильцы, не пожелавшие покориться испанцам, не заслуживают снисхождения. Ждали только попутных муссонов, чтобы снова двинуться в путь на север.

15 апреля 1571 года флотилия из 27 судов с 280 испанцами и несколькими сотнями висайцев на борту двинулась к Лусону. 9 мая экспедиция стала на якорь близ Манилы. На следующий день на флагманский корабль прибыл раджа Лакандула. Легаспи был весьма тронут выказанными старым раджей знаками почтения и покорности. Он даже обещал простить Солимана, если тот согласится принять условия испанцев.

Солиман же и не помышлял о прощении. Как только испанская эскадра появилась в Манильской бухте, он понял, что война будет беспощадной. По пыльным дорогам помчались гонцы к дату²² Хагоноя, Макабебе, в барангаи Пампанго.

Дружины союзных княжеств еще не успели прийти на помощь манильскому радже, когда Легаспи, так и не дождавшись изъявления покорности от Солимана, отдал распоряжение идти на приступ. 19 мая флотилия развернулась в виду города. Солиман правильно оценил свои силы и силы противника. Он знал, что дать бой сейчас было бы безрассудством. И вновь запылали постройки его столицы, и жители города со своим скарбом потянулись к берегу Пасига, чтобы найти убежище в соседнем Тондо.

На этот раз, представ перед осторожным Лакандулой, Солиман не счел нужным скрывать своих чувств. Он призвал старика выступить вместе против ненавистных испанцев, а когда тот отказался, бросил ему в лицо горькое обвинение в трусости. Тот потребовал, чтобы Солиман покинул его княжество, и горячий раджа со всеми своими боеспособными подданными снова переправился через Пасиг и стал лагерем в деревне Навотас. С ним вместе ушло немало добровольцев из Тондо, и в их числе сын и два племянника Лакандулы, решившие смыть кровью позор старого раджи. Вскоре к Солиману стали стекаться ополченцы из соседних барангаев: рослые пампанго в доспехах из буйволовых шкур, юркие пангасинаны со щитами из твердого дерева, выносливые кагаянцы. Войско Солимана уже перевалило за тысячу человек.

²¹ Барангай, или балангай (тагальский яз.), — сельская община в ряде районов Филиппин ко времени их завоевания испанцами.

²² Дату, или дато, — вождь.

Испанцы тем временем были заняты постройкой столицы. Лакандула, не зная, как выслужиться перед новыми хозяевами, мобилизовал им в помощь земледельцев своего княжества, и через пять дней на месте пожарища уже обозначились очертания будущего города. 24 июня Легаспи объявил Манилу столицей островов. Отслужили молебен в честь всемогущей девы Марии, покровительницы города, а потом прошли крестным ходом по всем улицам и освятили те места, где должны быть заложены церковь и августинский монастырь.

Легаспи отдыхал после утомительной процессии, когда к нему доставили лазутчика из войска Солимана. Тот сообщил о подготовке Солимана к сражению и о сосредоточении его сил в непосредственной близости от Манилы. Несмотря на возражения де Гоити, Легаспи решил еще раз попробовать договориться с раджей. В лагерь Солимана отправилась делегация во главе с внуком Легаспи — Хуаном де Сальседо.

Посланцы Легаспи шествовали по главной улице деревни Навотас, сопровождаемые задержавшими их на дальних подступах к лагерю филиппинцами. Воины Солимана бросали на испанцев испытующие, примеривающиеся взгляды.

По узкой тропинке испанцев провели к хижине — временной резиденции Солимана. Раджа вышел на террасу хижины и, обратившись к стоящим внизу испанцам, спросил их о цели визита. Сальседо, поклонившись, объяснил, что посланный его губернатор островов Легаспи предлагает Солиману мир на условиях вассальной зависимости княжества от испанцев и признания Манилы испанской столицей. Гневом зажгли глаза Солимана, и он бросил в лицо Сальседо:

— Солнце дало мне жизнь. И мне не пристало ронять себя в глазах моих женщин, которые стали бы презирать меня при мысли, что я могу завести дружбу с испанцами.

С этими словами он одним прыжком перемахнул через перила террасы в стоящую внизу, под сваями, ладью.

— Я буду ждать вас в заливе Банкусай! — крикнул он, и лодка отчалила от берега.

Солиман не случайно выбрал ареной будущего сражения залив Банкусай. Он правильно рассчитал, что испанские корабли не смогут подойти сюда на расстояние пушечного выстрела. Кроме того, он надеялся заманить испанцев на большую отмель в центре залива и навязать им рукопашный бой прямо в воде, где их тяжелые доспехи будут только мешать им.

3 июня 1571 года легкие суда испанской флотилии под командованием де Гоити вошли в залив Банкусай. Наперерез им устремились быстроходные прау Солимана. Сорок лодок насчитал маршал, пока оба отряда шли на сближение. Наконец расстояние между ними сократилось настолько, что де Гоити дал сигнал, и первый мушкетный залп прокатился над морской гладью. За ним — второй, третий. Но вот прау Солимана уже совсем близко, и дождь стрел начинает стучать о кирасы испанцев. Наконец сблизилась вплотную. Испанцы прыгают в прау филиппинцев, но те соскакивают в воду, и оказывается, что глубина здесь не больше, чем по колено. Ожесточенная схватка переносится в воду. И те и другие, побросав лодки, вступают в единоборство прямо на песчаной отмели посреди моря. Закованные в сталь испанские мушкетеры с трудом сдерживают натиск ловких и подвижных воинов Солимана. Меткие дротики выводят из строя грозных конкистадоров одного за другим. Раненых здесь нет. Падающий в воду не имеет шансов на спасение.

Редко приходилось испанцам сталкиваться с таким упорным и яростным сопротивлением. «Они умирали, подобно диким зверям, впиваясь зубами в железо наших мечей», — скажет потом про своих противников де Гоити.

Исход битвы был неясен. Де Гоити, оставшийся во флагманской шлюпке с небольшим отрядом отборных стрелков, начал сомневаться в успехе. Надо бы стрелять, но в схватке трудно отличить воинов Солимана от союзников испанцев с Висайских островов. Но не де Гоити считаться с такими мелочами. И он отдает приказ стрелять,

стрелять без разбора, палить что есть мочи в гущу борющихся воинов. Снова эхо мушкетных залпов повисает над заливом, и полуобнаженные тела филиппинцев десятками падают и скрываются под водой.

Не миновала пуля и Солимана. Раджа сам вмешался в рукопашную схватку, и уже не один враг пал к его ногам под ударами меча-баронга. Раненный в голову, он упал в воду. Тело его не нашли.

Четыреста манильцев погибли в этот день, защищая свободу своей родины. Победа далась испанцам с большим трудом, но результаты ее были крайне важными для них. Теперь сопротивление жителей Лусона оказалось сломленным, и один за другим почти все вожди острова признали себя вассалами испанской короны.

Имя же Солимана осталось в памяти филиппинцев. Сохранила история и другое имя — имя Лакандулы, имя филиппинского феодала, трусость которого открыла чужеземцам двери страны. Жизнь отомстила предателю вскоре после гибели Солимана. Испанцы лишили старого раджу даже тени самостоятельности.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ,

Где речь пойдет о том, почему португальцы помирились со своим злейшим врагом, о незадачливом внуке великого деда и о его еще более незадачливом брате, о непонятном сигнале, о том, чего стоит клятва иезуита, и о мстителе по имени дом Педру Родригиш

*И это был позор, которого еще не приходилось испытывать португальцам в Азии
Португальский летописец*

Когда Мохаммад Кунджали Мараккар, бывший адмирал каликутского флота, а ныне самостоятельный властитель Котты, почти полностью парализовал португальское судоходство у юго-западных берегов Индии, португальцы вдруг обнаружили, что не могут сами справиться с непокорным раджей. И они обратились за помощью к старейшему врагу — владыке Каликута.

Адмирал каликутского флота не желал подчиняться своему бывшему сюзерену. Саморин, безвольный человек, более всего опасался собственных подданных, а потому готов был пойти на союз с португальцами или даже с самим дьяволом, лишь бы сохранить шатающийся трон.

Узнав через лазутчиков, что португальцы помирились с Саморином, Кунджали принял меры для укрепления своих владений, не прекращая между тем борьбы с португальцами на море. В 1592 году он даже осмелился захватить португальский корабль в виду города Гоа.

И в этот момент в Гоа прибыл новый вице-король, шестнадцатый по счету, по имени Франсишку да Гама. Сходство имен с открывателем пути в Индию было не случайным — Франсишку да Гама приходился внуком Васко да Гаме. За сто лет, прошедших с первого путешествия, изменилось многое, но не изменился дух семейства да Гама. Внук был во многом похож на деда — заносчив, спесив, жесток, но далеко уступал деду в уме, решительности и военных способностях.

Относились к Франсишку в Гоа недружелюбно, ибо он сумел с первых же дней восстановить против себя местную знать. Даже в церкви новый вице-король приказал повесить занавес, за которым и оставался все время службы, чтобы не видеть простых смертных.

Основной задачей Франсишку да Гамы была подготовка нападения на Кунджали. Решено было, что со стороны португальцев выступит флот, а саморин, их новый союзник, выставит сухопутное войско. Помимо королевского португальского флота в походе участвовали десять кораблей, снаряженных на свои деньги купцами Гоа. Командующим флотом вице-король назначил своего младшего брата, тридцатилетнего красавца Луиша

да Гаму, несмотря на то что этому шагу воспротивились все капитаны кораблей. Как писал португальский летописец, и вице-король и командующий флотом были не на месте. «Один был назначен ошибочно, и он же ошибочно назначил другого».

Португальцы спешили. Новости, поступавшие со всех сторон, были весьма неблагоприятными. Во-первых, у берегов Малабара появились два голландских корабля.

Во-вторых, быстроходные галеры Кунджали взяли на абордаж португальскую каравеллу, занятую обычным грабежом одиночных индийских кораблей, и перебили весь ее экипаж.

Итак, в 1598 году двадцатитысячная армия саморина подошла к крепости Кунджали и полукольцом охватила ее со стороны суши.

С моря подошел Луиш да Гама с флотом из 18 больших кораблей, 23 галер и нескольких вспомогательных судов. На кораблях было более двух тысяч португальских солдат. Таким образом, крепость на реке Котта была взята в кольцо. Пока шли совещания о штурме крепости, прибыло еще четыре корабля, отправленных архиепископом Гоа.

Флот Кунджали был отрезан от крепости и не мог прийти на помощь адмиралу. В результате тому приходилось рассчитывать только на небольшой гарнизон.

Три месяца шла осада крепости. За день до штурма отряд Ферейры из трехсот лучших солдат высадился на берег и присоединился к армии саморина. Луиш да Силва с шестьюстами солдатами приготовился к штурму со стороны реки. Остаток дня португальцы провели в молитве и исповеди.

Штурм должен был начаться 5 марта в пять часов утра, перед самым рассветом, по сигналу — зажженному факелу.

Неизвестно, почему факел зажгли на пять часов раньше срока, вскоре после двенадцати. Солдат с факелом в руке пробежал под стенами крепости.

Ферейра со своим отрядом и авангардом каликутцев бросился к крепости, но в суматохе нападающие забыли взять штурмовые лестницы.

Командир же другого португальского отряда, да Силва, уже находившийся на берегу, приказал своему отряду оставаться на месте. Он знал, что штурм должен начаться на рассвете, а до рассвета было еще далеко.

Отряд Ферейры сразу попал под убийственный огонь защитников крепости и в нерешительности замешкался у стен. В то же время Кунджали заметил, что на берегу стоит без движения большой португальский отряд. Он послал часть своих мушкетеров на стены с той стороны, и они спокойно принялись расстреливать отряд ожидавшего подтверждения сигнала да Силвы.

Действия португальского капитана трудно понять. Ведь он не мог не слышать перестрелки и шума с другой стороны крепости, и надо было быть совсем неопытным в военном деле, чтобы не догадаться, что там сражается Ферейра с авангардом саморина. Так или иначе, сам да Силва вскоре упал мертвым. Погибли также и два капитана, которые по очереди сменяли его. Отряд начал отступать к лодкам. Открылись ворота, и отряд осажденных напал на оставшихся без командиров португальцев. Португальцы, отбиваясь, бросились к лодкам, и те, перегруженные, шли ко дну.

Разгром португальцев был быстрым и полным. Летописец вынужден признать (а португальские летописцы предпочитали умалчивать о неприятных для португальского оружия событиях), что «около ста пятидесяти солдат позорно бежало и многие из них нашли здесь свою смерть...».

Несколько дольше продержался смешанный отряд Ферейры и каликутцев. Они смогли даже проломить в одном месте стену крепости и ворваться внутрь. Ферейра успел поджечь несколько домов и разрушить мечеть, прежде чем защитники вытеснили португальцев из города.

К полудню следующего дня все было кончено. Последние португальцы под водительством Ферейры отступили к кораблям.

В течение всего боя как саморин, так и Луиш да Гама оставались свидетелями боя, не вступая в него. Единственное, что сделал командующий португальцами,— собрал все лодки и боты и приказал плыть на выручку гибнущему отряду да Силвы. Но солдаты, видя в предрассветной мгле, как солдаты Кунджали добивают португальцев, отказывались плыть на выручку товарищам. Не помогло и то, что Луиш да Гама выскочил на мель посреди реки и бегал по грязи, тщетно размахивая мечом и грозя перепуганным солдатам.

Так продолжалось до тех пор, пока к кораблям — кто вплавь, кто на лодках — добрались с криком: «Измена!», «Измена!» остатки отряда да Силвы. Никто не понимал, кто и кому изменил, но это паническое слово уничтожило остатки воинского пыла португальцев.

Потери португальцев в том сражении, по различным источникам, определяются от трехсот до пятисот человек.

Основные силы саморина оставались в лагере. Саморин был только свидетелем разгрома португальцев. Он был недоволен тем, что португальский офицер бросил почти на верную смерть его авангард, и не пожелал рисковать остальными войсками. Без сомнения, в глубине души он радовался, глядя на бегущих португальцев. Саморин, после того как разгром португальцев стал очевидным, решил, что город возьмет штурмом он сам, и притом без помощи португальцев, удалившихся на корабли. Зато и не будет ничем обязан португальским помощникам.

Двадцать тысяч каликутцев тесными колоннами пошли на крепость.

Кунджали подпустил врагов поближе. И затем, не жалея пороха, открыл убийственный огонь из пушек и мушкетов, в основном захваченных у тех же португальцев. Несколько часов продолжалось сражение. Войска саморина отступили...

Флот Луиша да Гамы возвратился в Гоа, оставив только несколько кораблей стеречь устье реки, чтобы не дать возможности Кунджали соединиться с флотом.

Когда вести о разгроме достигли Гоа, город погрузился в траур. Жены и родственники моряков осаждали дворец вице-короля, надеясь получить вести о своих близких. Да Гама отказался принять их.

На совете, созванном через три дня, вице-король объявил, что он сам поведет армию на штурм крепости Кунджали, чтобы восстановить честь португальского оружия. Однако члены совета вежливо указали ему, что его присутствие нужнее в городе. Подобных советов ранее не давали вице-королям. Франсишку да Гама был вынужден согласиться с решением совета и умерить свой боевой пыл.

Решено было, что блокада — одновременно с моря португальцами и с суши саморином — будет продолжаться до конца сезона дождей. К тому времени гарнизон будет ослаблен голодом, и крепость падет почти без боя.

Когда же вернулся его брат, незадачливый Луиш да Гама, вице-король, чтобы спасти его от позорного суда, немедленно отправил комендантом в крепость Ормуз в Персидском заливе. Суд проходил в отсутствие Луиша, и вице-королю пришлось употребить все свое влияние, чтобы добиться в конце концов оправдания брата! Совет же решил во главе будущей экспедиции поставить способного капитана Андре Фуртадо, который прославился несколькими удачными сражениями с флотом Кунджали. Вице-король не соглашался.

К этому времени пришли подкрепления из Португалии. На борту было несколько сот необученных рекрутов, и пришлось потратить несколько месяцев на их военную подготовку. Все эти месяцы продолжались стычки между советом и вице-королем. Тот, желая спасти честь семьи, продолжал настаивать на том, чтобы самому идти впереди войск. Но совет, а также капитаны кораблей и архиепископ были непреклонны.

И во главе нового флота ушел Андре Фуртадо.

Этот флот был значительно сильнее первого. Не говоря уже о рекрутах, почти каждый способный носить оружие португалец в Гоа был призван в армию. Прибыли подкрепления из Малакки и других крепостей. Разгромить Кунджали было необходимо.

Трудно переоценить урон португальскому престижу, который нанесли несколько сот подданных индийского раджи.

А Кунджали был горд, справедливо горд своей победой. Он надеялся теперь объединить все княжества Южной Индии для борьбы с португальцами и окончательного изгнания их. Он даже стал именоваться Гонителем португальцев.

Он направил гонцов во все соседние княжества, но мало кто из них смог прорваться сквозь блокаду, а из тех, кто прорвался, мало кто вернулся назад. Кунджали не знал, что некоторые из раджей, соответствующим образом обработанные португальцами и саморином, предпочли остаться нейтральными, некоторые просто побоялись выступить, узнав о новом флоте португальцев, а некоторые решили подождать, чем все кончится... Только из двух мест получил ответ Кунджали. Гонец из княжества Мадуря сообщил, что тамошний властитель готов предоставить убежище Кунджали в случае его поражения, а отважная рани²³ Тхирумалы Уллала, которой Кунджали в свое время помог в войне с португальцами, сумела, несмотря на блокаду, ночью доставить в осажденную крепость три тысячи мешков с рисом, что спасло гарнизон от голодной смерти. Но большего она сделать не могла — ее армия и так еле сдерживала натиск войск саморина и португальцев.

На этот раз во флоте Фуртадо насчитывалось двадцать два больших корабля, к которым присоединилось двенадцать каравелл, патрулировавших у крепости, — итого тридцать четыре корабля! Такого большого флота еще не собиралось в тех водах. Ведь к этим кораблям надо прибавить сотни мелких судов и галер саморина. Первое, что сделал Фуртадо, куда более тонкий дипломат, чем Луиш да Гама, — устроил торжественную встречу с саморином, на которой поклялся в вечной дружбе Португалии с Каликутом. Фуртадо и саморин обнялись на глазах у обеих армий под грохот салюта из всех португальских и каликутских пушек.

После обмена приветствиями военачальники в шатре саморина не только разработали детальный план кампании, но и заранее яodelили добычу. Со штурмом решили подождать. Лазутчики сообщили, что в крепости уже съедены последние запасы пищи и осажденные голодают. Была и еще одна причина. Ожидали очередного флота из Португалии. И он прибыл. Франсишку да Гама смог выслать еще 11 больших кораблей и 20 судов меньшего размера. Флот Фуртадо разросся настолько, что паруса его закрывали горизонт. С флотом прибыло еще около тысячи солдат и много пушек.

Осада теперь велась обдуманно. Фуртадо не надеялся легко победить опытного и умного Кунджали. Он потребовал от саморина плотников и строительные материалы. Более пяти тысяч мастеров, 15 слонов, а также несколько кораблей, груженных бревнами, передал саморин португальскому командиру. С помощью их крепость была обнесена стеной, на которой установили осадные орудия, а подходы к крепости были оборудованы таким образом, что солдаты могли безопасно подобраться к ней вплотную.

Но Фуртадо все оттягивал и оттягивал решительный штурм. Он ждал, пока осажденные совсем ослабнут. И ждал не напрасно. Солдаты Кунджали — а их осталось в крепости меньше 800 человек — уже не могли делать вылазки и разрушать осадные орудия. С трудом взбирались они на стены.

Но о сдаче речи не было.

В распоряжении Фуртадо было более двенадцати тысяч каликутцев, более трех тысяч португальцев и большие отряды кочинского и каннанурского раджей.

Наконец, после того как на насыпь, превышающую высоту стен города, были поставлены пушки, которые могли беспрепятственно обстреливать осажденную крепость, Фуртадо приказал идти на штурм.

Он начался с артиллерийской подготовки. Португальцы не жалели ядер. В нескольких местах были разрушены стены.

²³ Рани — правительница княжества.

Португальцы и каликутцы бросились вперед, но сам Кунджали встретил их во главе своих солдат и вытеснил из города. В схватке погибло несколько португальских офицеров и множество португальских и каликутских солдат. Положение спас сам Фуртадо, который в решительный момент возглавил свежий отряд португальцев и выбил Кунджали из внешних укреплений.

Но Кунджали еще держался. Португальцы возобновили обстрел и в течение пяти дней днем и ночью непрерывно стреляли по городу.

Фуртадо спешил овладеть городом, пока не вернулся саморин, уехавший домой на религиозный праздник. Он хотел восстановить честь португальцев.

Наконец удалось разрушить стену, отделяющую базар от внешних укреплений. Причем разрушить так, что защитникам не оставалось никакой надежды восстановить ее под обстрелом.

Фуртадо наблюдал за тем, как солдаты Кунджали и горожане, падая от слабости, подтаскивали к бреши мешки с песком, когда ему сообщили, что в бухту вошел корабль с посланием от вице-короля.

Франсишку да Гама приказывал Фуртадо немедленно прекратить осаду и отступить в Гоа. Вице-король боялся, что осада опять сорвется и тогда уже ничем не спасти португальский престиж. Тем более, с уходом войск, снятых из других мест, оголились Малакка и другие важные крепости, которым угрожали голландцы.

Положение Фуртадо было сложным. Не сегодня-завтра вернется саморин. Фуртадо понимал, что на саморина оказывают сильное давление как в Каликуте, так и вне его, призывая помириться с Кунджали, слава которого росла с каждым днем. На выручку Кунджали в любой момент может прийти рани Уллала или другие колеблющиеся князья.

И Фуртадо созвал совет капитанов. Он прочел им письмо вице-короля и после этого показал на лежащую в руинах крепость. Капитаны единогласно проголосовали — послушаться приказа.

Прямо с совета капитаны повели своих людей на штурм. Но Кунджали (в который раз!) отбил и эту атаку. И в этот момент вернулся саморин.

Кунджали узнал об этом одновременно с португальцами. Больше не было сил оборонять крепость. У него осталось всего двести пятьдесят человек, способных носить оружие. У него кончился порох, умирали с голоду женщины и дети... И Кунджали послал к саморину лазутчика. Он сдавался на милость саморина при условии, что тот не выдаст его португальцам — ни его, ни его солдат.

Саморин не только согласился на предложение Кунджали, но и обещал ему полное прощение и возвращение на пост адмирала.

И вот Кунджали во главе своих израненных и измученных солдат вышел из ворот форта...

И тут он увидел, что португальские солдаты бросились к оставленному городу, поджигая его. Кунджали заподозрил измену и вернулся в форт. Ворота форта захлопнулись. Возмущенные каликутские солдаты накинудись на португальцев, и только появление военачальников предотвратило резню.

Фуртадо был весьма и весьма недоволен. Добыча ускользала из его рук. Ему был нужен не только мир — ему нужна была слава победителя Кунджали.

Той же ночью он неожиданно бросил все свои силы на крепость, в то время как продолжались переговоры между саморином и послом Кунджали. Кунджали отбивался до последнего. Наконец с кучкой солдат он заперся в цитадели.

Снова начались переговоры. Саморин обещал Кунджали жизнь. Фуртадо не возражал. У него были свои планы.

Кунджали все-таки не покинул цитадель до тех пор, пока не получил клятвенного заверения саморина и португальцев в том, что ему и его солдатам сохранят жизнь. Но и после этого сомнения не покидали его. Он хорошо знал португальцев. Он попросил, чтобы

слова португальцев подтвердил капеллан. Священник поклялся на святых мощах, что никакого вреда Кунджали причинено не будет.

Сдача крепости была назначена на 16 марта 1600 года. Португальские и каликутские войска выстроились друг против друга. Ворота цитадели открылись и выпустили остатки гордого гарнизона. За солдатами плелись старики, женщины, дети... Они были так истощены, что на них было страшно смотреть.

Саморин не выдержал этого зрелища и крикнул громко, чтобы всех их немедленно накормили, одели и потом отпустили на свободу. Армия встретила его слит одобрительным гулом.

Последним из ворот крепости вышел широкоплечий, высокий мужчина лет пятидесяти. Голова его была повязана черным платком. Он держал в руке опущенный к земле меч. Это был сам Кунджали. За ним шли три его помощника.

Кунджали подошел к саморину, положил ему под ноги меч и поклонился.

Но в этот момент стоявший рядом Андре Фуртадо схватил Кунджали за рукав и дернул в сторону португальского отряда. Какое-то мгновение всем казалось, что Кунджали вырвется. Фуртадо потерял равновесие и чуть не упал. Но в этот момент падре Диогу Хомен и еще один иезуит кинулись с двух сторон на Кунджали и схватили его.

И уже со всех сторон к начальнику сбегались сотни португальцев и оцетинивались мушкетами и мечами.

И вовремя.

Солдаты саморина не вынесли такого предательства. Они толпой, неорганизованно, набросились на португальцев. Но португальцы заранее знали, что им делать, и каждый занимал отведенное ему место. Разъяренная толпа каликутских солдат откатилась под выстрелами португальцев.

Португальский отряд медленно отступал к реке... В кольце португальцев оказались некоторые из солдат Кунджали. Они еще не отдали оружия и потому бросились на выручку адмиралу. Но на каждого из них приходилось по сотне португальцев. И когда португальцы отошли к реке, унося раненых, на песке лежали трупы убитых солдат Кунджали и каликутцев, старавшихся отбить адмирала.

Саморин убежал в шатер, предоставив своим офицерам успокаивать солдат.

Это удалось сделать не скоро. Тем временем португальцы уже достигли кораблей...

По дороге в Гоа Фуртадо получил еще одно письмо от вице-короля. Тот приказывал, не заходя в Гоа, повернуть к городу Килоюу и обстрелять его. Этого не требовала обстановка. Просто Франсишку да Гама хотел лишить Фуртадо триумфа, хоть чем-то испортить ему возвращение.

Фуртадо уже знал, как действовать. Он снова собрал совет капитанов и прочел им очередное послание вице-короля. Решение капитанов опять было единогласным. На письмо не обращать внимания. Продолжать путь как ни в чем не бывало.

Фуртадо опять оказался прав. Вице-король был вынужден проглотить и эту пилюлю. Португальцы восторженно встретили «избавителя». И тем более унижительным был этот триумф для Франсишку да Гамы, опозоренный брат которого прозябал в Ормузе.

Кунджали и оставшихся в живых его спутников тайком перевезли ночью в страшную тюрьму Гоа — Трон-ку, мрачное здание, известное тем, что оттуда еще никто не выходил живым.

Здесь Кунджали провел свои последние дни. Он отказался говорить с иезуитами, которые посещали его, надеясь склонить перед смертью в христианство и тем прославить религию.

Кунджали отлично знал, какая судьба уготована ему. Что ж, он сделал все, что мог. Как и отец его и дед, он всю жизнь сражался против португальцев, и на его долю выпало счастье видеть бегущих врагов. Кунджали знал, что живы его соратники, индийские капитаны, которые и сейчас у берегов Каликута, Малакки и Цейлона продолжают воевать с португальцами...

Суд постановил: отрубить Кунджали голову, а тело его четвертовать. Все захваченные с ним тоже были приговорены к смерти.

День казни Кунджали стал праздником в португальском Гоа. Все население его пешком, в паланкинах, в карстах, собралось на площади перед дворцом.

На балконе показался вице-король. По левую руку от него стоял архиепископ Гоа.

Кунджали взошел на эшафот. Он был спокоен. Он обвел толпу глазами, как бы ища в ней знакомые лица, а затем встал на колени и положил голову на плаху. Загремели барабаны...

Голову Кунджали засолили и для устрашения «мавров» возили по прибрежным городам...

Но в толпе на площади, которая собралась в день казни, был один человек, двадцатилетний юноша, по имени Педру Родригиш, который, несмотря на свое имя, не испытывал радости по поводу казни Гонителя португальцев.

Больше того, юноша поклялся запомнить на всю жизнь этот день и отомстить за смерть адмирала.

И через восемь лет в разговоре с французским путешественником де Лавалем он повторил свою клятву.

Мы не знаем, как его звали на самом деле. Но знаем, что он был двоюродным братом Кунджали. Мальчиком в 1591 году он попал в плен к португальцам. Его окрестили Педру Родригишем и оставили в неволе, отказавшись обменять на других пленников. Зная о его знатном происхождении, португальцы не заставляли его работать, как остальных пленников; он одевался, как португалец, отлично говорил по-португальски, даже женился на португальской девушке.

Единственным, что отличало его от других португальцев, были цепи на ногах. Португальцы не верили даже крещеным рабам, даже тем, кто всю жизнь прожил в Гоа.

И вот в 1615 году Педру Родригиш сумел-таки убежать из Гоа вместе со своей семьей. У него не было ни денег, ни знакомых за пределами Гоа. Но это его не смущало. Педру вела испепеляющая ненависть к португальцам.

Уже через год Педру собрал нескольких таких же, как он, убежденных врагов Португалии и на небольшом корабле прошел вдоль южного побережья Индии. После каждого набега на португальские поселки отряд его рос.

Больше всего Педру ненавидел монахов и священников. Он не пощадил ни одного, попавшего ему в руки.

Вскоре слава о нем разнеслась по всему малабарскому берегу. К нему присоединились и оставшиеся в живых бывшие солдаты Кунджали. К 1618 году под его началом уже было пять боевых галер.

Педру получал тайную и явную поддержку от князей прибрежных областей. Говорят, он умело пользовался враждой португальцев и голландцев и получил от последних несколько пушек.

Португальцы не смели выходить в море без охраны. Только большие конвои из нескольких десятков кораблей проходили Индийским океаном. Был случай, когда в течение двух месяцев португальский флот не мог войти в Гоа, блокированный повстанцами, и крейсировал в открытом океане.

В 1618 году из Гоа направилась эскадра, состоявшая из 40 галер и 18 малых судов, для того чтобы изловить и уничтожить пять галер Педру Родригиша.

Португальская флотилия подошла к острову, на котором находилась база Родригиша, и тут нашла двоих индийцев, которые сказали португальцам, что Педру направился за порохом со всеми своими судами и вернется через несколько дней. Но они могут указать, где находится его дом, в котором хранятся 30 тысяч золотых дукатов.

Командир флотилии с отрядом солдат отправился грабить Родригиша. Как только они удалились в глубь острова, из-за мыса вырвались галеры Педру и налетели на корабли

португальцев. В этом бою погибли двенадцать из восемнадцати португальских галер и весь сухопутный отряд.

Мы еще раз встречаем упоминание о Педру-мстителе в португальских документах. В следующем 1619 году, как пишет хронист, «наш флот конвоировал множество кораблей, и тот пират захватил большой корабль...». Другими словами, галеры Педру осмелились напасть на громадный португальский флот и на глазах у всех захватить один из кораблей. А уж если португальский историк признается в этом, значит Педру наверняка это сделал.

И Педру был не одинок.

С каждым днем все труднее было португальцам охранять суда и запугивать князей.

Эра господства Португалии кончалась...

Часть третья **ВЫРОЖДЕНИЕ**

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ,

Где речь пойдет о блудном сыне Кастилии, о проигранной битве, о том, в чем обвиняли генерала Гальинато, о решении царицы и о том, как создавалась легенда

Когда узурпатор Тьхунг Прей узнал, что приехавшие к нему два европейца были приемными сыновьями Махендрараджи, он решил отделаться от них, тем более что вообще не любил европейцев...

Из камбоджийской королевской хроники XVIII века

Шумны и пестры вечерние улицы Пном-Пеня. Призывы торговцев, звон колокольцев на тележках разносчиков, бормотание уличных прорицателей, смех и крики нагих детишек сливаются в густой гул, не молкнущий до утра. Многоязыкая толпа бурлит, волнуется и живет прямо под открытым небом. Этот город, раскинувшийся у слияния четырех рукавов Меконга, — ворота маленькой Камбоджи. Тут бросают якорь суда из близких и дальних стран, и царские скупщики выменивают здесь рис из казенных закромов и драгоценные смолы — дань лесных племен — на шелка из Китая, кривые мечи из Японии, золото и самоцветы — добычу малайских пиратов. Отсюда груженные иноземными товарами караваны двинутся по узким дорогам, вдоль Меконга, в столицу Камбоджи — Ловек, где среди пагод, укрывшись за крепостными стенами из вечного страха перед сиамцами, правит бессильный потомок некогда могучих властелинов Камбоджи царь Сатха.

Правда, бессилие его скрыто за плотной завесой почестей и низкопоклонства. Все так же, как и во времена его великих предшественников, царей Ангкора, падают ниц перед его троном сановники и министры: у царя — право казнить и миловать, у сановников — искусство лгать и плести интриги. Как и в былые времена, народ громко приветствует своего повелителя, когда тот, окруженный своими женами и слугами, проплывает в паланкине по главной улице города, направляясь с богатыми дарами к обители буддийских монахов. Его ушей не достигает глухой ропот подданных, но он достаточно умен и понимает, что не с ним, законным, но не самым достойным претендентом на власть, сердце народа. Недаром вчера он до поздней ночи изливал душу своему названному родственнику и доверенному лицу — «сыну» Диегу Велозу. Кому, как не ему, чужеземцу, рассказать о своих страхах и сомнениях, о своей зависти к сводному брату, доблестному воину Сорьепору, о недоверии к вельможам. Пусть этот португалец узнает о его слабости. Что из того? Слабый, он нужнее и полезнее португальцам, чем его несговорчивый брат. И в Малакку идут письма с просьбой о присылке новых миссионеров, а в подтверждение благорасположения государя к христианской религии — два креста, изготовленные обращенными в католичество придворными мастерами.

В недобрый час прибыл в Камбоджу блудный сын Кастилии Блас Руис де Эрнан Гонсалес. Ему только 23 года, по уже полсвета исколесил он в поисках удачи.

Быстрая шпага и меткая пуля не принесли ему пока ни славы, ни богатства. И вот, оставив в Перу молодую жену, он мчится к далеким островам Южных морей, где, по слухам, таких, как он, молодцов ждет блестящая карьера при дворе сказочно щедрых азиатских монархов. В Маниле без денег и без знакомств он долго скитается в ожидании благоприятного случая, и 13 декабря 1592 года случай приводит его на борт судна манильского купца Грегорио Варгаса. С грузом пороха и пеньки корабль пристает к берегу в княжестве Тямпа²⁴.

Но тут путешественников подстерегает непредвиденная опасность. Князь Тямпы не любит европейцев, ну а сейчас он особенно не расположен видеть их у стен своей столицы. Придворные астрологи предсказали ему гибель от руки чернобородого иноземца со шрамом на левой щеке, поэтому Руиса и Варгаса сразу по прибытии хватают и доставляют к мандарину, ведающему безопасностью царской особы. Борода есть, но шрам не обнаружен. За недостатком улик и по особой милости царя (ведь шрам — дело наживное) конкистадоров доставляют к границе с Камбоджей и там отпускают, корабль же передают в казну, а матросов-китайцев обращают в рабство.

Пешком добираются искатели приключений до столицы — Ловека. И тут их страдания оказываются вознагражденными. Перепутанный донесениями о готовящемся нашествии сиамцев, Сатха с великой радостью встречает новое пополнение небольшого отряда европейцев, составляющих его личную гвардию. Особенно прельщает его то обстоятельство, что вновь прибывшие — испанцы. Он уже отчаялся получить помощь из португальской Малакки, у которой хватает своих забот и не хватает денег и людей. Поэтому так ласков с испанцами самодержец, поэтому вскоре у него объявляется второй «приемный сын» — Блас Руис.

Война с Сиамом началась. Сиамская армия быстро дошла до камбоджийской столицы и осадила ее.

Их было семеро, европейцев, осажденных в Ловеке. Командовал ими Руис. Самый молодой из них, он уже успел доказать свое бесстрашие и умение владеть оружием. Каждое утро с рассветом сиамцы устремлялись на штурм города, осыпая защитников дождем стрел и градом пуль, и откатывались, встреченные метким огнем с крепостных стен. Обороной руководил принц Сорьепор, в то время как его венценосный брат, охваченный паникой, отсиживался в самом дальнем павильоне дворца, воздвигнутом на сваях посредине большого пруда.

Сатха знал, что битва проиграна. Сановники, которых послал он для вербовки наемников среди тямов и малайцев, не спешили ему на выручку. Лазутчики сообщали ему, что наемная армия стала лагерем у Пном-Пеня и спокойно ждет исхода событий. Не было вестей и из Манилы, куда уже полгода назад отправил он Велозу и Варгаса. Манильским властям он обещал предоставить для Испании любые привилегии за помощь против Сиам.

Сорьепор также понимал, что битва проиграна, но, поднимаясь каждое утро вместе с Руисом на городской вал, сохранял бодрый вид, шутил с солдатами и упражнялся в стрельбе из мушкета по предводителям сиамских отрядов, восседавшим на спинах боевых слонов.

Только Руис еще лелеял в тайниках своей души надежду на успех. Ведь оставался еще один шанс. Что, если появится Велозу, хотя бы с сотней солдат?

Встреча их состоялась не совсем так, как им обоим хотелось бы. Закованного в цепи Велозу втолкнули в сарай с остальными пленниками на третий день после падения

²⁴ Княжество Тямпа существовало с 1471 по 1720 год на крайнем юге современного Вьетнама до его разгрома вьетнамцами.

Ловека. Он спешил на помощь своим друзьям, но опоздал. Да и чем он мог помочь? Манила не дала ему ни одного солдата. Губернатор Филиппин был занят в это время более соблазнительными планами захвата Молуккских островов. И Велозу отправился назад, везя письма к Сатхе, полные туманных обещаний.

Они провели ночь в сарае, обсуждая под шум тропического дождя события последних месяцев. В день перед сдачей города Сорьепор устроил побег царя Сатхи и двух принцев. Ночью на пироге они уплыли вверх по Меконгу. Сиамцы разграбили и сожгли поверженную столицу. Сотни пленных потянулись по дорогам на запад...

Наутро в окружении пышной свиты к сараю подъехал сиамский вельможа. «Есть ли среди пленных европейцев такие, кто говорит на камбоджийском? Доставить их к его величеству. Остальных на корабли». Так Велозу попал к сиамскому царю Нарету.

Царь весьма интересовался Испанией и европейскими делами, и Велозу употребил все свое красноречие, чтобы убедить его в несокрушимом могуществе испанской державы. Среди рассказываемых им часами былей и небылиц Нарета особенно потрясло сообщение о «философском камне», которым якобы обладает Филипп II. Эту историю Велозу сочинил нарочно, заметив у Нарета особое пристрастие к золоту и драгоценностям. К концу месяца сиамский царь уже проникся полным доверием к Велозу. Тот, не жалея красок, расписывал выгоды, которые может сулить царю дружба и торговля с Испанией, в случае если он, Велозу, возьмет на себя роль посредника. И вот Нарет приказал снарядить корабль, груженный бензойной смолой и слоновой костью, и отправить на нем в Манилу Велозу в сопровождении сиамского посла.

В устье Менама на пути корабля встретились группы оборванных и грязных сиамских солдат, в беспорядке бредущих вдоль берега. В результате расспросов выяснилось, что сиамские гарнизоны в Камбодже разгромлены наемными армиями малайцев и тямов. Велозу мысленно поздравил Сатху и продолжал свой путь в Манилу. По прибытии его ждала новая приятная неожиданность. Руису вместе с остальными пленными удалось захватить корабль, на котором их везли в Сиам, и они благополучно добрались до Манилы.

Сатха между тем заслуживал не поздравлений, а всяческого сочувствия. Он не имел никакого отношения к изгнанию сиамцев из Камбоджи. Бежав из Ловека, он уже второй месяц скитался в джунглях, обходя города и деревни и пробираясь в Лаос, где рассчитывал получить убежище во дворце своего тестя — лаосского царя.

Невеселы мысли Сагхи. Жалок и ничтожен привыкший повелевать человек, лишенный власти. И кто скажет, откуда она берется, эта власть и куда исчезает? Уж не в зонтах ли и паланкинах — знаках царского достоинства, брошенных в осажденной столице, скрывается ее тайна? Во всяком случае не в самом человеке. Ведь он тот же Сатха, который семнадцать лет вершил судьбы страны, а слово его уже ни для кого не закон. Разве только для двух юношей-сыновей, бежавших вместе с ним. Каким издевательствам и унижениям подвергался он, когда малайские солдаты доставили его связанным к своему предводителю Лаксамане. Слава справедливому Будде, известный своей жестокостью малайский вождь проявил редкостное великодушие. Он не отправил Сатху в Срей Сантхор, где воцарился двоюродный брат Сорьепора — Тьхунг Прей, захватив власть с помощью изменников-мандарингов. Не то не миновать бы Сатхе заточения, а то и смерти от рук палачей узурпатора.

Лаксамане нет дела до распрей в царском семействе. Он будет служить тому, кто платит ему и его малайцам, а платит ему сейчас Тьхунг Прей. Но это не значит, что он обязан выдать новоявленному царю его беззащитного родича. Потому и разрешил он Сатхе пробираться дальше в Лаос и не боится вызвать этим гнев Тьхунг Прея. Кто может наказать Лаксаману, если он сейчас единственная реальная сила в государстве?

На четырех континентах, на трех великих океанах раскинулась огромная империя Филиппа II Испанского. Королевства Кастилии и Арагона, еще совсем недавно могучая и независимая Португалия, Неаполь, Милан и Сицилия, Нидерланды и Франш-Конте²⁵. Мексика, Перу и Бразилия, золотой порт Гоа и африканская Софала²⁶, острова в восточных и западных морях — все объединены под его короной. Никто с начала мира не владел такими обширными землями. Никто из земных владык не имел столько титулов и званий, как Филипп II. Казалось, ему нечего опасаться, этому грозному колоссу, поглотившему полмира. Все еще кружат высокомерным идалго, быстро забывшим о сокрушительном разгроме Непобедимой Армады, новые успехи испанского оружия. Только самые дальновидные умы способны разглядеть приметы неминуемого конца испанского могущества. Как тучный человек, Испания задыхается от собственных размеров. Бесчисленные гарнизоны, разбросанные по всему свету, подтачивают силы державы, и никакое серебро Мексики и Перу, никакие пряности восточных морей не способны покрыть расходы казны по содержанию гигантских армий и флотов. Все чаще больного сотрясают конвульсии страшной болезни — безденежья, и скромные лекари — банкиры и промышленники Европы — за непомерную плату отсрочивают час его гибели.

Здесь в Маниле, столице дальневосточных владений Испании, кризис империи дает себя чувствовать со всей остротой. Уже почти год Велозу, Руис и Варгас обивают пороги, убеждая власти в выгодности и легкости военного захвата Камбоджи. У них уже немало сторонников среди монахов. Город полон слоняющихся без дела и без средств к существованию военных. Ничего нет легче, как набрать и вооружить внушительный отряд, но для этого нужны деньги, а их нет в казне генерал-губернатора. Приходится рассчитывать на частных лиц. С трудом им удастся найти человека, согласного финансировать экспедицию. Это генерал Гальинато, известный не только своим богатством, но и храбростью и благородством.

От имени царя Сатхи Велозу и Варгас подписывают договор, согласно которому царь Камбоджи признает себя вассалом испанской короны, принимает вместе с царицей христианство и учреждает в Камбодже пост испанского генерал-губернатора, каковой пост и передается генералу Гальинато. Через месяц экспедиция уже насчитывает 120 человек и снаряжена всем необходимым. Правда, это не те первоклассные, закаленные, готовые ко всему солдаты, с какими Гальинато двадцать лет назад участвовал в покорении Лусона. Им явно недостает дисциплины, выдержки и хладнокровия, но генерал понимает, что по нынешним временам, когда на полях Европы полегли десятки тысяч прекраснейших сынов Испании, на лучшее рассчитывать не приходится.

Впоследствии в неудаче экспедиции обвиняли Гальинато. Говорили о том, что он проявил малодушие и не сумел воспользоваться благоприятной для покорения Камбоджи ситуацией. Но старый солдат знал и готов был стоять на своем, что им руководила не трусость, а осторожность и благоразумие.

Его не было в Камбодже во время развернувшихся там кровавых событий. Флагманский фрегат под командой Варгаса получил сильные повреждения во время встретившегося на пути экспедиции урагана и вынужден был вернуться в Манилу. Джонки Руиса и Велозу с грехом пополам добрались до Пном-Пеня. Как потом докладывали Гальинато, узурпатор Тьхунг Прей, которого неожиданно для себя обнаружили на камбоджийском престоле Руис и Велозу, с самого начала повел себя грубо и высокомерно. Он предписал испанцам оставаться в Пном-Пене и не выходить за пределы иностранного квартала. Правда, сам генерал не усматривал в этом акте проявления особой грубости, но у его спутников, еще недавно встречавших совсем иной прием при дворе камбоджийского царя, повеление Тьхунг Прея вызвало бурное недовольство. Горячая голова Руис хватался за меч и требовал немедленного уничтожения узурпатора, более рассудительный Велозу предлагал дожидаться прибытия Гальинато.

²⁵ Франш-Конге — область во Франции, отошедшая при Филиппе II к Испании.

²⁶ Софала — государство в Африке, на территории современного Мозамбика.

Между тем время шло, солдаты томились в бездействии, дисциплина падала. Достаточно было искры, чтобы разгорелся пожар, и эта искра не заставила себя ждать. Однажды на рассвете в Пном-Пене появились шесть китайских джонок с товарами. У одного из китайских купцов оказались старые знакомые в лагере испанцев. Двоих солдат он знал еще по Маниле, где они, набрав в долг товаров, отказались платить да к тому же публично оскорбили его. Встреча на улице Пном-Пеня мало напоминала встречу старых друзей. Драка быстро переросла в побоище. Китайские джонки были взяты на abordаж и разграблены. Всю ночь пылали хижины китайского квартала, а наутро, по настоянию замещавшего Гальинато семидесятилетнего священника Хименеса, Велозу и Руис в сопровождении сорока солдат двинулись в Срей Сантхор, чтобы принести царю извинения за совершившееся.

Царь заявил, что испанцы должны возместить китайцам понесенные убытки и затем покинуть пределы страны. Тут же состоялся тайный военный совет. Руису удалось убедить Велозу в том, что отступить значило бы расписаться в собственной слабости. Бесславное возвращение экспедиции в Манилу лишило бы их надежды на всякую новую возможность утвердиться в Камбодже. К тому же, настаивал Руис, момент для решительных действий весьма благоприятен. Армия Лаксаманы находится далеко, на границе с Тямпой, и дворец охраняется лишь сотней плохо вооруженных камбоджийских солдат.

Доводы Руиса были признаны убедительными. В Пном-Пень отправился гонец к Хименесу, чтобы сообщить ему о принятом решении и необходимости привести в полную боевую готовность испанские корабли. Ночью восемь человек с Руисом во главе пробрались во дворец и, расстреляв из пистолетов стражу, ворвались в царские покои. Смерть настигла Тьхунг Прея в тот момент, когда он, схватив на руки малолетнего сына, бежал через сад, чтобы скрыться в пагоде. Остальная часть солдат под командой Велозу прикрывала отход группы Руиса. Им удалось взорвать пороховой погреб и поджечь царские конюшни, вызвав тем самым немалое смятение и панику.

Целые сутки оправившиеся от первого потрясения камбоджийцы преследовали отряд Велозу. Только очутившись на борту под защитой пушек, испанцы почувствовали себя в безопасности.

Волей случая как раз в тот день во встревоженный Шом-Пень вошел фрегат Гальинато. Генерал не одобрил поспешных действий Велозу и Руиса. Во всем, что произошло, он не видел ничего хорошего. В конце концов Лаксамана всего в нескольких днях пути, и никому не ведомо, как отнесется грозный малаец к учиненному европейцами разгрому. К великому неудовольствию Велозу и Руиса, генерал приказал поднять паруса и выйти в море.

В упорстве и целеустремленности этим двум европейцам нельзя было отказать. Немало усилий стоило Руису и Велозу убедить Гальинато высадить их на вьетнамском побережье, откуда они решили пробираться в Лаос к Сатхе. Вместе с ними вызвались идти еще двадцать человек. Наняв проводящих, маленький отряд двинулся в путь, перевалил через Аннамский хребет и спустился в цветущую долину, где среди рисовых полей раскинулась столица Лаоса — Вьентьян. Лаосский царь, которого известили о приближении европейцев, приготовил им самую торжественную встречу. Толпы ярко наряженных юношей и девушек сопровождали их во дворец. Там их ждал сказочный пир под сладкую музыку кхенов²⁷. Царь собственноручно обносил гостей пальмовой водкой. В числе гостей Велозу узнал сына Сатхи двадцатилетнего Пхнеа Тона. Юноша тоже узнал Велозу и с грустью поведал ему о недавней кончине своего отца. Честолюбивые замыслы авантюристов снова столкнулись с неожиданным препятствием.

²⁷ Кхен – лаосский музыкальный духовой инструмент.

Неугомонный Руис и на этот раз был полон самых радужных надежд. Старик Сатха был, конечно, славный малый, но Почему его не может заменить собственный сын? Что из того, что этот сын неспособен, да и не хочет быть царем? И Руис и Велозу начинают уговаривать Тона и его мать, склоняя их к решению выступить претендентами на вакантный престол Камбоджи. Впрочем, этот престол не свободен, хотя еще и не знают об этом! Камбоджийские вельможи уже избрали царем сына Тьхунг Прея. Правда, в этом выборе не участвовал Лак-самана, у которого свои мысли насчет судеб камбоджийского трона. Старому тигру надоела роль сторожевого пса при дворе, где большую политику делают коварные мандарины. Он задумал передать власть своему ставленнику, а заодно разделаться с самыми независимыми из сановников. Но кому же по воле Лаксаманы выпала роль царя? Она выпала сыну изгнанника Сатхи — Тону.

Тайный гонец Лаксаманы, прибыв во Вьентьян, передал предложение своего господина Тону и его матери. Умная женщина правильно рассудила, что теперь у ее сына появились верные шансы. На следующий день, не объясняя причин, она объявила Велозу и Руису о своем согласии начать поход в столицу Камбоджи. Руис ликовал: «Всемогущий бог просветил голову нашей бедной царицы». «Теперь у него будет время заняться твоей», — мрачно острил Велозу. Его настораживала перемена, происшедшая с матерью Тона.

Все стало понятным, когда на подступах к Срей Сантхору к эскорту из европейцев присоединился внушительный малайский отряд. А через несколько часов самому Лаксамане пришлось прятать за вежливой улыбкой свое изумление. Он никак не предполагал увидеть Тона в столь неожиданном окружении. Но политика есть политика. И человек, предавший сына Тьхунг Прея, обменялся дружескими приветствиями с людьми, убившими самого Тьхунг Прея.

— Четвертый год — четвертый царь, — сказал горшечник Тит своему приятелю рыбаку Неангу. Тот нахмурился и промолчал.

— Мое дело, конечно, маленькое, — продолжал Тит, — но поговаривают, что новый только и знает, что пьет и ездит на охоту.

— Мне и моей рыбе все равно, чем занимаются цари, — ответил Неанг.

— Тебе все равно! А то, что у соседа Кима малайские бандиты изнасиловали сестру, тебе тоже все равно? То, что эти белые дьяволы проходу не дают нашим парням, тебе тоже безразлично? Если бы Сорьепор был с нами, а не в плену, всех этих чужеземцев давно бы духу здесь не было.

Оживленная толпа заполняла улицы Срей Сантхора. Город готовился к коронации Тона, но все чаще на площадях и базарах, в лавках и на берегах прудов повторялось одно имя — Сорьепор.

Тревожно начался для Руиса и Велозу 1599 год. Уже почти два года прошло с того дня, как они вместе с Лаксаманой возвели на престол непутевого отпрыска Сатхи. Все трое они теперь составляют ближайшее окружение царя, и ни одно решение не принимается без их согласия. Погрязший в разврате самодержец не скупится на милости. Руису и Велозу он дает в управление по провинции с правом сбора налогов в их пользу. Авантюристы чувствуют себя владетельными князьями.

Но прочно ли достигнутое ими положение? Со всех сторон грозят им все новые и новые опасности. Бежавший в западные районы страны сын Тьхунг Прея собирает там новое ополчение. Лишь с большим трудом отбили они его прошлогоднюю атаку на Срей Сантхор. Руису собственноручно пришлось застрелить нескольких столичных мандаринов, когда ему сообщили об их намерении открыть ворота врагу. А потом он, рискуя жизнью, пробирался в Пном-Пень, чтобы набрать там подкрепление из принявших христианство японцев — торговцев и ремесленников.

А история с лаосским войском? Тогда Руис и Велозу чуть не перессорились насмерть. Ведь это Велозу пришлось в голову искать помощи у лаосского царя, и присланные им отряды лучников — настоящих головорезов — стали грабить своих и чужих, включая и европейцев. Нескольким испанцам эта затея Велозу стоила жизни, и Руис до сих пор не может простить своему приятелю этой ошибки.

Но самая большая опасность — это не мятежники, возглавляемые сыном Тьхунг Прея, и не лаосские лучники. Главная опасность — это Лаксамана, тот самый Лаксамана, который не устает клясться Руису в вечной дружбе, который не упускает случая посостязаться с ним в искусстве владения шпагой или поучить его обращению с малайским крисом. И Велозу и Руис знают цену этой дружбе. Лаксамана может позволить себе роскошь терпеть конкуренцию со стороны европейцев, пока он чувствует себя значительно сильнее. Но он ревниво следит за каждой попыткой Руиса и Велозу добиться присылки подкреплений из испанских владений. Положение европейцев напоминает почетный плен. За ними установлена непрерывная слежка. Только один раз удалось направить своих людей с письмами к властям Манилы, Малакки и Гоа. После этого Тону пришлось выслушать немало неприятных вещей от своей матери — верной союзницы малайского военачальника. Что касается посланных людей, то от них до сих пор нет ни слуху, ни духу. А пока у Руиса и Велозу нет достаточного количества людей и оружия, они не только не смеют помышлять о дальнейших действиях во славу Испании и христианской веры, но и не могут ручаться за свою собственную безопасность.

В Пном-Пень пришли три каравеллы из Манилы, и сразу же все изменилось. Теперь, когда в распоряжении Велозу и Руиса оказалось почти двести европейцев и филиппинцев, много оружия и корабельная артиллерия, они решили не терять времени даром. И вот в Срей Сантхоре начались переговоры с царем: царю предложили стать вассалом его католического величества короля Испании.

Тот день, последний день переговоров, был особенно жарким. Солнце уже с утра палило так нещадно, что голова Руиса звенела и перед глазами плыли зеленые круги. Ни опухшая, ни кокосовое молоко не приносили облегчения... Руис из тенистого сада поднялся в свои покои и приказал слуге подать парадный камзол. Через час должно свершиться то, ради чего они с Велозу старались все эти годы, не жалея ни своих сил, ни чужой крови. К владениям испанской короны прибавится еще одно — царство Камбоджа.

Воображение Руиса рисовало великолепные картины будущего. Громадные испанские галионы бросают якорь у пристаней Пном-Пень. Город полон европейских торговцев, грузящих в трюмы своих кораблей бесценные продукты тропиков. Грозные крепости оберегают жизнь и богатства подданных Испании, а многочисленные монахи несут камбоджийцам слово господне. И весь этот порядок держится на нем, Руисе...

В тронный зал дворца Руис вошел, когда все уже были там. Велозу, сидевший по правую руку от государя, приветствовал его кивком головы. Рядом с ним восседал доминиканец Мальдонадо. Налево от трона стояли бритоголовые буддийские монахи в желтых одеждах, а поодаль, коленопреклоненные, застыли сановники и министры. Не было только Лаксаманы, который все это время оставался в Пном-Пене.

Руис низко поклонился царю. Гон выглядел подавленным. Вся его не по возрасту расплывшаяся фигура выражала собой обреченность и покорность. Садясь на отведенное ему место, Руис подумал: «Неужели подпись этого ничтожества что-нибудь значит?». «Да, — ответил он сам себе, — она значит, что мы верим в нашу силу; она значит, что другие поверили в нее; она значит наконец, что в нее поверит Испания».

Церемония началась. Из царской канцелярии принесли столик, на котором лежала бумага с текстом договора и золотая пластинка, на которой тот же текст был выгравирован «на века». Велозу поднялся и, перекрестившись, стал на камбоджийском языке пункт за пунктом громко читать условия договора. Каждый параграф кончался

словами: «Я, царь Камбоджи, Парамараджа II²⁸, сие утверждаю без оговорок и двусмысленных толкований», и каждый раз Тон вздрагивал, слыша свое имя. Присутствующие хранили мертвое молчание.

Вдруг торжественную тишину дворца нарушили полоса и звон оружия. Велозу прервал чтение. На террасе дворца послышались торопливые шаги, и в зал почти небрежно рослый камбоджиец в одежде офицера царской стражи. Он пал ниц перед тронном и, задыхаясь, проговорил что-то, в чем Руис уловил только слова: «Пном-Пень» и «Лаксамана». Царь побледнел и знаком дал понять, что церемония откладывается. Придворные, толпясь, покидали тронный зал, оставив в нем гонца наедине с царем и европейцами.

Из сбивчивого рассказа офицера Руису стало ясно, что дело плохо. Кто заварил всю эту кашу, офицер не знал. То ли какой-то малаец ударил ножом испанца, то ли испанцы избили малайца, но только в городе началось побоище между малайцами и европейцами. Сначала будто бы европейцы вместе с христианами-японцами осадили лагерь малайцев, а потом откуда-то появился Лаксамана с основными силами малайцев и, отогнав атакующих испанцев, осадил их корабли. Когда офицер поскакал с донесением к царю, ситуация уже складывалась не в пользу европейцев. Хуже всего было то, что жители Пном-Пеня вышли из повиновения и, вооружившись чем попало, тоже бросились в свалку, присоединившись к Лаксамане.

«Идиоты, идиоты, — думал Велозу. — Позволить хитрому малайцу заманить себя в ловушку».

Во дворе уже седлали коней. Руису принесли латы и пистолет. Велозу, нахмурившись, выслушивал уговоры царя остаться и переждать во дворце и качал головой. Мальдонадо поспешно скинул рясу и облачился в доспехи. Через полчаса маленький отряд во весь опор мчался к Пном-Пеню.

Уже в предместьях Пном-Пеня ощущалась близость сражения. На улицах не было видно мужчин. Только старухи и дети с любопытством провожали глазами всадников. Со стороны реки раздавались нечастые выстрелы пушек.

У поворота на улицу, ведущую к Меконгу, навстречу отряду выбежала группа вооруженных топорами камбоджийцев. Руис круто развернул коня и, пригнувшись к его шее, выстрелил два раза. Кто-то упал. Конь Велозу стал на дыбы и тут же, пронзенный пикой в живот, рухнул на землю. Руис увидел занесенный над Велозу топор и отвернулся. Отряд помчался дальше, туда, где раздавались выстрелы и крики. «А это, кажется, крупная птица», — сказал, нагнувшись над трупом Велозу, горшечник Тит.

Когда отряд Руиса подоспел к месту боя, поражение испанцев было уже очевидным. Из трех кораблей два были взяты на abordаж малайцами. Оставшийся корабль продолжал обстреливать берег, где малайцы и камбоджийцы осадили отрезанную от кораблей группу испанских и филиппинских солдат. Испанцы укрепились в амбаре и уже много часов отстреливались из мушкетов и аркебуз. Порох у них был на исходе.

Да и для Руиса с его отрядом все пути к отступлению уже были отрезаны. Единственное, что можно было сделать — прорваться к стоящим у берега прау и попытаться доплыть до каравеллы. Руис с обнаженным мечом врезался в шеренги малайцев и стал прокладывать путь к берегу. За ним ринулись остальные воины его отряда. «Нет, «е пройти», — подумал Руис, чувствуя, как тяжелеет его рука. Десять часов в седле без отдыха и еды давали себя знать. Руис оглянулся. За ним следовало теперь всего семь человек. Прямо за его спиной работал мечом Мальдонадо. Слуга всевышнего, слава богу умел обращаться с оружием.

В этот момент Руис увидел Лаксаману. Предводитель малайцев стоял метрах в тридцати от места схватки и безучастно наблюдал за происходящим. Руис выхватил

²⁸ Под этим именем Тон вззошел на престол.

пистолет и прицелился. Выстрелить он не успел. Пуля вошла ему под лопатку, и он замертво повалился с коня.

Немногие из европейцев пережили этот день. На борту каравеллы спасся доминиканец Мальдонадо Имена Руиса и Велозу стали известны в Испании. Они обросли легендами и долго еще служили источником вдохновения для испанских поэтов и драматургов. В Камбодже о них быстро забыли. В придворных хрониках «приемные сыновья» царя Сатхи упоминаются лишь в связи с борьбой его сына против узурпатора Прея. А совсем недавно какой-то эксцентричный камбоджиец, возводящий свою родословную к португальским завоевателям, поставил на берегу Меконга в провинции Ба-Пхном, некогда дарованной царем Велозу, памятник этому португальскому конкистадору.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ,

Где речь пойдет о том, как погиб царь Бирмы, о новом начальнике таможни и его крупной игре, о том, почему сменили соглядатаев, о том, как были переплавлены на пушки пагодные колокола, и о том, как опоздала эскадра из Гоа

*Маун Зинга был еретиком. Он десять лет грабил пагоды и разрушал их. Исчезла религия в Раманне, и никто не совершал добрых дел
Из хроники пагоды Шведагон*

Моны и бирманцы запомнили его под именем Маун Зинга. На самом же деле он был наречен при крещении Филиппом, Филиппом де Бриту. Бирманцы думают, что после смерти он стал злым духом — натом. По бирманским верованиям натами становятся люди, погибшие насильственной смертью. Если же человек при жизни был злым, то дух его злой вдвойне.

Мало кому из португальских авантюристов удалось приблизиться к тем вершинам, на которые вознесся бедный португальский дворянин де Бриту. Он стал королем — предел мечтаний для каждого дворянина. И умер он королем. Правда, королевство его было невелико и просуществовало всего несколько лет. И рухнуло за три дня до смерти де Бриту...

Бесконечные войны с Сиамом, внутренние раздоры и восстания вконец истощили Бирму к началу XVII века, и она стала легкой добычей для соседних государств. А оснований для вражды у них было немало. Ведь за сто последних лет бирманские войска десятки раз переходили границы Сиам, Лаоса и Аракана²⁹ и грабили и сжигали вражеские города.

Отмщение было жестоким. В 1599 году араканский флот подошел к южному побережью Бирмы, к дельте Иравади. В то же время восточные границы слышали топот слонов сиамской армии.

Король Бирмы Нандабайин призвал к оружию подвластных ему князей. Но почти никто не отозвался на зов короля. Даже родные братья Нандабайина, правившие ключевыми провинциями страны, отреклись от него. А один из них — князь провинции Таунгу — даже присоединился к сиамцам.

Бирманское королевство пало так быстро, что сиамские войска не успели дойти до столицы Нандабайина. Поделили добычу араканцы и предатель — брат короля. Брату досталась голова Нандабайина и зуб Будды, который хранился в одной из пагод. Араканцам — королевский гарем и белый слон. Так говорят хроники. Хроники не упоминают о рабах, золоте и драгоценных камнях. Хроники молчат о том, что населению покоренных районов пришлось переселяться на территорию Аракана и Таунгу, чтобы обрабатывать поля новых правителей. Нижняя Бирма, страна монов, испокон веку

²⁹ Аракан — государство на территории Бирмы, существовавшее до XVIII века.

известная под именем Раманнадесы, по которой несколько раз прокатились волны сиа́мских, бирманских и араканских войск, превратилась в пустыню.

Вскоре после описанных событий в Раманнадесе побывали два монаха-иезуита. «Во всем королевстве едва ли найдется хоть один здоровый мужчина... Население доведено до того, что во многих местах едят человеческое мясо», — писал один из иезуитов, отец Пимента. Ему вторил его спутник, Бове: «Печальное зрелище являют собой берега рек, усаженные бесконечными рядами фруктовых деревьев, за которыми лежат в руинах храмы и величественные дворцы. Дороги устланы костями и черепами несчастных жителей, убитых или умерших от голода. Их сбрасывают в реку в таком количестве, что скелеты их препятствуют судоходству».

Монахи попали в разоренную страну не случайно. Они прибыли с новым начальником таможни в городе Сириаме, в устье Иравади. Начальника звали де Бриту, и числился он на службе короля араканского.

За несколько лет до этого он покинул Гоа, столицу португальской Индии, и отправился искать счастья в Аракан, ибо прослышал, что тамошний король нуждается в наемниках.

Де Бриту был не одинок. Страны Юго-Восточной Азии кишели тогда португальцами-авантюристами, которым не нашлось места в Индии. Прошла пора захватов и войн, когда каждая рука, могущая держать меч, была на вес золота. Новых завоеваний не предвиделось. Банды португальцев действовали на свой страх и риск, только формально признавая верховную власть вице-короля в Гоа.

А в Юго-Восточной Азии, раздираемой в то время войнами, их услуги ценились высоко. Почти каждый король или князь старался нанять отряд португальцев. Ибо наемники — значило мушкеты и пушки. И не удивительно, что небольшой отряд португальцев мог обратиться в бегство целую армию бирманцев или сиа́мцев. В панике бежали с поля битвы боевые слоны, топча свою же пехоту. Мушкетные пули летели дальше стрел. И доспехи не были надежной защитой.

Часто случалось, что португальцы воевали с португальцами: обе враждующие стороны нанимали их.

Но если выдавалась хоть малейшая возможность, португальские наемники покидали своих хозяев и выходили на самостоятельную охоту.

Судьба подарила такую возможность Филиппу де Бриту.

Сириам, важный порт, достался при разделе добычи Аракану. Через него проходила почти вся морская торговля Бирмы. Сюда же порой заходили корабли, плывущие из Индии к Островам Пряностей. И хотя после войны Сириам захирел, он все же оставался настолько важным пунктом, что араканский король решил оставить там гарнизон и таможню. И не пожалел отряда португальских наемников. Командовал ими де Бриту.

Мы не знаем, почему выбор пал на португальца. Известно только, что тот несколько лет прожил при дворе араканского короля, участвовал в походах и, наверно, пользовался королевским доверием. Известно и то, что жена де Бриту умерла в Индии и он женился во второй раз уже в Аракане. От первого брака у него остался сын, который всюду сопровождал отца. Сам де Бриту не оставил ни строчки воспоминаний.

Вот и все. А жаль, потому что личность его и история его возвышения весьма интересны. Он достиг многого, и не только по прихоти судьбы, а и благодаря собственным талантам военачальника, организатора и воина.

Он затеял крупную игру. Начни он ее на пятьдесят лет раньше, неизвестно, как повернулось бы дело. Но он опоздал. Португалия, еще недавно такая могучая, уже не могла защитить его. И потому история о забытом теперь короле Маун Зинге кажется только курьезом в цепи событий XVII века, но курьезом, подготовленным сотней лет истории экспедиций и походов.

Уводя пленных и унося добычу, араканская армия двинулась домой, на запад. Добыча была богатой. Более трех тысяч крестьянских семей, тридцать бронзовых статуй, королевские слоны, большая пушка, дочь бирманского короля.

Португалец де Бриту, «феринджи»³⁰, остался начальником таможни с небольшим отрядом в Сириаме. Было там две сотни араканских солдат, небольшой корабль, несколько десятков португальцев и, разумеется, соглядатаи араканского короля. Король не мог до конца доверять наемнику, на что были основания. Соглядатаи слали королю подробные доносы и отправляли с гонцами через горы.

Португальцу достался полуразрушенный, почти покинутый жителями город. Обгорелые остовы домов и складов, жалкие хижины на окраинах, несколько давно небеленых пагод.

Шли месяцы. Де Бриту собирал пошлину с проходивших изредка кораблей и... ждал. Он был неглуп, новый комендант. Он понимал, что новой власти никто не доверяет. Вернешься, распашешь поле — заберут урожай, откроешь лавку — отнимут товары. А еще хуже — придут полные жажды мщениа бирманцы, и следа не останется от феринджи и его людей. Основной задачей де Бриту было доказать всем, что португальцы собираются обосноваться в Сириаме надолго, что они принесли с собой не новые грабежи, а мир и порядок. Именно то, чего многие годы ждали разоренные, уставшие бояться крестьяне. Феодалные распри, войны, грабежи... и везде больше всего страдали крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники.

Небольшой гарнизон понемногу восстанавливал разрушенные стены Сириама, возводил новые укрепления и порой ходил на лодках вверх по реке, охотясь за многочисленными, но трусливыми бандами разбойников.

Оставшиеся в живых крестьяне мало-помалу переселялись поближе к стенам города. Стены сулили защиту. Португалец не бросал слов на ветер. Через полгода разбойники уже не осмеливались появляться по соседству с Сириамом. Открылись первые лавки. А для них нужны товары. Торговцы, сначала араканские, а потом и сиамские, малайские, яванские, зачастили к причалам порта. Де Бриту регулярно отсылал часть полученных денег своему хозяину. Соглядатаи не могли сообщить ничего такого, что заставило бы короля сменить коменданта.

А положение в Бирме способствовало возвышению португальца. Внутренние распри еще не кончились. Бирманские войска, стоявшие в северных районах страны, не появлялись в низовьях Иравади.

К концу первого года пребывания в Сириаме де Бриту послал официальное письмо вице-королю Индии. Он просил прислать капелланов. Он хотел проявить заботу о душах его подчиненных. Так о деятельности де Бриту стало известно в Гоа. Ответ не замедлил показаться в виде каравеллы «Сан Франсишку». На ней прибыли два уже упомянутых ранее иезуита и офицер армий его величества короля Испании и Португалии.

Иезуиты поселились в хижине на холме, а офицер — в доме де Бриту. Каравелла больше недели простояла на якоре посередине широкой желтой реки. Прилив, доходящий сюда из океана, поднимал ее, натягивал якорные канаты, и каравелла медленно разворачивалась.

Офицер из Гоа подолгу беседовал с начальником таможни, и соглядатаи, сменяя друг друга, старались подслушать их разговоры. Но разомлевшие от жары португальские солдаты отгоняли их прикладами мушкетов. По вечерам соглядатаи лихорадочно строчили доносы. В доносах они домысливали то, чего не удалось услышать. Доносы сильно противоречили один другому, и король Аракана смеялся от души, читая их. Но на всякий случай он отправил в Сириам одного из своих министров.

Когда министр добрался до Сириама, каравелла уже давно покинула город. Министр заметил, что местность вокруг Сириама словно преобразилась. Вместо обгорев-

³⁰ Феринджи – так называли в Бирме португальцев.

ших столбов и заброшенных полей зеленели молодые всходы риса. Крестьяне останавливали упряжки буйволов и, приложив руку ко лбу, смотрели на прямоугольные паруса араканского корабля. Министр увидел недавно побеленную пагоду. Если у людей есть досуг заниматься этим, значит, жизнь в крае налаживается. Об этом соглядатаи не писали.

Министру понравился и вид самого Сириама. Стены крепости кажутся неприступными, на берегу высятся новые здания складов. Несколько кораблей стоят у причалов. Неподалеку полным ходом идет сооружение верфи.

Начальник таможни, уже предупрежденный о приезде высокого гостя, вышел встречать министра к самым сходням корабля. Он был почтителен и готов показать все, что есть в Сириаме. Он пригласил министра к себе и угостил его хорошим обедом. Министр был доволен. Де Бриту испросил разрешения на постройку католической церкви. Португальцы, сказал он, которые живут в городе, тоскуют, потому что у них нет молитвенного дома. Поэтому начальник таможни взял на себя смелость... Министр не возражал. Каждый волен молиться своим богам. А португальцы в Сириаме должны быть веселыми и здоровыми, ибо если араканский король платит им жалованье, он хочет иметь за это хороших солдат.

Министр покинул Сириам удовлетворенный. Соглядатаев сменили. И некоторым из них пришлось поплатиться за чересчур богатое воображение. Араканскому королю нужны были факты. А пока Сириам приносил доходы и оставался в руках Аракана, король не намеревался менять начальника таможни.

А де Бриту не спешил. Он рассчитывал на благожелательный доклад офицера, рассчитывал на то, что вице-король Гоа, поверив в силу де Бриту, пришлет подкрепления и боеприпасы. Тогда все изменится... А пока он даже иезуитов уговорил не очень усердствовать с обращением язычников.

Флот де Бриту рос. Верфь работала в полную силу. Бревна тика, привозимые с гор, были замечательным строительным материалом. Боты, построенные в Сириаме, не уступали по качеству европейским. Наконец наступил такой день, когда де Бриту понял, что сможет обойтись без поставок риса из Аракана. Окружающие земли могли прокормить город. Португальские солдаты собирали дань с окрестных деревень. Дань была пока невелика: де Бриту не хотел отпугивать крестьян.

И вдруг де Бриту получил известие из столицы Аракана. Король все-таки поддался уговорам недоверчивых министров и решил сменить гарнизон крепости. Португальцы ему были нужны, он готовил поход на Индию. Мы не знаем, сколько дней, часов или минут было в распоряжении де Бриту. Два пути открывались перед ним. Первый, безопасный, — вернуться в Аракан, тем доказав свою преданность королю, и, получив награду (а может, и не получив ее), снова исполнять приказания араканского двора, рисковать шкурой ради толстых вельмож, да притом язычников.

И второй путь. Не дождавшись подкреплений из Гоа, отколоться от Аракана, броситься в пучину случайностей и тревог, рискуя уже через месяц, когда прибудет карательная экспедиция из Аракана, окончить жизнь на плахе. Но второй путь был соблазнителен. В случае удачи целая провинция Бирмы переходила под власть христианнейшего из королей, короля Испании и Португалии, вера торжествовала бы в самом сердце языческого мира. А главное — главное, что никто из португальцев еще не достигал таких высот. Стать королем в чужой стране — это больше, чем удалось сделать самому д'Албукерки. Династия де Бриту! Это звучит великолепно! Это значит богатство, слава, власть!

И португальский конкистадор пошел ва-банк. Ночью были арестованы араканские чиновники и офицеры. Араканские солдаты сдались, увидев, что их казарма окружена португальцами. Больше того, они согласились служить новому королю. Не испугались переворота купцы и крестьяне. Ведь уже много месяцев де Бриту был фактическим хозяином города. А что изменилось от переворота? Внутренним, необходимым каждому

купцу чувством они уверовали в победу феринджи. А те два корабля, что покинули порт на следующее утро, не испугали нового короля. Везде есть трусы...

Теперь очень многое зависело от того, успеют ли вовремя прибыть подкрепления из Гоа. Самый быстроходный бот был послан навстречу португальским каравеллам. Иезуиты ежедневно служили мессу о благополучном исходе предприятия Филиппа де Бриту.

Казалось, ничего не изменилось в Сириаме. Так же причаливали корабли из Авы и Мергуи³¹, так же стучали молотки на верфи, и дозорные боты уходили вверх по течению Иравади. Но город ждал. Все, начиная с де Бриту и кончая последним солдатом, невольно поглядывали на реку. Кто успеет первым? Португальские каравеллы или карательная армия из Аракана, которую, без сомнения, разгневанный араканский владыка отправил, как только получил сведения об измене...

Первыми успели каравеллы из Гоа.

Они достигли города на рассвете, в тумане, так что сбежавшиеся жители Сириама угадывали их лишь по звону якорных цепей. Белые хлопья тумана таяли, уплывали вниз по реке, и в лучах восходящего горячего солнца паруса каравелл казались розовыми.

Весь день на берег сгружали пушки и бочки с порохом. Надо было спешить. Господин де Бриту приказал, чтобы ему принесли обед на пристань.

Губернатор Гоа не мог прислать в Сириам большой отряд. Спасибо хоть, что он собрал бездельников, шатавшихся по столице. Неказистые «конкистадоры» с недоверием посматривали на приземистые стены крепости. Здесь им жить, искать счастье, богатство, а может быть, и сложить голову. Нет, они не были цветом португальского воинства. Но они были лучше, чем ничего. Де Бриту им даст дело и даст деньги. А с этим уже не пропадешь.

Де Бриту знал, что жители города, и не только португальцы, будут сражаться до последнего. В те времена пленных редко щадили. Изменников — никогда. Де Бриту надеялся и на помощь бирманских крестьян. Араканцы и были для них грабителями и захватчиками. И де Бриту, как ни парадоксально, став врагом араканцев, оказался вместе с крестьянами.

Де Бриту отправил письмо вице-королю. В нем он сообщал о последних событиях и отдавал себя под покровительство короны. Он не сомневался, что покровительство это будет чисто номинальным. Вице-королю хватало своих забот и тревог, чтобы не вмешиваться в дела де Бриту.

А еще через месяц, когда кончился сезон дождей, лазутчики донесли царю Маун Зинге (так его звали уже в округе), что приближается араканская армия. Армия двигалась двумя колоннами. Первая — по суше, через дельту, вторая — на кораблях, вдоль побережья. Во главе армии стоял наследный принц Аракана.

С колокольни собора, нового каменного собора, де Бриту долго смотрел на приближающуюся армию. Уже можно было различить серые громады боевых слонов и неровный лес копий.

К вечеру армия остановилась неподалеку от города. Загорелись костры, раскинули большой шатер для принца и несколько поменьше — для начальников отрядов. Армия ждала, пока подтянется по реке флот.

В крепости было многолюдно. Жители окрестных деревень со всем скарбом, со скотом переселились туда при первом же известии о приближающихся араканцах. На соборной площади мычали коровы, ободренные рыжие собаки путались под ногами солдат, буддийские монахи в оранжевых одеждах прятались в тени, поглядывая на черные сутаны католических священников, занятых оборудованием госпиталя.

³¹ Мергуи — порт в Тенассериме; Ава — город на реке Иравади, в описываемый период столица Бирмы.

Де Бриту забрал в армию беженцев. Вооруженные длинными изогнутыми ножами и самодельными копьями, бирманские крестьяне представляли собой неорганизованную, но внушительную силу.

Король Сириама решил не ждать, пока придет араканский флот. Он не хотел придерживаться обычных, принятых здесь способов ведения войны, когда после нескольких дней ожидания армии сходились посреди поля и бой начинался с поединка богатырей. Де Бриту мог рассчитывать на две с небольшим сотни португальцев, столько же араканцев, хотя им не очень доверял, и три-четыре сотни бирманцев из окрестных деревень. Это было вдесятеро меньше тех сил, которыми располагал араканский принц. Но многого стоили пушки, мушкеты и четыре хорошо вооруженных корабля, один из которых достался еще от араканцев, а три других были построены на верфи в Сириаме.

На рассвете под прикрытием тумана корабли португальцев зашли во фланг араканской армии, и по сигналу де Бриту пушки, еще ночью подвезенные к лагерю араканцев, открыли стрельбу по просыпающейся армии.

Де Бриту надеялся на внезапность нападения и оказался прав. Через час все было кончено. Остатки потрепанной армии рассыпались по равнине. Сальваторе Рибейру, помощник де Бриту, извлек из-под рухнувшего шатра наследного принца и привел его к португальцу. Де Бриту даровал пленнику жизнь. Но не потому, что был милосерднее других. Просто наследник мог стать предметом выгодного торга.

Араканский флот, получив известие о разгроме основных сил, повернул обратно, не дойдя до Сириама. Вести путешествуют быстро в тех краях. Все четыре каравеллы де Бриту бросились в погоню за флотом и вернулись с богатой добычей. Каждая из них вела на буксире по два-три парусника. Еще пять кораблей было потоплено.

Так де Бриту устранил основную угрозу своей власти. Вскоре последовало и официальное признание со стороны Аракана. Он выторговал его в обмен на наследника престола.

Начался новый период в жизни Сириама, новый этап в игре португальского конкистадора. Теперь у него на руках было куда больше козырей. Он выиграл первый кон. Открыт путь к величию и славе. Но ведь такой путь не устлан розами...

Прошло несколько лет. Сириама не узнать. Кажется, ничто не грозит всесильному Маун Зинге, имя которого известно повсюду, от берегов Ганга до Моллукских островов.

Год назад он попросил руки племянницы вице-короля Гоа и тотчас получил согласие. Так он породнился с официальной Португалией, занял место среди высших чинов вице-королевства.

В Сириаме живет более трехсот португальцев. Некоторые привезли жен и детей. По воскресеньям собор переполнен. Пришлось построить еще одну церковь, на берегу, у восточной стены. Туда ходят обращенные язычники.

Железной рукой вывел де Бриту разбойников на много миль вокруг, покорил мелких монских и бирманских феодалов, и власть его теперь распространяется на всю дельту.

Всякий корабль, плывущий мимо берегов Бирмы, платит ему дань. Даже в океане крейсируют его каравеллы, задерживая тех, кто хочет укрыться от уплаты пошлины. Никто не называет такие действия пиратством — за де Бриту сила. С ним считаются и в Гоа и в Аве.

И разумеется, де Бриту уже не носится с крестьянами, как в первые годы власти. Дань та них наложена достаточно высокая, чтобы лишнего в закромах у них не оставалось. В конце концов королевство Маун Зинги не настолько велико, чтобы можно было укрыть что-то от сборщиков налогов.

Де Бриту не обманул тех португальцев, что начинали вместе с ним сириамскую авантюру. Правда, они не обрели ни больших сокровищ, ни сундуков с золотом. Но выгодные должности поделены между ветеранами, и никто не скажет, что в Сириамском королевстве португальскому дворянину живется хуже, чем в Гоа или родной Португалии.

Довольны властителем и священники. Души туземцев отданы им в полное владение. Мало-помалу иезуиты разрушают местные капища — пагоды, с корнем вырывая ересь. Одного или двух непокорных пришлось сжечь на площади. И это послужило хорошим уроком остальным.

Казалось бы, все хорошо. Но не слишком ли гладко течет жизнь, не слишком ли спокойно?

Де Бриту понимал, что королевство, которое он собирался после смерти оставить в наследство сыну, стоит на глиняных ногах. Нет, не недовольство и ропот крестьян его беспокоили. На них найдется управа — кнут и мушкетная пуля. Не ворчание буддийских монахов, не гримасы купцов. Страшнее было другое — все его подданные, за исключением португальцев, с надеждой смотрели на север, где воцарился решительный и умный царь Бирмы Анаупетлун, покорявший феодала за феодалом и собиравший земли, разбазаренные его дядей Нандабайи-ном.

Бирманцы собирались под знамена нового царя, ибо в каждом народе, особенно в тяжелые периоды его истории, живет надежда на объединение страны, на создание сильного, своего государства. А в нем, в бирманском государстве, Сириамское королевство было нарывом, который рано или поздно должен быть вскрыт.

Де Бриту был между двух огней. Он не мог уменьшить поборы с крестьян — нечем стало бы платить жадным до добычи португальцам, не мог выгнать забравших в свои руки слишком большую власть иезуитов — от него отвернулась бы Португалия, отвернулось бы большинство соратников. А кроме них ему не на кого было опереться. Ведь в конце концов де Бриту и не приходилось выбирать. Он был всего-навсего португальским авантюристом, который имел несчастье родиться слишком поздно, когда Португалия уже не могла прийти ему на помощь в трудный час.

Все ближе войска Анаупетлуна. Вот им уже подчинился Пром. А это четыре перехода от Сириама, на границе его владений. Нужно золото, нужны еще пушки, новые запасы пороха. Де Бриту, не надеясь особенно на благоприятный результат, шлет письма в Гоа, требуя людей и боеприпасов. Но письма отправляет только с верными людьми, в тайне, ибо никто, даже сын, даже верный Рибейру, не должен знать о серьезности положения. Первый же сбежавший португалец может вызвать тревогу и сокрушить искусно созданную уверенность в вечности и нерушимости португальской власти в Сириаме. Правда, купцов не обмануть. Они с тревогой следят за развитием событий на севере. С той только разницей, что их тревога смешивается с надеждой на то, что в объединенной Бирме им будет не хуже, а лучше, спокойнее, чем в Сириаме.

И де Бриту совершает ошибку. Он начинает открыто поддерживать кампанию иезуитов против буддийских святынь. Он приказывает содрать с изображений Будд золото, содрать золото с пагод. Сотнями лет пилигримы наклеивали золотые листочки на святыни. С одной только пагоды Шведагон, самой большой и почитаемой в Бирме, де Бриту получил сотни фунтов золота. Он приказывает переплавить все медные колокола в пагодах и монастырях на пушки и ядра.

После этого де Бриту был проклят буддистами и превратил во врагов своих подданных.

Больше всех были довольны иезуиты. Крещеные бирманцы и мэны избегали ходить в церкви. Они тайком молились у белых разрушенных пагод. С каждым днем все с большей надеждой смотрели они на север, откуда должна прийти их армия, их царь.

Де Бриту удалось заключить союз с князем Таунгу. Тем самым, который вместе с сиамцами выступил против своего брата и казнил его, как только тот попал ему в руки. Князь Таунгу властвовал над Восточной Бирмой. Три года подряд после окончания сезона дождей король Анаупетлун выходил против изменника. Но до 1610 года ему не удавалось покорить его. Де Бриту помогал союзнику пушками и мушкетами. Де Бриту понимал, что, пока держится крупное феодальное княжество, пока князь Таунгу не покорился Анаупетлуну, Сириам может продержаться.

В 1610 году Апаупетлун начал очередную кампанию против Таунгу раньше обычного. Мушкетеры и пушкарки де Бриту опоздали. В самом Таунгу было немало сторонников присоединения к Бирме. И не удивительно, что в разгар решающей битвы один из полков перешел на сторону царя Бирмы. Это решило исход сражения. Князь Таунгу еле успел убежать в Сириам с небольшим отрядом своих сторонников.

Добыча, захваченная в Аве одиннадцать лет назад, была возвращена в столицу. Вернулись домой и крестьяне, согнанные с земель после разгрома Нандабайина. Бирма была почти целиком объединена.

Кольцо вокруг Сириама сужалось. Однако у бирманского короля было еще очень много врагов. И он предложил кончить дело миром. Бирманские войска занимают Сириам, а португальцы переходят к нему на службу.

Де Бриту отказался. Он сам был королем, почти десять лет. И не мог отказаться от власти, не мог снова стать обычным офицером, искателем счастья. Он — родственник вице-короля, о котором знает сам король Португалии и Испании.

Прошло еще три года. Как бы предчувствуя близкий конец, де Бриту вел себя еще круче, порой вызывая удивление даже у привыкших ко всему португальских наемников. Он совершал набеги на города Нижней Бирмы, отнимал у крестьян зерно и скот, грабил пагоды, захватывал людей и продавал их в рабство в Индию. Он спешил.

Но не забывал при каждом удобном случае похвалиться своей силой и неуязвимостью. Любил рассказывать гостям о том, что бирманцы никогда не посмеют напасть на его крепость.

А когда в 1613 году приехавшие с севера купцы сообщили ему, что Анаупетлун вышел с большим войском на юг, чтобы покорить Сириам, де Бриту, лазутчики которого уверяли, что поход отложен на год, обнаружил, что не готов к войне.

На совещании португальских офицеров выяснилось, что в набегах израсходован почти весь порох и потому пушки и мушкеты — основная надежда гарнизона — бесполезны.

Де Бриту проклинал себя за легкомыслие. И еще более за то, что нехватку пороха не удалось скрыть от горожан и солдат.

На следующее утро была снаряжена каравелла в Гоа с паническим письмом. На каравеллу погрузили золото и драгоценности, награбленные в последних походах. Ночью, перед отплытием, на корабль вошла плачущая молодая женщина. Капитан каравеллы вышел к ней навстречу и провел в каюту. Де Бриту отправлял в Гоа жену.

И не успела отвалить каравелла, как в порту началась невиданная суматоха. Спешно грузились купеческие корабли. Грузчики заработали в тот день впятеро против обычного. Купцы уезжали с семьями, и те, у кого не было корабля, платили любые деньги за место на палубе. Некоторые из солдат и офицеров попросили разрешения отправить в Индию семьи. Де Бриту поднял их на смех. Неужели они боятся бирманского самозванца? Неужели не они разгромили араканское войско?

Священник опросил де Бриту, почему его жена не вышла к обедне. Тот ответил, что жена занемогла.

А еще через два дня город опустел. Ни одного торгового корабля в порту. Настежь распахнуты двери складов — только крысы суетятся в темных закоулках.

Со дня на день нужно ждать войско Анаупетлуна.

Бирманский король предпринял еще одну попытку окончить дело миром. Его посланный потребовал, чтобы де Бриту выдал изменника — князя Таунгу. После этого бирманцы готовы вести переговоры о мире.

Неизвестно, о чем думал в те дни де Бриту. То ли он надеялся, что, как и десять лет назад, придут корабли из Гоа и он отгонит двенадцатитысячное бирманское войско, то

ли попросту недооценивал силы бирманцев, то ли надеялся на крепкие стены Сириама, но во всяком случае он сумел облечь ответ в благородную и гордую форму:

— Мы, португальцы, верны своему слову. Я дал слово гостю, что не выдам его, и я сдержу слово. Попробуйте отнять его у меня силой!

Стены Сириама были крепки. Несколько раз шли «а приступ бирманские войска, но всякий раз отступали. Защитники лили на головы врагов кипящее масло и обстреливали их из тяжелых арбалетов. Пули старались беречь.

Но защитников не хватало. Никто, кроме португальцев, полусотни разноплеменных рабов да свиты князя Таунгу, не стал на защиту города. Жители его спрятались, разбежались, а те, кого удалось заставить сражаться, пользовались каждой возможностью, чтобы скрыться или перебежать к нападающим.

Неизвестно, сколько бы длилась еще осада и чем бы кончилась она на этот раз, если бы ворота не были открыты изнутри. Бирманцами, жителями города.

Это случилось в воскресенье, когда большинство португальцев находились в церкви. Молились за ниспослание победы над язычниками. Португальцы, услышав шум, выскочили из собора. Благо он находился у ворот. Они успели вовремя. Передовой отряд бирманцев был изрублен и расстрелян. Ворота закрыли. Казалось, опасность миновала.

Но этот прорыв, пусть неудачный, решил судьбу крепости. Ее защитники пали духом. Отовсюду ждали измены. Не верили никому из бирманцев, никому из «цветных», даже сторонникам князя Таунгу.

Того, кто открыл ворота, найти не удалось. Для острастки де Бриту велел повесить троих случайно попавших под руку бирманцев. Но казнь не успокоила защитников...

Ил исходе шестой недели осады бирманцы закончили подкоп под стены города. И заложили туда бочонки с порохом. Взрывы прогремели в разных местах почти одновременно. Ждавшие этого момента бирманцы ворвались с двух сторон в Сириам. К ним присоединились бирманцы, оставшиеся в городе.

...Через полчаса пленных собрали на площади перед собором. Король Бирмы подошел к двум знатным пленникам. Впервые лицом к лицу встретились три властителя страны.

У Анаупетлуна было хорошее настроение. Последний оплот неповиновения в Бирме был сломен, страна объединена.

И вот стоят перед ним двое: братоубийца, принц Таунгу, и феринджи, Маун Зинга, осквернитель пагод.

— Просите милости, — сказал король. — И я дарую вам жизнь.

Наступило молчание. Сотни людей, собравшихся на площади, ждали ответа португальца и бирманского принца.

Первым ответил принц.

— Ты можешь убить мое тело. Но покорить меня не сможешь. Мы братья с Маун Зингой. И я знаю, его ответ будет таким же.

Португалец молчал, гордо вскинув голову. Его мечта рухнула. Рухнуло дело его жизни. Да, он может вымолить жизнь у короля. И останется служить ему обесславленным и осмеянным. Уж лучше смерть...

— Последние годы мы жили одной жизнью, — продолжал принц. — Дай нам умереть одной смертью, брат.

Король нахмурился. Постоял немного перед пленниками, резко повернулся и ушел...

Говорят, де Бриту, распятый на громадном кресте, жил еще три дня. Значит, он видел португальскую эскадру, появившуюся у стен Сириама.

С флагманского корабля спустили шлюпку. На полпути к берегу ее встретила бирманская лодка. После нескольких слов, которыми обменялись сидевшие там, португальская шлюпка повернула к кораблю. А еще через некоторое время эскадра подняла якоря.

За маневрами ее внимательно следили пушки Сириама. Теперь уже бирманские пушки.

Анаупетлун предложил португальцам уйти с миром и не возвращаться больше в дельту Иравади.

Те ушли. Игра была проиграна.

Кроме де Бриту и князя Таунгу, Анаупетлун никого не казнил. Пленных португальцев поселили в деревнях на севере Бирмы, около города Шуэбо.

И по сей день эти деревни называются в Бирме деревнями феринджи. Там живут потомки властителей Сириама. Из мужчин этих деревень набирали артиллеристов в бирманскую царскую армию.

Часть четвертая **ОХОТНИКИ ЗА ДУШАМИ**

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ,

Где рассказывается о знатном баске по имени де Лойола и об ордене Иисуса, о неразделенной любви артиллериста, о ссоре губернатора и архиепископа, о штурме крепости Кудрата и о резне на Филиппинах

Братья обязаны немедленно, без оговорок и оттяжек, выполнить любой приказ Его Святейшества, направленный к распространению веры, независимо от того, пошлет ли он их к туркам, в Новый Свет, к лютеранам или куда бы то ни было — к еретикам или католикам

Из устава ордена иезуитов

Офицер Иньиго де Лойола был баск по национальности и притом благородного происхождения. Он был глубоко религиозен. Впрочем, это не удивительно, ибо в Испании XVI века трудно было найти нерелигиозного человека, тем более дворянина. Был он фанатичен, что тоже не удивительно, ибо Испания, оплетенная густой сетью монастырей и соборов, задавленная инквизицией, привыкшая к многочисленным и страшным аутодафе, видала в те времена немало фанатиков.

Но де Лойола отличался от других тем, что был мыслящим фанатиком — явление не столь уж частое и весьма опасное. Он разделял идеи того круга людей, которые видели большую опасность в коррупции, разъедавшей католическую церковь, в падении ее авторитета. Иньиго де Лойоле было тридцать лет, когда он оставил армию и решил посвятить себя спасению церкви. Он отправился в Париж, в университет, и погрузился там в изучение теологии. В годы учения он свел в стройную систему свои взгляды и сумел сплотить вокруг себя нескольких студентов, поверивших в его программу и в него самого.

А сводилась эта программа к следующему. Существует несколько католических орденов. Однако все они — францисканцы, доминиканцы, августинцы — выродились. Они занимаются своими мелкими проблемами, погрязли в интригах и жаждут обогащения. Эти ордена — не воители. Для того чтобы спасти католическую религию, нужен новый орден. Нужны сторожевые псы и солдаты, разведчики и палачи, уши и глаза, подчиненные непосредственно и только папе.

Теперь предстояли дела. С чего начать? Лойола и его последователи хотели было отправиться в Иерусалим поклониться гробу господню, но Иерусалим был занят турками, а потом, вряд ли путешествие туда могло кончиться благополучно.

Тогда студенты-богословы отправились в Рим и предложили свои услуги папе Павлу III. Предложение было встречено в Ватикане благожелательно. Папе не хватало надежных и исполнительных людей. И не прошло и нескольких месяцев, как все студенты были заняты в различных конгрегациях и отделах Ватикана.

Однажды Лойола собрал сподвижников и объяснил им, что их общее дело под угрозой. Пройдет еще год, два, одни из них уедут в дальние страны, другие продвинулись по служебной лестнице и забудут клятвы, которые давали друг другу в Париже. Настало время организационно оформить их союз. На том и порешили. Главой нового ордена, Союза Иисуса («Кампанья де Хесус»), избрали Игнация де Лойолу (он сменил имя). Орден подчинялся отныне только богу и папе.

Папа одобрил создание ордена и утвердил его в 1540 году.

Помимо укрепления религии в Европе иезуиты (так стали называть членов Союза Иисуса) поставили своей целью распространение католической религии во вновь открытых странах, дабы не пробрались туда конкуренты — лютеране, дабы искоренять заразу мусульманства и язычества. Иезуит должен без малейших колебаний выполнять любые приказы ордена и папы. Что бы там ни было, с какими бы опасностями ни столкнулся он в пути, иезуит должен идти вперед. «Цель оправдывает средства!» И иезуиты заработали себе широкую и зловещую славу, ибо в своей деятельности не останавливались ни перед какими средствами. Но иезуиты часто выходили из-под власти папы. Глава ордена был для них настоящим представителем бога на земле. Ради силы ордена, ради власти ордена, ради богатства ордена расходились по свету его верные слуги и солдаты.

Уже через год после образования ордена Иисуса первый миссионер его, Франсиск Ксавье, отправился проповедовать слово божье в Индию. За десять лет неутомимый иезуит основал целый пояс миссий и опорных пунктов ордена от Гоа до Японии. А в это время другие иезуиты отправляются в Абиссинию, Бразилию, на Молукки...

Когда в 1556 году Иньиго де Лойола умер, в ордене Иисуса было 1500 активных членов, работавших во всех уголках земного шара. Орден был превосходно организован, мог похвастать дисциплиной своих членов, а табель о рангах была четче и стройнее, нежели в любой армии. При европейских дворах иезуиты стали бичом королей. Они проникали во все тайны и умело использовали свои знания, как отмычки к любому сердцу. Выделялись они своей энергией среди других миссионеров и в странах Востока. И роль их далеко не ограничивалась обращением в христианство заблудших душ туземцев.

В 1580 году четыре иезуита — два монаха, один богослов и один светский член ордена — прибыли в Манилу, главный город островов, названных в честь наследника престола и будущего короля Филиппинскими.

Здесь уже действовали августинцы, первыми попавшие в Манилу, и прибывшие им на помощь францисканцы и доминиканцы. К началу XVII века на Филиппинах было четыреста миссионеров. Иезуитов было меньше других — они опоздали, и самые выгодные и безопасные места были расхвачены конкурентами. Что это значило для Филиппин, можно понять из следующих сухих цифр, которые приводил капитан Себастьян Бискайно в письме другу (письмо было перехвачено англичанами и опубликовано): «За последние двадцать лет на острова приехало четырнадцать тысяч испанцев. Живы из них только тысяча. Остальные тринадцать тысяч умерли от болезней, погибли в сражениях или по другим причинам».

Другими словами, одновременно на Филиппинах жило не более двух тысяч испанцев. А это значит, что каждый пятый испанец на Филиппинах был миссионером. Остальные четыре — солдаты, чиновники и торговцы. Селились они в шести основных городах, вернее, вокруг шести основных крепостей, построенных испанцами.

Четыреста миссионеров — значит, на островах было столько служителей разных орденов, что им пришлось поделить Филиппины и Острова Пряностей на сферы влияния. Манила оставалась нейтральной территорией, но за пределами ее начинались владения августинцев, францисканцев, доминиканцев. Иезуитам пришлось основывать миссии на дальних небольших островах. Иезуитов это не устраивало. И хотя они прибыли, чтобы вести пропаганду веры в самых диких местах, штаб их оставался в Маниле. Отсюда они и старались подчинять гражданские власти своей воле и убеждать их избирать те пути,

которые были выгодны иезуитам (хотя порой невыгодны их собратьям из других орденов).

Деятельность иезуитов на Филиппинах была многогранна и сложна. Можно было бы рассказать и о похождениях Алонсо Санчеса, добравшегося до Китая, об интригах и приключениях иезуита Антонио Седеньо, о первой войне с моро³², о сражениях с китайскими пиратами и о покорении дальних островов. И трудно решить, какое из событий наиболее характерно для тех лет, в каком из них наиболее ярко проявляется роль иезуитов, методы их действий.

Поэтому мы предлагаем сделать вот что. Откроем книгу истории на одной из произвольно выбранных страниц и последуем за жизнью города Манилы и людей, которые вершат ее судьбы, в течение двух-трех лет.

Событий в те годы было немало. Каждый год что-нибудь да случалось. То нападут воинственные моро, то начнется поход на Минданао³³, то покажутся враждебные паруса голландцев.

А вот эти паруса. Белые паруса большого галиона, входящего в Манильскую бухту. Чьи они? Враг или друг пожаловал на Филиппины? По тому, как засуетились пушкари в береговом форте, можно подумать, что враг... Белым облачком взлетает дым над фортом, потом до корабля долетают гулкие хлопки выстрелов. Один, два, три...

Ответные выстрелы с корабля...

Но не уходят люди с набережной. Женщины машут платками. Идальго, надев лучшие камзолы, садятся в лодки, которые отчаливают навстречу талиону.

Нет, это не бой подкатился к стенам Манилы. Это салют.

В июне 1635 года на Филиппины прибыл дон Себастьян Уртадо де Коркуэра, рыцарь ордена Алкантары, бывший губернатор Панамы, а отныне губернатор Филиппин, старый солдат, один из испанских конкистадоров-ветеранов.

Снимите шляпы, благородные идальго и уважаемые коммерсанты, склоните головы, отцы-миссионеры: на берег Филиппин сходит герой нашего повествования. За ним следует его исповедник, отец Хуанде Барриос, не последний среди иезуитов. Лицо доверенное и имеющее власть.

Манила давно ждала нового губернатора. Кто он? Как поведет себя? Что принесут годы его правления?

Губернатор худ, смугл и суров. Он здоровается с представителями власти, с офицерами, целует руку архиепископу августинцу Эрнеро, и следует в свой дворец.

Карета губернатора не спеша движется по улицам великолепной Манилы. Мало городов Азии могут сравниться с ней богатством и роскошью. Каменные соборы, каменные дома... Шестьсот каменных особняков построено за последние годы в Маниле испанцами; каждый орден может похвастаться церковью. Кого только нет на улицах этого города — испанцы, филиппинцы, китайцы, индийцы, малайцы, сиаменцы, японцы, даже негры-рабы, которых приобретают богатые испанцы. Китайцы селятся в пригороде. Испанцы не разрешают им селиться в стенах города. Только несколько десятков торговцев имеют на это право. Китайских ремесленников, кули, лавочников, прачек в пригороде около семи тысяч.

Правда, не все так благополучно, как кажется с первого взгляда. Сильные конкуренты — голландцы хозяйничают на Молукках и частенько перехватывают испанские галионы. Португальцы не в силах им препятствовать, и голландцы уже добрались до рынков Китая и Японии. Да и под боком находятся непокоренные и мстительные моро и другие племена Филиппин. Султаны Холо, Минданао и других островов так и не покорились испанскому оружию. Каждую минуту можно ждать нападения с моря. Ходят слухи, что малайский флот с сотнями турецких пушек находится неподалеку. И даже

³² Моро (исп.) — название, данное испанцами мусульманскому населению южных островов Филиппинского архипелага.

³³ Минданао — второй по величине после Лусона остров Филиппинского архипелага.

если это только слухи, все равно спокойнее не становится. Доминиканцы и августинцы требуют, чтобы армия защищала их миссии и устанавливала порядок на уже завоеванных островах. Иезуиты хотят новых завоеваний, новых территорий. Хотят утвердиться в селениях, все еще принадлежащих независимым раджам и султанам. Им удалось убедить предыдущего губернатора снарядить отряд и построить форт в устье Рио-Гранде и тем преградить путь подданным грозного султана Кудрата к морю, к испанским городам, поселениям и миссиям. Иезуиты надеются, что этот форт станет базой для дальнейших захватов. Но эти новые земли должны уже достаться им и только им, — не августинцам и прочим. А остальные миссионеры во главе с самим архиепископом терпеть не могут иезуитов и по мере сил стараются отговорить власти от войны с моро, которая им, августинцам, ничего не сулит, кроме опасности, — ведь оставшиеся без прикрытия миссии станут легкой добычей непокорных филиппинцев.

А за всем этим, за великолепием города, за борьбой в нем, стоит одна цель — деньги. Деньги, которые надо выкачивать из колонии. Деньги нужны королю Испании, чтобы пополнить вечно пустую казну, ибо расходы на содержание двора и армий выше, чем доходы, которые королевство получает с колоний. Деньги нужны благородным идалго и солдатам. Только из-за них они покинули Испанию и мрут как мухи от холеры, дизентерии и лихорадки. Деньги нужны архиепископу и августинцам, чтобы обогатиться самим и пополнить церковные кладовые. Деньги нужны иезуитам, ибо с деньгами приходит могущество. Деньги добываются из земли, захваченной у филиппинцев, руками этих же филиппинцев, деньги добываются в походах и в выгодных торговых сделках. Деньги, деньги, деньги...

Новый губернатор недолюбливал монахов. Он ничего не ждал от них на Филиппинах. Вечно они путаются под ногами, стараются навязать свою точку зрения и при каждой возможности пишут доносы, жалуются в инквизицию и самому королю. И губернатор знает: если они и тут будут ставить ему палки в колеса, ему, волей августейшего монарха приехавшему сюда с особыми полномочиями, дабы железной рукой навести порядок и обеспечить доходы казне, придется нелегко.

Иезуиты, самые дальновидные из всех монахов, обещают ему во всем помощь и поддержку. Ведь их планы совпадают с планами губернатора — им тоже нужны «овые земли и они тоже не хотят делить власть с другими орденами. Они еще в Панаме через доверенных лиц предложили губернатору союз, такой же, как был заключен с предыдущим правителем. Конечно, совершенно конфиденциально. А за это, тоже конфиденциально, губернатор обещает им в духовное владение все новые земли.

Архиепископ Манилы и всех Филиппин, Эрнеро, с самого начала опасавшийся этого, почувствовал, что наступают времена решительной борьбы за власть. Вопрос стоит ребром — кому быть настоящим хозяином в колонии.

Весь первый год проходит в столкновениях, казалось бы мелких и незначительных, между губернатором и архиепископом. То губернатору не понравится поведение настоятеля собора и он потребует отстранить его, а архиепископ вдруг откажет наотрез, то пьяный солдат, набедокуривший на улице, прячется от стражи в монастыре, где просит убежища. Монастырь предоставляет это убежище, подрывая этим дисциплину в гарнизоне, за которую борется новый губернатор.

Решающая битва между архиепископом и губернатором началась с пустяка. Год назад никто бы и внимания не обратил на такую безделицу. А тут...

Артиллерист Франсиско де Нава влюбился в свою рабыню. Рабыня была так красива, что вся Манила знала ее, и несколько знатных дам, приняв участие в ее судьбе, приглашали ее к себе в дома и учили ее манерам и грамоте. Даже поговаривали, что дамы собираются выкупить ее у артиллериста.

Но де Нава и думать об этом не хотел. Он требовал любви своей рабыни и даже решил жениться на ней, к вящему удовольствию городских сплетниц.

И в один прекрасный день артиллерист попросил руки и сердца у своей рабыни. Другая бы возрадовалась. А эта отказалась наотрез. Артиллерист попытался овладеть ею силой. Но рабыня вырвалась и добежала до дома одной из своих покровительниц.

Охи и ахи прокатились по всей Маниле. Их не было бы, не будь рабыня такой красавицей, а может, просто дамы хотели насолить спесивому артиллеристу. И дамы спрятали рабыню, поклявшись, что не отдадут ее этому извергу. Пусть об этом знает сам господин губернатор.

Губернатор, разумеется, с самого начала был в курсе событий. И не одобрял поведения де Навы. Этот роман с рабыней и слухи, которые в связи с этим разбегаются волнами по Маниле, — все это не способствовало поднятию дисциплины в войсках. Он хотел было уже вызвать к себе артиллериста и задать ему хорошую взбучку, как вся эта история вдруг приобрела трагический оборот.

Обезумевший от любви и оскорбленного самолюбия идадьго де Нава подстерег карету с дамами и своей рабыней, вскочил в нее на ходу и заколол девушку. Дамы упали в обморок, испуганный до смерти возница наехал на столб, и в общей сумятице де Нава, засовывая на ходу в ножны окровавленный кинжал, бросился бежать к воротам монастыря августинцев.

Двери монастыря поспешно отворились и впустили грешника. Через минуту де Нава уже стоял на коленях перед настоятелем монастыря и просил укрыть его. И не потому, что наказание за такой проступок было суровым — кто считал раба за человека? — но потому, что опасался гнева нового губернатора и хотел переждать несколько дней, пока вся эта история не забудется.

Вечером того же дня губернатор Филиппин нанес неожиданный визит архиепископу. Он потребовал немедленной выдачи артиллериста. Архиепископ ответил не сразу. Казалось, слова губернатора не произвели на него особого впечатления. Только пальцы, слишком быстро перебиравшие четки, выдавали его волнение. В тиши комнаты, из высоких узких окон которой открывался вид на шумную Манильскую бухту, разгорелось решительное сражение. По всем законам войны, с жертвами, ранеными и пленными. Губернатор продолжал наступление. Он обвинял архиепископа в том, что тот подрывает дисциплину в армии, создает нетерпимую обстановку и докатился в своем упрямстве до того, что укрыл в монастыре (кому не ясно, что августинец-настоятель никогда не открыл бы дверей, если бы не знал заранее, что архиепископ одобрит его действия?) убийцу. Разве этому должна учить церковь?

Архиепископ негромко и чуть задумчиво начал говорить о праве церкви укрывать грешников, время от времени на память цитируя Фому Аквинского.

Ни тот, ни другой собеседник не думал об артиллеристе, который в этот момент отбивал поклоны перед распятием, ибо настоятель предписал ему покаяние. Если бы архиепископ отступил сейчас, с ним отступила бы церковь. Сам артиллерист был совершенно ни при чем.

Губернатор ни с чем покинул дом главы церкви. Но, хотя атака была отбита, он не собирался отступать. Сражение только начиналось. Во дворце его ждали иезуиты — представитель ордена на Филиппинах Луис де Педрара и духовник губернатора. Губернатор незамедлительно принял их. Через час на совет были призваны верные офицеры гарнизона.

Архиепископ тоже не терял времени даром. К его дому съезжались и сходились настоятели монастырей и представители других орденов. В бой вступали новые силы.

Рассвет следующего дня стал свидетелем невиданного на Филиппинах сражения. К вящему удовольствию язычников, начался штурм августинского монастыря. Солдаты, в латах, с мушкетами взламывали толстую дверь. Дверь рухнула, солдаты ворвались внутрь. После непродолжительной свалки солдаты показались вновь, таща отчаянно отбивающегося артиллериста.

Еще через день военный трибунал приговорил убийцу к виселице. В трибунале председательствовал сам губернатор. Он в короткой речи доказал членам трибунала, что дело вовсе не в этом артиллеристе. И тем более не в несчастной рабыне. Пока солдаты и офицеры гарнизона могут убивать на улицах города, нельзя надеяться на порядок, на дисциплину. О монахах он не сказал ни слова.

Франсиско де Нава кончил свою короткую непутевую жизнь на виселице. Исповедал и причащал его иезуит, ибо никто из членов других орденов не соизволил почтить казнь своим присутствием.

В это время архиепископ уговаривал монахов и представителей орденов пойти на крайний шаг — ввести интердикт. Почти все склонялись к такой мере. Только иезуит Луис де Педрара категорически возражал. Не нужно церкви вмешиваться в дела губернатора. Он готовится к новым походам, и армия должна быть послушной.

Но нужны ли нам сейчас новые походы? Это только обострит обстановку на островах. Походы всегда нужны короне, отвечал иезуит.

Архиепископ решил вырвать с корнем измену. Он обратился к инквизитору Филиппин с жалобой «а неподчинение иезуитов. Инквизитор поддержал архиепископа.

Тогда уже сам губернатор, которого, казалось бы, не касались внутрицерковные дела, потребовал, чтобы архиепископ оставил иезуитов в покое. Этого архиепископ вынести не смог. Он немедленно пригрозил интердиктом. Губернатор приказал ему замолчать.

Архиепископ заявил, что интердикт вступает в силу с завтрашнего дня.

Губернатор снова заперся с иезуитами и верными офицерами. Решено было арестовать архиепископа — случай беспрецедентный и устрашающий. Запыхавшийся секретарь губернатора, который все совещание просидел под дверью, вбежал в дом архиепископа и с порога крикнул, что к дому приближается отряд, чтобы арестовать главу церкви.

С поспешностью, удивительной для его преклонных лет и жаркого климата Филиппин, архиепископ сбежал вниз по ступенькам и бросился через площадь к собору. За ним бежали возбужденные неслыханной новостью монахи. В соборе архиепископ бросился к алтарю, схватил дароносицу и прижал к груди.

В этот момент полуоткрытые двери собора распахнулись, пропуская отряд солдат.

— Именем короля вы арестованы! — сказал офицер.

Монахи расступились, и старец, прижимая к груди дароносицу, сделал несколько шагов вперед. Он улыбался. Кто осмелится прикоснуться к нему, держащему в руках святыню?

Солдаты в нерешительности остановились. Они были испуганы. Перед ними стоял архиепископ, представитель бога на земле, воплощение высшей власти, и белая борода его струилась по позолоченной крышке дароносицы.

— Ну же! — крикнул офицер и толкнул одного из солдат к архиепископу.

Монахи, увидев, что офицер не шутит, бросились на солдат, и в соборе началась нелепая, беспорядочная драка, в которой развевающиеся сутаны хлестали по латам, стучали каблуки по каменным плитам собора и проклятия солдат смешивались с вскриками разъяренных монахов.

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, все замерло: об пол тяжело ударилась выбитая из рук архиепископа дароносица. Ее нечаянно в пылу свалки вышиб из рук архиепископа солдат.

Невиданное кощунство! Несколько мгновений никто не смел двинуться с места, ожидая, что разверзнутся небеса и раздастся глас гнева.

Потом короткий крик, и на пол упал, обливаясь кровью, солдат, виновный в кощунстве. Он вспорол себе живот мечом.

И все сразу пришли в себя. Офицер направился к архиепископу, архиепископ быстро нагнулся и снова подхватил дароносицу... Офицер остановился.

Потом подозвал к себе солдата и велел ему бежать к губернатору и сообщить о событиях. Отряд остался в соборе.

Две группы — одна в латах, вторая в сутанах — стояли друг против друга над трупом самоубийцы. Два гонца почти одновременно достигли губернаторского дворца, где де Коркуэра с иезуитами ждал сообщений с «поля боя». Первый — из собора. Второй — с сообщением о том, что в городе вступило в силу распоряжение архиепископа: отныне в Маниле не будут ни отпевать, ни крестить, закроются церкви и двери монастырей... Пусть же Манила и ее губернатор останутся без бога. Священнослужители забастовали.

Ах, так! Губернатор не намерен уступать. Что ж, архиепископ пустил в ход свой последний резерв. Главное сейчас — не пасть духом и не допустить, чтобы перепуганные солдаты переметнулись на сторону церкви. За офицеров губернатор не беспокоился — они отлично понимали, за что ведется борьба, и цели губернатора были их целями.

— Отряду оставаться в церкви и ждать, пока архиепископ сам выронит от усталости дароносицу. Глаз с него не спускать ни на минуту! Он старик — долго не выдержит.

Старик дотянул до утра. С рассветом он пошатнулся, упал на руки подхвативших его монахов, а дароносицу взял один из августинцев. В ту же минуту усталый и обозленный офицер подошел к архиепископу и не особенно вежливо взял под локоть.

Так архиепископ филиппинский попал в плен к светским властям. Архиепископа вывезли на остров Коррехидор, у входа в Манильскую бухту. Город остался без бога. Не звонили колокола, не служились требы. И только в дни больших праздников открывались двери собора и временно введенный в должность губернатором иезуит служил мессу. На большее даже иезуиты не осмеливались. Неизвестно было, что скажет Мадрид.

Губернатор продолжал готовиться к походам, архиепископ продолжал сидеть под арестом на острове и распространять через монахов слухи по городу, что губернатор не кто иной, как посланец дьявола.

Наконец пришло письмо из Мадрида. Писал сам король.

Никогда еще ни один архиепископ не получал от христианнейшего из монархов такого разноса, как архиепископ Филиппин. Король грозил самыми строгими карами, если архиепископ не смирится и не уступит губернатору.

Королю были нужны деньги. Он ждал их от губернатора, а не от архиепископа.

Прибытие письма и победа губернатора (а вместе с ним и иезуитов) совпали с получением других известий. На этот раз не таких приятных.

Гарнизон прибрежной крепости упустил флот султана Кудрата, который под водительством его верного помощника Тагала вышел в открытое море, разгромил миссии «а берегах, захватил в плен монахов и обращенных в христианство филиппинцев, потопил несколько торговых джонок. В Маниле началась паника. Кудрат был непримиримым врагом испанцев. Не значит ли эта вылазка, что Кудрат чувствует себя настолько сильным, чтобы начать войну за Филиппины?

Губернатор был в ярости. Он решил первым делом сменить гарнизон крепости. И послал туда своего духовника Барриоса и другого иезуита, Марчелло Мастрилли, личность по-своему замечательную и известную в Маниле.

Марчелло был рядовым иезуитом в Риме, ничем особенным не выделялся. Но надо же было так случиться, что на голову ему упала лестница да так сильно стукнула иезуита, что у того отнялся язык. Опасались, что иезуит умрет. Но как быть — он же не может исповедаться! Не божья ли это кара за неизвестные прегрешения? Возможно, такие прегрешения и были. Так или иначе, Мастрилли знаками попросил снять со стены портрет уже канонизированного и причисленного к лику иезуитского миссионера Франциска Ксавье и положить рядом с ним. По тому, как шевелились губы иезуита, по тому, как обращал он свой взор к портрету, всем стало ясно, что он дает обет в случае

выздоровления отправиться по следам святого Ксавье... И случилось так, что иезуит поправился и через несколько дней заговорил.

В Ватикане протрубили о новом чуде. Иезуиту ничего другого не оставалось, как выполнить обет. И он отправился в Японию. По дороге корабль затонул, и пассажиры выбрались на берег Филиппин. Появление в Маниле человека, исцеленного таким чудесным образом, произвело сенсацию. Все хотели познакомиться с ним. Иезуита наперебой приглашали в лучшие дома. Так он и застрял в гостеприимном городе, не торопясь отплывать в Японию, где так легко кончить жизнь заурядным мучеником.

И вот для укрепления духа гарнизона глава иезуитов предложил послать миссионера в крепость. Мастрилли же рассудил, что этот подвиг менее опасен, чем путешествие в Японию, и поехал в крепость вместе с подкреплением и новыми офицерами. Старых офицеров, как не справившихся с обязанностями, а заодно и старых капелланов-августинцев отправили обратно.

Флот Кудрата, возвращавшийся из набега, попал в засаду, устроенную испанцами (на этот раз гарнизон был начеку), и был почти весь уничтожен.

Это была неплохая новость для губернатора. Можно было начинать поход.

В феврале 1637 года из Манилы вышла флотилия, которой командовал сам губернатор. На кораблях более четырехсот вымуштрованных и отлично вооруженных испанских солдат, а также вспомогательные отряды союзников — покоренных князей. На берегу к ним присоединился местный испанский гарнизон.

В первом сражении Кудрат потерпел поражение и отступил к холмам, в свою горную крепость Магунданао.

Крепость Кудрата была трудным орешком. Губернатор знал это, но не жалел о том, что начал кампанию. Необходимо было проверить войска. Губернатор разделил армию на две части. Первую под началом командира гарнизона Гонсалеса отправил в обход холма, на котором находился Кудрат. Сам же решил наступать с фронта. По сигналу трубы оба отряда должны были броситься на штурм.

Подвел губернатора собственный отряд. Несколько солдат побежали вперед, не дождавшись сигнала. Губернатору пришлось раньше времени ввести в бой основные силы. Труба не помогла бы, потому что Гонсалес еще не завершил обходного маневра.

Штурм закончился неудачей. Больше того, Кудрат догадался, что в атаке принимали участие не все силы губернатора. А потому решил, что половина войск зашла к нему в тыл, откуда и надо ждать второго штурма. Посланные им разведчики подтвердили догадку. Два отряда стояли с двух сторон крепости.

И тут губернатор показал себя более опытным военачальником, нежели Кудрат. Он попытался поставить себя на место оборонявшегося султана и принять с его точки зрения наиболее правильное решение. Что оставалось делать Кудрату? Очевидно, разделить силы и половину их бросить к одной стене, половину — к другой, чтобы обеспечить защиту крепости против обоих отрядов.

Решив, что Кудрат будет действовать именно так, испанец втайне, лесом, отправил к Гонсалесу весь свой отряд, оставшись сам с небольшим заслоном.

Запела труба. Перебегая за кустами и создавая как можно больше шума, заслон губернатора двинулся на штурм не спеша, с таким расчетом, чтобы не очень приближаться к крепости.

В это время основные силы испанцев бросились на штурм с тыла. Несмотря на то что положение крепости Кудрата стало критическим, султан не решился снять с передних укреплений защитников. И весь бой половина его армии провела в бессмысленной перестрелке с несколькими испанцами, то есть в сражении не участвовала. Это и решило судьбу крепости. Через час испанцы ворвались внутрь.

Только Кудрату с несколькими спутниками удалось бежать.

Губернатор вошел в крепость через распахнутые ворота. И первое, что приказал, — повесить пленных. Надо было так запугать всех смутьянов, чтобы навсегда обеспечить их

покорность. Семьдесят два человека было повешено. Казнь руководили офицеры и иезуиты. На пути к морю испанцы сожгли семнадцать деревень и всех жителей увели в рабство.

С берега увидели флотилию из сорока галер. Это отцы иезуиты вели подкрепление — обращенных в христианство филиппинцев.

Перед тем как вернуться в Манилу, губернатор послал гонца к племяннику Кудрата, который правил одним из островков неподалеку. Он предложил племяннику власть над султанатом при условии, что тот выкажет покорность испанской короне и станет ее вассалом. Племянник, которому и не снилось такое возвышение, согласился на условия испанцев и спешно прибыл в свои новые владения. В мирном договоре был еще один пункт. Отныне души подданных нового султана переходят во владение иезуитов. И он обязан охранять миссионеров и не препятствовать им обращать в христианство всех моро.

Манила триумфом встречала победителей. По городу прошествовали отряды испанцев и «союзников». Перед губернатором шли несколькими рядами солдаты, которые волокли по пыли знамена Кудрата. У дома, центра иезуитов, губернатора ждал их глава Луис де Педрара. Он стоял под сооруженной иезуитами громадной триумфальной аркой. По его знаку оркестр заиграл специально сочиненный гимн, воспевающий губернатора,

Цены на рабов в Маниле резко упали.

И еще одно: на торжествах никто не видел архиепископа Филиппин. Тот не покидал своего дома и следил за всем сквозь узкие щели закрытых ставен. Внешне он смирился, отменил интердикт, не вмешивался открыто в дела губернатора. Но письма — письма он слал регулярно: великому инквизитору, папе римскому, главе ордена августинцев — всем.

Окружающие независимые княжества и султаны восприняли поход губернатора как предвестник других, более крупных походов. И расправа испанцев на Рио-Гранде скорее не запугала их, а заставила забыть на время всегда губившие их раздоры и объединиться.

Раджа острова Холо, управлявший всем архипелагом Сулу, стал во главе наспех сколоченного союза. Он обратился к владельцам соседних островов, к раджам Северного Калимантана, ко всем вождям моро: если сейчас не подняться всем вместе против испанцев, филиппинцы станут рабами белых дьяволов.

Узнал об этих военных приготовлениях и губернатор. Иезуиты, чья миссия еще держалась на Тернате, сообщали ему о повышенной активности на юге архипелага. О том же писали из гарнизона на Минданао.

И губернатор решил не терять времени даром. Он спешно собрал все бывшие под рукой силы — 600 испанцев и 3000 союзников. Подготовил 80 кораблей. Отряды прошли по Маниле, еще не убранной после торжеств. Ветер нес по улицам сухие пальмовые ветви и щепки триумфальной арки, разнесенной штормом. На флагманский корабль поднялись пять иезуитов. Только их допустили к участию в экспедиции.

Расчет губернатора оправдался. Подкрепления еще не успели собраться. Раджа Холо не ожидал, что испанцы, только что вернувшиеся с Минданао, сразу бросятся на его остров.

Губернатор победил. Радже пришлось отступить. Почти все население острова было увезено в Манилу и продано в рабство. В казну поступило более двадцати тысяч песо. А когда продали рабов, то оказалось — экспедиция доходнее любой другой, что проходили за последние полсотни лет.

Губернатора ждал в Маниле второй триумф: иезуиты поселились в новой крепости на острове Холо и прибрали к рукам архипелаг Сулу, а архиепископ написал жалобу королю на то, что губернатор продавал рабов своим солдатам по 150 песо за голову, пользуясь служебным положением, тогда как на рынке цена раба не больше 60—70 песо. Ответа на жалобу не последовало. Король был доволен действиями губернатора.

В городе мальчишки играли в войну с Сулу и с Кудратом. Один из иезуитов смотрел, как ребяташки из его школы, в которой готовили будущих верных католиков, устроили такой бой. Но, к удивлению его, Кудрат, вернее, тот парнишка, который изображал Кудрата, отказался бежать, как полагалось по ходу игры. Он продолжал отбиваться кулаками от «испанцев». Иезуит велел наказать непослушного мальчишку. Кудрат должен бежать, иначе в головы будущих верных католиков могут вкрасься опасные мысли.

Второй триумф был скомкан. И виной тому были китайцы, которых много жило на Филиппинах. Они были и торговцами, и ремесленниками, и крестьянами.

Основную массу китайцев, числом более трех тысяч семей, испанцы переселили из Манилы в безлюдную часть Лусона, посадили на землю и приказали разводить рис. Земли были бедные, и скудные урожаи риса не могли прокормить крестьян. А ведь китайские крестьяне еще обязаны были платить в год по 25 песо за аренду земли, на которую они были посажены. Испанец-комендант требовал не только ренты, но и по несколько песо с каждой семьи в свой карман, что было обычном делом. Но когда триста китайцев умерли от голода, а остальные ослабели настолько, что не могли уже выходить на поля, китайские крестьяне не выдержали и восстали. Они убили ненавистного коменданта, перебили охрану и через весь остров двинулись в поход на Манилу. Более трех тысяч крестьян с женщинами и детьми надвигались на столицу Филиппин.

А случилось это как раз после возвращения губернатора из удачного похода на Холо.

Да, триумф был скомкан, а губернатор разъярен. Неожиданный бунт, казалось бы, вполне покорных китайцев грозил разрушить стройное здание колонии, созданное его руками, давал козыри в руки архиепископу, который как раз и надеялся на неприятности в колонии. Тогда он сможет с торжеством сообщить в Мадрид, что он был прав, а губернатор, направивший все усилия на захват новых островов, не заметил, что творится у него под боком.

Тем временем китайский отряд достиг иезуитской миссии, окруженной несколькими домиками обращенных в христианство филиппинцев. Иезуиты — отец Висенте и двое других, — а также их слуги забрались на крышу церкви, заперев двери в нее. Тогда китайцы подожгли церковь, и иезуиты вынуждены были спуститься вниз и отдаться на милость победителей. Китайцы не стали их убивать. Отца Висенте даже не связали.

Но эта задержка восставших у миссии дорого им обошлась.

Испанский отряд во главе с самим губернатором уже спешил к осажденной миссии.

Отряд испанцев насчитывал 700 пехотинцев и 100 кавалеристов. Соотношение сил было явно не в пользу невооруженных, неорганизованных, истощенных повстанцев.

Увидев испанцев, китайцы отступили к церкви и сбились на холме. Передние ряды оцетинились самодельными пиками.

— Сдавайтесь! — потребовал губернатор.

Китайцы понимали, что у них весьма мало шансов на победу. Они выслали к испанцам отца Висенте, чтобы тот выяснил условия капитуляции.

В этот момент по реке, в тыл китайцам, проникли испанские галеры с пушками. Они начали громить повстанцев, которые ничем не могли ответить им. Тогда повстанцы отправили к ним второго иезуита, чтобы тот попросил испанцев прекратить стрельбу, ибо идут переговоры и китайцы согласны сдать.

Как только иезуит отбежал от рядов китайцев на безопасное расстояние, он закричал своим:

— Стреляйте, бейте их! Они сейчас побегут! Не жалейте ядер! Вперед, отважные испанцы!

Соскакивая прямо в воду, испанцы бросились на китайцев. Услышав шум битвы, губернатор прервал переговоры и отдал приказ кавалеристам рубить повстанцев.

Китайцы бросились бежать. Более шестисот человек осталось на поле боя. Потери испанцев были ничтожны. Примерно полторы тысячи китайцев разорвали кольцо испанских войск и ушли на юг, в обход Манилы. Остальные разошлись по домам.

Вернувшись в Манилу, губернатор решил раз и навсегда покончить с китайцами. И это надо было понимать буквально. На совещании решено — перебить всех китайцев на Филиппинах.

Губернатор не боялся сопротивления китайцев — нет, сопротивления не должно было быть, ибо жертвы испанцев не подозревали о готовящейся варфоломеевской ночи и занимались своими делами: торговали, пахали землю, стирали, плотничали... Только где-то на холмах острова скрывались еще последние остатки восставших крестьян.

Интересно, что архиепископ Филиппин, всегда и во всем противостоявший губернатору, на этот раз и слова не сказал против этого решения. Китайцы были цветными, людьми второго сорта, а когда они становятся опасными, то с ними надо обращаться, как с вредными грызунами, — истреблять. Такой же точки зрения придерживались и иезуиты. По крайней мере «нет никаких свидетельств о том, что они возражали против избиения».

Кампания по уничтожению китайцев началась с Манилы. Во-первых, здесь было мало китайцев, а во-вторых, они были зажиточными и добро их переходило короне и тем, кто исполнял волю короны.

Офицеры шли от дома к дому. Входили в дом и методично истребляли всех его обитателей, от стариков до грудных детей. Уничтожали и принявших христианство. Тех, кто сочувствовал повстанцам, и тех, кто о них и слышать не хотел.

Когда избиение перекинулось на китайский пригород Манилы, дело уже пошло не так гладко. Крики жертв, доносившиеся из города, насторожили ремесленников пригорода. Там солдаты губернатора встретили первое сопротивление. Пригород загорелся. Схватки перекатывались по улочкам его, и темные фигуры ныряли в клубы дыма.

Тем временем приказ избивать китайцев достиг других провинций и островов Филиппин. Испанцы со всем усердием принялись выполнять приказ.

На морском посту в Кавите было убито 1100 человек. Капитан, командир поста, загнал китайцев в городской магистрат, и оттуда их выводили по десять человек к плахе. Но большая часть китайцев все же вырвалась из здания. Капитан предусмотрел такую возможность. Здание было охвачено полукольцом солдат с мечами наготове. Никто не ушел живым.

Каждый из командиров крепостей имел возможность сам выбрать метод умерщвления беззащитных китайцев. К марту было убито на Филиппинах более 22000 китайцев.

Шести тысячам оставшихся в живых китайцев объявили милость и прощение. Их разделили на христиан и язычников. Христиан поселили рядом с Манилой и отдали под власть и наблюдение иезуитам. Из этой части китайцев должны были набираться мастерские и лавочники. И иезуитам дано было решать, кто из подчиненных подходит для этого.

«Язычников» передали ордену доминиканцев. Это было не так уж приятно последним, но что поделаешь — все-таки можно кое-что и с них взять. Около четырех тысяч китайцев загнали за высокую ограду возле доминиканского монастыря. Там и должны были они рабами трудиться на благо Короны. Доминиканцам отводилась роль надсмотрщиков. Губернатор не мог простить им того, что они поддерживали архиепископа...

Можно было бы продолжить наш рассказ о жизни губернатора Филиппин, о его новых походах, о вражде с архиепископом, о том, как вновь восстали покоренные острова...

Испания еще долго продержится на этих островах. И с каждым годом все больше будет подниматься колоколен и миссионерских крестов над Филиппинским архипелагом. Ибо покорителям, чтобы держать в повиновении тела рабов, нужны были их души.

И вслед за солдатами, рядом с солдатами, а иногда и раньше солдат всегда появлялись скромные на вид, немногословные люди в сутанах. Миссионеры ордена Иисуса — иезуиты.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ,

Где речь пойдет о безработных монахах, о проповеди, которая состоялась случайно, о том, как миссионера изгнали из Кохинхины, о друге-заговорщике и о необычном докладе на Конгрегации пропаганды веры

*Эту землю надо захватить, тогда все европейские торговцы найдут здесь
источники прибыли и товары.*

Из донесения миссионера де Рода, 1621 год

В 1614 году ордену Иисуса, развернувшему свою деятельность в Японии, был нанесен страшный удар. Сёгун³⁴ издал закон, запрещавший его подданным исповедовать католическую религию, и приказал миссионерам покинуть страну, жестоко расправившись с теми из них, кто продолжал «охоту за душами неверных». Несколько монахов с фанатической радостью надели на себя мученический венец, большинство же благоразумно уехали из Японии и вернулись в Макао — центр португальской миссионерской деятельности на Дальнем Востоке. Десятки безработных монахов наводнили город, и португальские власти уже начали всерьез подумывать о прекращении выплаты жалованья из казны тем из «святых отцов», кто в ближайшее время не сумеет найти себе подобающего занятия. Наиболее предприимчивые и наименее щепетильные представители монашеской братии устремились в торговые предприятия к берегам Явы, Сиамы, Малайи и вскоре снискали себе славу самых пронырливых и алчных предпринимателей среди всех европейцев. Другие изыскивали новые сферы приложения религиозного энтузиазма. Все чаще взоры иезуитов обращались к Вьетнаму, где были расположены известные своим богатством княжества Нгюенов и Чиней³⁵.

Побывавшие в Тханглаунге и Фай-фо³⁶ португальские купцы не жалели красок для описания этих городов. Тханглаунг они сравнивали с Венецией, причем не в пользу последней. Кохинхину³⁷ называли страной золота и шелка, сулящей несметные прибыли всем, кто бросит якорь в ее водах. Полные трюмы кораблей служили наглядным подтверждением их слов.

Оставалось одно «но» — и на этот счет торговцы не могли сказать миссионерам ничего определенного: насколько можно рассчитывать на успех в обращении местных жителей в христианство. Когда-то подобные попытки здесь окончились неудачей. В Макао доживает свой век августинец Игнас Барбоша, которого лет тридцать назад занесло в Тонкий, где он, не зная языка и обычаев, пытался применить «наглядный метод» обуче-

³⁴ Сёгун — титул правителей Японии. Здесь речь идет о сегуне Хидэтада из династии Токугава (1605—1623).

³⁵ К середине XVI века династия Ле почти полностью утратила контроль над Вьетнамом. Власть перешла к феодальным домам (Маки, Нгюены, Чини), разделившим между собой страну. К концу XVI века власть во Вьетнаме захватили Нгюены и Чини. Нгюены создали государство со столицей Фусуан (Хюэ) на территории современного Центрального и Южного Вьетнама, а под властью Чиней оказался современный Северный Вьетнам со столицей Тханг-лаунг (Ханой).

³⁶ Фай-фо — торговый порт во владениях Нгюенов.

³⁷ Кохинхина — португальское название Южного Вьетнама, находившегося под властью Нгюенов.

ния истинной вере. Он показывал вьетнамцам распятие и другие символы христианского учения, а для вящей убедительности разбил несколько изображений Будды в одном из храмов. За свое рвение монах был вознагражден побоями, а затем его изгнали из Тханглаунга. Пример этот был малообнадеживающим.

Правда, с тех пор времена сильно изменились. Иезуиты уже не разрешают себе столь грубых способов агитации инаковерующих. В ордене немало людей высокообразованных, знающих восточные языки и многие науки, обеспечивающие им уважение при дворах азиатских монархов. Инструкции предписывают им терпимость в отношении «языческих» обрядов во избежание конфликтов с населением. Короче, накопленный опыт работы позволял им надеяться на лучший прием во Вьетнаме, чем тот, который был оказан их злополучному предшественнику из ордена святого Августина. Поэтому в 1615 году на португальском корабле, взявшем курс на Кохинхину, отправились шесть иезуитов во главе с неаполитанцем Франческо Бузоми...

Когда Александр де Род в 1624 году прибыл в Кохинхину, он застал там уже действующую католическую миссию. Кто такой этот де Род и почему он оказывается в центре нашего повествования? Рядовой иезуит-француз на службе португальского короля, ибо только португальской короне принадлежит дарованное в 1493 году папами монопольное право вершить все светские и церковные дела в землях к востоку от мыса Доброй Надежды.

4 апреля 1619 года, после семи лет послушничества в ордене, Александр де Род взошел на борт корабля «Санта Тереза», «плавучего монастыря», совершавшего регулярные рейсы между Лиссабоном и Индией. Он полон религиозного рвения, этот высокий двадцативосьмилетний монах. Ничто не может умерить его пыл. Даже унижительные проверки, которые светские и церковные власти Лиссабона устраивали всем священникам-непортугальцам, не смогли вывести его из равновесия. Позднее, в Гоа, где его продержат два с половиной года, периодически допрашивая в инквизиции, он поймет, что все, кто носят сутану, равны перед богом, но не перед португальским архиепископом.

В Гоа де Род не теряет времени даром. Он изучает хинди, китайский, продолжает начатые еще в колледже занятия математикой. Однако сердце зовет его дальше на восток, где он наконец получит возможность нести погрязшим в грехе и заблуждении туземцам истинное учение Христа.

И вот назначение получено. Де Род следует в Малакку, затем в Макао, а оттуда в Кохинхину, где мы и застаем его. Вот он сидит и, теребя бороду, слушает маленького вьетнамца, недавно принявшего христианство и окрещенного Рафаэлем. Всего четыре месяца длятся их занятия, а де Род уже освоил нелегкий язык настолько, что теперь способен принимать исповедь у своей вьетнамской паствы. Впрочем, эта паства отнюдь не многочисленна. Остальные члены миссии не обнаружили дара к овладению вьетнамским языком и вынуждены читать проповеди с помощью переводчиков, что ни в малейшей степени не способствует их популярности. Поэтому они все больше ограничивают свою деятельность японскими и китайскими торговцами, составляющими значительную прослойку среди населения Фай-фо, а заодно служат посредниками в торговле с заходящими сюда два в год португальскими кораблями, наживая на этом немалые барыши. Не то де Род. Он неутомим в своем стремлении достичь прямого контакта с аудиторией и с упорством вникает в законы певучего языка вьетнамцев. Коммерческая же деятельность его португальских коллег вызывает в нем только раздражение.

Первая проповедь де Рода, самостоятельно произнесенная им на местном языке, состоялась несколько неожиданно даже для него самого. В этот день миссионеры отправились в гавань встретить прибывший в Фай-фо из Макао португальский корабль. Радостная встреча. Молебен по случаю счастливого прибытия. Расспросы. А затем начинается разгрузка корабля. Вокруг собирается толпа любопытных, жаждущих

посмотреть на не столь еще частых в этих краях европейских купцов и их диковинные товары. И вдруг у борта появляется де Род и, обращаясь к шныряющему вокруг гомонящему люду, говорит, что самый драгоценный товар, который есть у европейцев, — это не то, что свалено здесь в тюках и кадушках, и отдается он не за деньги, а даром, за веру; товар этот — истинный закон, истинный путь к счастью. Толпа притихла. Фигура европейца в сутане, уверенно вешающего на здешнем наречии, привлекла всеобщее внимание. Жители Фай-фо видывали разных проповедников — конфуцианцев, буддистов, даосов, но сегодняшнее зрелище, пожалуй, самое необычное из всех, что им приходилось видеть.

Де Род стал потом одним из самых знаменитых проповедников среди миссионеров Дальнего Востока, но до самой смерти он считал эту импровизированную проповедь лучшей своей проповедью. Он рассказал собравшимся о бессмертии души и о прелестях загробной жизни, о боге — судьбе и заступнике и о божественном откровении, заключенном в священном писании. Наблюдавшие с корабля португальцы могли только по реакции слушателей судить, о чем повествовал святой отец, но одно было ясно — проповедь имеет успех. Когда де Род закончил речь призывом принимать крещение, к его руке подошло сразу десять вьетнамцев. Среди них оказался даже один буддийский монах в оранжевой тоге, ставший затем одним из самых ревностных подвижников католической веры.

В последовавшие за этим событием месяцы дела миссии резко улучшились. Талант де Рода-проповедника нашел благоприятный отклик особенно среди портовых торговцев, заинтересованных не столько в постижении таинств новой веры, сколько в установлении более тесных контактов с европейцами, и ремесленников, давно питавших неприязнь к премудростям конфуцианства — религии ненавистных мандаринов. Число обращенных достигло трехсот человек. Правда, среди них попадались разные люди... Крестился, например, староста окрестной деревни и тут же отдал дочь в гарем князю Шай-Вьюнгу³⁸, не устояв перед соблазном стать монаршим «родственником» со всеми вытекающими из этого выгодами. Де Род подумал было о его публичном отлучении, а потом махнул рукой и ограничился небольшой проповедью о богопротивности многоженства.

Вскоре, устранившись от растущей популярности католического миссионера, зашевелились священнослужители местных религий. На проповеди де Рода стали приходить какие-то люди, мешавшие расспросами и выкриками. Один раз де Роду пришлось вступить в ученый диспут с мандарином-конфуцианцем, и он обрушил на голову китайского вероучителя все свое красноречие. «К сожалению, ваш святой, — сказал он, — своим учением о создателе и своим отказом признать существование в человеке бессмертной души неизбежно толкает к безбожию и открывает дверь всяческим порокам, оставляя лишь видимость, лишь смутную тень добродетели». Чтобы придать больше веса своим доводам, монах привел в пример неблаголепные деяния местных мандаринов, и это расположило в его пользу всех бывших свидетелями спора простолюдинов.

При дворе Нгюенов уже давно с подозрением присматривались к деятельности португальской католической миссии. Пока ее активность распространялась только на иностранный квартал в Фай-фо, правитель Хюэ не вмешивался в происходящее. Однако вскоре до столицы стали доходить тревожные слухи о быстром распространении христианства среди вьетнамцев. Шай-Вьюнгу нашептывали, что португальские монахи заставляют вьетнамцев присягать изображению короля Португалии и что, как только число христиан достаточно возрастет, будет дан сигнал к восстанию, с тем чтобы присоединить княжество Нгюенов к владениям португальской короны. Последнее выступление «бородача, говорящего по-вьетнамски», действительно смахивало на политическую агитацию. Поэтому Шай-Вьюнг счел необходимым принять меры. К тому

³⁸ Шай-Вьюнг (Нгюен Хук Нгюен) — правитель из династии Нгюенов (1613—1635).

же он был раздосадован тем, что не прибыл ожидавшийся в этом году португальский корабль с грузом пороха.

В Фай-фо был отправлен негласный указ учредить слежку за всеми, кто общается с отцами-католиками. К де Роду же в одно прекрасное утро явился мандарин и зачитал предписание правителя, в котором сообщалось, что, поскольку Португалия известна всем как захватчик чужих территорий и ее подданные славятся своими грабежами и бесчинствами, а миссионеры — заговорщики и подстрекатели беспорядков, де Роду надлежит покинуть пределы страны. Несмотря на общий характер обвинений, высылке подвергнулся один де Род. Видно, власти по достоинству оценили его таланты...

В Макао де Рода ожидал теплый прием. Португальские торговцы уже привезли сюда весть о его необычайном даре проповедника, а церковные власти Макао как раз подыскивали подходящего человека для посылки в Тонкин, в княжество Чиней, о благорасположении которых к христианскому учению докладывал только что вернувшийся оттуда итальянец-иезуит Бальдинотти. Де Род не раз долго беседовал с престарелым монахом, и в ходе этих бесед обнаружилось поразительное единство их взглядов. Оба они пришли к заключению, что для успеха миссионерской пропаганды нужно заручиться поддержкой государя. Оба считали, что слыть португальцем невыгодно, коль скоро эта нация успела так сильно себя скомпрометировать в глазах азиатских народов. Оба полагали, что обратить население в христианство невозможно с помощью одних европейских миссионеров, что нужно готовить проповедников и священников из местного населения. И самое основное — оба патера сходились на том, что португальская монополия на миссионерскую деятельность в Азии, ущемляя права других христианских государств, вредит делу распространения истинной веры среди язычников. Но об этом говорилось шепотом. Оба патера хорошо знали нравы святой инквизиции в Гоа.

В мае 1627 года Александр де Род и сопровождавший его отец Маркиш, сын португальца и японки, прибыли в тонкинский порт Кам-Фа, чтобы отсюда проследовать в столицу Чиней — Тханглаунг. На улицах города миссионерам сразу бросилось в глаза необычайное оживление и большое число солдат. Как раз в это время в порту находились флот Чиней и их стотысячная армия, готовые к отправке на войну с Нгюенами. Об этом миссионеры узнали только после того, как весь экипаж корабля и они сами были взяты под стражу на предмет выяснения того, нет ли среди них кохинхинских шпионов. Всех европейцев доставили пред лицо правителя Чинь Чанга, и князь потребовал от капитана клятвы в том, что его судно не будет заходить в Кохинхину, а пойдет прямо в Макао.

И тут красноречивый де Род взял быка за рога. В пространной речи, обращенной к князю, он не только поклялся именем, как он сказал, самого дорогого, что у него есть, — бога Иисуса Христа, но и поведал о гонениях, которым подвергся он в княжестве Нгюенов, что сразу расположило к нему Чинь Чанга. Моряки были отпущены на корабль, а де Роду князь предложил продолжить беседу. План де Рода и Бальдинотти удался блестяще. Иезуиту оставалось только закрепить первый успех и окончательно утвердиться при особе государя. И он сделал это довольно нехитрым способом. На свет божий были извлечены часы, и де Род торжественно преподнес их князю и объяснил принцип их действия. Чинь Чанг был в восторге. Дальше в ходе беседы выяснилось, что тонкинский властелин питает большую слабость к математике, а святой отец необычайно в ней силен. Поговорили о сферических поверхностях, о вычислении орбит движения планет. Расстались, как лучшие друзья, и де Род даже получил приглашение остаться жить при дворе Чинь Чанга.

На утро третьего дня князь устроил последний смотр своему войску, а затем процессия барок с князем и вельможами на борту двинулась по Каналу Бамбуков в столицу, и, покуда продолжалось путешествие, князь не расставался с де Родом. Они наслаждались обществом друг друга, слушая музыку и вычисляя даты затмений. Де Род между тем ни на минуту не забывал о своей главной цели. Князь, конечно, приятный собеседник, но де Род считал бы свое время потерянным, если бы ему не удалось

заручиться поддержкой Чинь Чанга в своей проповеднической деятельности. И он приступает к постепенной обработке князя.

Сразу же выясняется, что старик Бальдиотти несколько преувеличил интерес монарха к католическому вероучению. Ему, главе культа неба, незачем забивать свою голову религиозными идеями, рожденными на чужой почве. Пусть лучше его друг расскажет ему о логарифмах и решит несколько математических головоломок. Однако он не возражает против того, чтобы де Род выступил со своей проповедью перед придворными.

Де Рода можно справедливо назвать артистом своего дела. Когда он появился перед изысканным кружком вельмож, блистающих великолепными костюмами из фиолетового шелка, драгоценными украшениями и перламутром вееров, то заморозил слушателей своим пересказом библейских притчей и евангельских легенд, а когда дошел до мольбы готовящегося принять мученическую смерть Христа, слезы выступили на глазах придворных дам.

Вечером де Род и Маркиш подводили итоги. Желание принять крещение высказало 27 человек, в том числе сестра Чинь Чанга и ее сын — офицер княжеской гвардии.

Шаг за шагом, терпеливо и последовательно, иезуит проводил в жизнь свою программу. Первые успехи не только радовали, но и настораживали его. Католицизм стал почти придворной модой, а себя де Род чувствовал своего рода популярным комедиантом. Да и держался этот успех только на добром отношении к нему государя, и неизвестно, как бы повели себя все его почитатели, изменись это отношение. Нужно было выходить на широкий простор, и де Род спрашивает у Чинь Чанга разрешение на постройку церкви. 7 сентября 1627 года стук топоров и визг пил возвестили о том, что началось возведение первого в столице христианского храма.

Наплыв любопытствующих превзошел все ожидания священников. Они работали не покладая рук и все равно не могли удовлетворить всех желающих. Три службы утром, три службы в обед, два раза в неделю массовое крещение, по тридцать-сорок человек сразу, а вечерами — беседы с князем и проповеди-спектакли при дворе. К концу года число крещеных достигает 1200 человек. Пользуясь первым удобным случаем, де Род отправляет письмо в Макао с просьбой о присылке помощников. Одновременно он соблазняет португальские власти перспективой захвата княжества, хотя сам и не очень верит в возможности одряхлевшей Португалии.

Не дожидаясь ответа из Макао, де Род начинает из внушающих наибольшее доверие обращенных отбирать себе помощников, на плечи которых перекладывает вербовку новых христиан.

Лекарь Хуан, ювелир Бенто, корзинщик Пауло и восемь других вьетнамцев дают клятву посвятить церкви всю свою жизнь, соблюдать обет безбрачия, не иметь собственности и беспрекословно слушаться священников-иезуитов, прибывающих в их страну.

Теперь деятельность патера все более начинает походить на организацию заговора. Далеко за полночь светятся окна его дома. Сбившись в кружок вокруг де Рода, будущие проповедники-вьетнамцы усваивают начала веры. Затем они на многие месяцы исчезают из столицы, чтобы искать приверженцев в далеких деревнях.

Между тем появились первые тревожные симптомы смуты, вызываемой деятельностью католиков. Хотя де Род и соблюдал осторожность и смотрел сквозь пальцы и а многие «языческие» обычаи, которым продолжали следовать свежее испеченные христиане, в том числе на многоженство, кое-кто из наиболее ревностных поборников новой веры распустил свои гаремы, и оставшиеся не у дел женщины подняли страшный шум. Паника докатилась и до княжеского гарема. Евнухи, а они играли при дворе князя первостепенную роль и пользовались его исключительным доверием, ловко воспользовались ситуацией, чтобы попытаться разделаться с опасным конкурентом, не только нарушившим их монопольное право выступать в роли советников правителя, но и

угрожавшим вообще оставить их без работы. Они всячески разжигали недовольство княжеских наложниц. И как-то под вечер расположившийся было на отдых де Род вдруг услышал шаги на ступеньках своего дома и, выглянув в окно, увидел стоящего у двери евнуха. С ядовитой усмешкой тот протянул навстречу вышедшему де Роду свиток с княжеской печатью. Письмо гласило: «Что это за закон, отцы, вы распространяете в моем государстве? Вы предписываете моим подданным, чтобы они брали одну жену, я же хочу, чтобы у них было по несколько жен, с тем чтобы у них было больше детей, из которых вырастут верные мне подданные...». Тон письма был настолько неожиданно резким, что де Род не поверил в подлинность послания. Однако когда он явился на очередную беседу с Чинь Чангом, князь не допустил его до своей особы. Священнику было предложено сесть в другом конце зала, и весь разговор велся через евнуха, сновавшего взад-вперед и передававшего де Роду вопросы князя и князю его ответы. Де Род понял, что дело плохо.

Действительно, новые печальные для миссии де Рода события не заставили себя ждать. С юга пришла мрачная весть о том, что армия Нгюенов в крупном сражении победила тонкинское войско и заняла провинцию Ха-тинь. По слухам, особенно усиленно распространяемым знахарями и буддийскими монахами, виновником разгрома был племянник Чинь Чанга, обращенный в христианство офицер княжеской гвардии, отряд которого пустился в бегство, не выдержав огня вражеских пушек. И как назло в день, когда Чинь Чанг отдал приказ произвести траурный салют в честь павших, разорвало пушку, и виной тому опять был принявший католичество канонир. Весь город пришел в волнение. Требовали расправы над христианами. Де Род явился во дворец и потребовал у Чинь Чанга защиты. Чинь Чанг встретил его мрачно и объявил, что он может гарантировать миссионерам безопасность только ценой запрещения своим подданным принимать католичество.

На следующий день глашатаи князя прошли по улицам и площадям столицы, зачитывая следующий указ:

«Хотя нам, властелину Тонкина, хорошо известно, что европейские священники, живущие при нашем дворе, до сих пор не внушали нашему народу никаких дурных или вредных идей, тем не менее мы не знаем, что они сделают в будущем или что они замышляют в настоящем, и посему отныне запрещаем всем нашим подданным под страхом смертной казни слушать проповедуемый ими закон и следовать ему».

Вечером того же дня де Род собрал своих помощников на совещание. Обстоятельства вынуждали переходить на нелегальное положение, и иезуит тщательно разработал конспиративный план. Он разбил Тхангла-унг на шесть округов и отдал каждый в ведение одного из своих помощников, приказав найти места для тайных сходок. В течение нескольких месяцев священник посещал свою паству только под покровом темноты, и «очные проповеди и беседы с верующими содержали мало лестного для владыки Тонкина. Неизвестно, сколько бы еще спекулировал иезуитский монах на добром отношении князя, если бы не следующий случай.

Бросивший в Тханглаунге якорь корабль из Макао привез оружие, ткани, фарфор и португальского монаха-капуцина Бернадо. Встреча двух патеров не была радушной — ордена, которые они представляли, никогда не были в хороших отношениях друг с другом. Фанатический же блеск, светившийся в глазах не очень грамотного, как успел заметить де Род, монаха, не сулил ничего приятного. Расспросив о делах миссии и узнав о том, что христианство в Тонкине находится под запретом и христианская община действует тайно, неистовый капуцин перешел от вопросов к обвинениям. «Могу себе представить, отцы иезуиты, — заявил он, — как, вместо того чтобы пострадать за веру христову, вы пригреблись под боком князя-ирода и думаете только о своей выгоде». Выпад был настолько злым и необоснованным, что де Род, подавив ярость, молча показал обидчику на дверь.

Но Бернадо на этом не успокоился. Он проник в одну из тайных общин и о чем-то беседовал там с верующими. В результате в пасхальную ночь несколько сот вьетнамских

христиан во главе с монахом Бернадо вышли на улицу и с пением псалмов и с зажженными свечами двинулись крестным ходом по направлению к реке. У моста их встретил отряд княжеской гвардии. Почти все участники шествия были схвачены и брошены в застенки. В ту же ночь пришли арестовать ничего не подозревавших де Рода и Маркиша. В тюрьме де Род отвел душу, обрушив на оказавшегося тут же Бернадо все известные ему ругательства на всех известных ему языках. Впрочем, тот уступал ему только в многоязычности своей брани.

Через несколько дней казнили «для примера» двух из схваченных участников крестного хода (впоследствии по представлению Бернадо церковь причислила их к лику святых). Еще семерым было отрублено по пальцу на руке. Сам же монах хоть и твердил о своей готовности принять смерть за веру, в глубине души рассчитывал на то, что владетель Тонкина не захочет обострять отношения с португальцами, пока он заинтересован в торговле с ними.

Действительно, Чинь Чанг отклонил предложение обезглавить смутьянов-европейцев, выдвинутое на совете вельмож главным евнухом. Их продержали в тюрьме, пока португальский корабль оставался в порту, а в день отплытия под усиленным конвоем препроводили на борт. В последний момент на судно пробрался подручный де Рода, Хуан, и передал ему письмо папе римскому от вьетнамских христиан. Де Род отдал последние распоряжения своему тайному воинству, и корабль взял курс на Макао.

Впоследствии письмо, которое вез де Род, сослужило ему добрую службу. Власти Макао с сочувствием встретили доклад героя-португальца Бернадо и холодно отнеслись к объяснениям француза де Рода. Если бы не вещественный результат деятельности иезуита — послание папе, дело могло дойти до инквизиции. Отношения между де Родом и португальским епископом с этого времени стали крайне натянутыми. Португальские власти целых десять лет не выпускали де Рода из Макао, где он преподавал теологию в иезуитской коллегии и проповедовал местным китайцам. Только в 1640 году ему удалось еще раз попытаться счастья в Кохинхине, но и эта миссия закончилась через пять лет изгнанием иезуита за пределы страны...

1649 год застает де Рода в Риме. Годы скитаний, трудов, унижений не прошли для него даром. Он прочно утвердился в своей ненависти к португальцам и в убеждении, что гибнущая португальская империя не может больше служить оплотом христианской веры на Востоке. И весь свой талант оратора, весь свой опыт заговорщика, всю свою иезуитскую изворотливость он обращает на то, чтобы убедить святейший престол в необходимости создать на Дальнем Востоке церковную организацию, независимую от португальской короны. Он настойчиво вербует сторонников и заручается даже поддержкой четырех кардиналов из Конгрегации пропаганды веры. Но противник слишком силен. Португальские священники пользуются еще колоссальным влиянием на дела папского престола, да и в ордене иезуитов им принадлежит решающий голос. И когда папа Иннокентий X наконец удостоивает де Рода аудиенции, тот заранее знает, что папа не решится пойти на то, чтобы осуществить его план.

Неутомимый де Род не складывает оружия. Он мчится в Париж, чтобы убедить кардинала Мазарини в выгоде для Франции создания национальной миссионерской организации. Он спланирует вокруг себя кружок священников, которым давно опостылела роль «младших братьев» при португальских священнослужителях. Но и тут де Рода настигает рука его врагов. Распоряжением генерала ордена иезуитов его отправляют в Исфаган в Персии, где в 1660 году он и умирает.

Так кончил свой путь де Род, человек, который потерпел много неудач, но оставил после себя семена, которым было суждено дать впоследствии обильные всходы. Созданная им во Вьетнаме католическая церковь по сей день сохраняет на юге страны сильные позиции. Мысль о создании французской миссионерской организации воплотилась в жизнь учреждением в 1659 году в Париже Общества зарубежных миссий, ставшего авангардом французской колониальной экспансии на Дальнем Востоке. А

замышлявшийся де Родом удар по португальской монополии состоялся в 1662 году, когда папа под давлением Франции принял решение послать на Дальний Восток трех апостолических викариев, не подлежащих юрисдикции архиепископа Гоа. Так рухнула последняя монополия Португалии — монополия на слово божие.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ,

Где рассказывается о любви Пьетро Делла Валле и о горе его, о последних днях португальского могущества, о трех благородных дамах, которых купили, о праздниках в Гоа и о других событиях, свидетелем которых был итальянский путешественник

Посмотрите на португальцев. Несмотря на свои великолепные поселения, они доведены до нищеты расходами на содержание армии; и все же их гарнизоны весьма посредственны

Томас Рой, английский посол при дворе Великого Могола, 1613 год

Ни для кого уже не было секретом, что португальская империя находится на пороге краха. Все труднее вице-королям Гоа добывать деньги, солдат и корабли, чтобы слать их на помощь разбросанным по всей Азии крепостям и факториям. Уже голландские и английские корабли без всякой опаски вторгаются во владения португальцев. И ни папа, ни бог не помогут гордым конкистадорам.

Итальянцу Пьетро Делла Валле было двадцать восемь лет, когда в 1614 году он отправился в путешествие по Азии. Был он сыном итальянского Возрождения, образованным, некорыстолюбивым, любознательным, человеком большой души и широких взглядов. Для своего времени он представляется совершенно необычным типом путешественника, ибо за все годы в пути ничего не перепродал, никому не изменил, не искал рынков сбыта или того, что плохо лежит, не служил никакому королю, а отчитывался в том, что видел, только перед своими друзьями в Риме.

Но прежде надо рассказать, как он попал в португальские владения, ибо это хоть уже и забытая, но трогательная история, история большой любви и большого горя.

Делла Валле приехал в Багдад. Там он полюбил девушку, арабку, чуждую ему по языку, национальности и, что очень важно было в те времена, по религии. Маани, как звали его возлюбленную, принадлежала к христианской секте маронитов.

Но Делла Валле оказался выше предрассудков и женился на любимой. Со временем любовь его не ослабевала. Стоит прочесть его письма, в которых он трогательно описывает красоту, ум и очарование Маани. Три года вдвоем они путешествовали по Азии, побывали в Персии, в Курдистане, в арабских государствах. И не расставались ни на минуту. Маани была верной спутницей и другом итальянцу. Они решили, что не остановятся в своих странствиях, пока не увидят весь мир, не узнают, как живут люди на всей земле.

И вдруг, когда супруги готовились к началу путешествия в Индию, Маани заболела и вскоре умерла.

Перед смертью она умоляла обезумевшего от горя любимого продолжать путешествие и жалела не столько о разлуке, сколько о том, что она не сможет отныне делить с ним все трудности и опасности пути, не увидит стран, о которых они мечтали вместе.

И когда Маани умерла, Делла Валле решил взять ее с собой. Он приказал набальзамировать ее тело и отныне, хотя и мертвая, возлюбленная Делла Валле во всех странствиях сопровождала мужа.

В Индию Делла Валле приехал в 1623 году. Он был подавлен и первое время почти ничего не замечал вокруг себя. Если бы не обещание продолжать путь, он бы вернулся домой.

В Гоа Делла Валле попал не сразу. Вначале он высадился в Сурате, на западном побережье Индии, находившемся под властью Великих Моголов. В этом городе было множество голландских и английских купцов, купцов из Персии, Египта... Итальянского путешественника поразило равноправие, которым пользовались гости города, вне зависимости от их национальности и вероисповедания, веротерпимость индийских правителей. Правда, Делла Валле жалуется на строгость индийских таможенников, хотя и признает, что отнеслись к нему вежливо.

Наверно, о португальцах и положении в Португалии Делла Валле узнал от донны Лючии, судьба которой настолько интересна и показательна для тогдашних нравов, что стоит о ней вкратце рассказать.

Король Португалии ежегодно посылал в Гоа нескольких благородных девушек, снабжая их богатым приданым. В его интересах было прикреплять португальцев к колониям, заставляя их обзаводиться семьями...

Так вот, одной из таких девушек-невест, отосланных в Индию, и была донна Лючия. И надо же было случиться, что флот португальцев был атакован голландскими кораблями, разбойничавшими на торговых путях. Корабль, на котором находились «невесты», попал в плен к голландцам, а с ним и девушки, правда уже без приданого, которое стало добычей голландцев.

Так девушки оказались в Сурате.

А надо сказать, что все англичане в Индии и в Юго-Восточной Азии были холостяками или жили там без жен, так как английская Ост-Индская компания специальным законом запретила въезд английским женщинам в южные страны. Вначале голландская Ост-Индская компания издавала такие же «антиженские» законы, но, когда надо было создать постоянную колонию на Яве, положение изменилось, и был принят закон, по которому голландец, живущий в Индии или на Яве с семьей, получает вдвое большее жалованье, чем холостяк. Поэтому все голландцы в Сурате и Батавии из сил выбивались, чтобы найти себе жену. Европейских женщин не хватало, и потому женились на любой приглянувшейся женщине при условии, чтобы она была христианкой. Даже больше того, нередко покупали на рынке хорошеньких рабынь, на скорую руку обращали их в христианство, а потом, женившись, получали заслуженную прибавку к жалованью. Правда, чаще всего такие жены оставались на положении служанок. Никто из мужей не осмеливался привезти «дикарку» в Голландию.

Не трудно представить, что появление в Сурате трех хорошеньких португалок вызвало ажиотаж среди голландских купцов и чиновников. Самые богатые купцы компании предлагали им руку и сердце. Первым делом «невест» обратили в протестантство, а затем выдали замуж. Двух — на Яву, в Батавию, одна, донна Лючия, осталась в Сурате, выйдя замуж за крупного служащего компании.

Лючия оставалась втайне католичкой, и появление итальянца, тоже католика, обрадовало ее, хотя во всех остальных отношениях она была довольна жизнью, ибо и не могла мечтать о таком удачном браке, попади она, как предполагалось, в скудеющее Гоа.

Так что, проведя несколько вечеров в беседах с донной Лючией и ее благородным супругом, Делла Валле уже составил себе представление о положении в Португалии и о том, что он найдет в столице португальской колониальной империи. Оставался вопрос, как добраться до Гоа.

По суше до Гоа было более четырехсот миль — расстояние длинное, и путешествие могло быть не только утомительным, но и опасным ввиду того, что в Индии начиналась война между Великим Моголом Джахангиром и его сыном Шах-Джаханом. Морем еще опаснее — слишком много охотников до торгового судна. И португальцы, и голландцы, и англичане — никто не брезгал разбоем, не говоря уж о местных, малабарских, пиратах.

И тут подвернулся удобный случай — в Сурат зашел большой португальский конвой, идущий в Гоа. Если в море голландцы и португальцы были смертельными

врагами, то в суратском порту они не осмеливались сводить личные счеты. Поэтому португальские корабли могли свободно заходить в этот порт. Командир конвоя согласился взять на борт «нейтрального» итальянца, тем более католика. И через несколько дней Делла Валле уже ступил на землю первой колониальной столицы Южной Азии.

Вот какой предстала португальская колониальная империя глазам образованного итальянца, приехавшего туда 8 апреля 1623 года.

Остров, на котором раскинулся город, был обнесен мощной стеной, за которой виднелись крыши домов и колокольни соборов, верхушки пальм и кроны плодовых деревьев.

Посреди острова поднималось несколько холмов, с которых открывался вид на город и на соседние острова. Дома большей частью каменные, с большими окнами, открытыми в жару дуновению морского бриза. Но самыми красивыми и высокими зданиями в Гоа без сомнения были церкви. Каждый религиозный орден строил свою. Вот возвышаются доминиканский, августинский, францисканский, кармелитский храмы, церковь иезуитов... Путешественнику бросилось в глаза, что и половины священников и монахов, наполнявших улицы Гоа, было бы достаточно, чтобы обеспечить распространение и поддержание христианства в Гоа. Делла Валле еще не знал, что среди этих монахов множество тех, кому по долгу службы положено быть на «переднем крае» борьбы за души — на далеких Островах Пряностей или среди непокорных сиамцев, бирманцев и камбоджийцев. Но всеми правдами и неправдами многие святые отцы предпочитали отсиживаться в столице. И это им удавалось тем успешнее, чем слабее становилась португальская власть.

Большинство жителей Гоа составляли индийцы. Они были истощены, одеты в лохмотья и старались держаться незаметно. Это были в основном рабы, рабы, до сих пор многочисленные и дешево продававшиеся на рынках города.

Португальцев было меньше, чем ожидал увидеть Делла Вале. Вот что писал он одному из друзей в Италию в первые же дни своего пребывания в городе:

«Внешне португальцы кажутся и сейчас богатыми, но на самом деле они с трудом скрывают свою нищету. Все они стараются выглядеть благородными и не хотят работать. Когда на улицы спускается ночь, они предпочитают просить милостыню. Все они носят оружие и изображают из себя воинов. И редко увидишь кого-нибудь, за исключением священников и докторов, без меча. Даже самый бедный из португальских бедняков носит меч и ходит разодетый в шелка».

На несколько дней Делла Валле остановился в иезуитском конvente (монастыре). Он имел рекомендательные письма к итальянским иезуитам, жившим там.

Поэтому, когда в Гоа прибыл португальский вельможа из Мадрида, Делла Валле был одним из первых, узнавших важные и неприятные для португальцев новости. А именно: о падении португальского оплота в Персидском заливе — Ормуза. Таким образом, португальцы лишились крепости, которая запирала путь и а Восток арабским и турецким купцам, и потеряли одно из важнейших звеньев в так тщательно выкованной цепи, охватывавшей прежде весь Индийский океан.

Но падения Ормуза ждали уже давно, а потому обедневший и стареющий мир Гоа внешне никак не был взволнован этим сообщением. Зато другая весть, которую привез португалец, вызвала взрыв энтузиазма в городе. Он рассказал, что в Риме в один и тот же день канонизированы Игнаций Лойола — основатель ордена иезуитов, Франциск Ксавье — первый иезуитский миссионер, святая Тереза — основательница ордена кармелиток, и другие...

В тот же день началась суматоха, в которой забылась неприятная весть о падении Ормуза. Представители монашеских орденов осаждали дом архиепископа, требуя провести праздник в честь канонизации их святого. Главное было превзойти соперников во Христе. После короткой дипломатической свалки победили кармелитки, получившие разрешение восславить Терезу первой. Утром 20 мая два португальских мальчика

проскакали на конях через весь город и остановились перед дворцом вице-короля. В руках они держали длинные свитки. Вице-король уже ждал их. Склонив колени перед хозяином португальской Азии, мальчики прочли торжественную оду, сочиненную по случаю праздника.

Вице-король взмахнул рукой, и по всему городу зазвонили колокола. Всадники носились по улицам, трубя в трубы и раскидывая по городу листы с текстом оды. Ночью взвились ракеты — начался фейерверк.

Иезуиты решили отыгратья. Но они отложили свой праздник на неделю, чтобы как следует подготовиться, и даже уступили очередь другим орденам. Они должны были доказать, что их святые важнее всех прочих.

Процессии следовали за процессиями, к вящему изумлению Делла Валле, ибо каждая поглощала массу денег и усилий, требуемых совсем в других местах. «Нет города в мире, где было бы столько религиозных процессий, как в Гоа, — писал он своему другу, — религиозные ордена здесь богаты и многочисленны, значительно более многочисленны, чем надо для такого города. Население города (он имел в виду португальцев) лениво и охоче до зрелищ. И забывают они о делах более важных и полезных, развлекаясь подобными представлениями».

Нет, Делла Валле не был безбожником — он оставался верным католиком, но праздники вызвали в нем раздражение, ибо, наверно, нигде в мире не было города, где так открыто властвовали многочисленные трупни.

Но вот наступил день торжества иезуитов.

Все иезуиты города вышли тремя колоннами под тремя знаменами. Первая колонна представляла Европу, вторая — Азию, третья — Африку.

Впереди процессии двигалась колесница, увенчанная бутафорскими облаками; на ней восседала Слава, трубившая в золотой рог. Следующая колесница представляла Веру, третья — Церковь. Далее следовала колесница, изображавшая гору Парнас с совсем не христианским Аполлоном, и музами на ее вершине... Далее следовали пирамиды: пирамида, исписанная письменами тех стран, в которые иезуиты послали свои миссии, пирамида с аллегорическими фигурами, изображающими страны, в которых трудились миссионеры... и так далее... и так далее...

На следующий день августинцы несли фигуру распятого Христа и хлестали себя плетью...

Прошло еще два дня... и новая процессия...

Итальянский путешественник устал. Но ведь где-то должна быть другая жизнь. Ведь не может быть, чтобы все португальцы от мала до велика только тем и занимались, что молились и участвовали в красочных процессиях. Кто-то же должен бороться за сохранение крепостей и колоний. Вот, например, до него окольными путями дошла еще одна новость, также неприятная для португальцев: Канарский раджа, один из самостоятельных правителей Южной Индии, разгромил другого раджу, союзника португальцев, и заодно разбил португальский отряд, посланный на выручку незадачливому радже. И теперь в город прибыл посол Канарского раджи, готовый вести переговоры с португальцами, но только как равный.

Делла Валле отправляется во дворец вице-короля, чтобы разузнать там подробнее об этом событии. Вести оказались и в самом деле интересными. Теперь прошли уже те времена, когда португальцы для устрашения отрезали уши индийским послам. Вице-король принял посла вежливо. Время научило португальцев правилам обхождения с послами.

Оказывается, Канарский раджа согласен был заключить мир с португальцами, потому что португальцы задолжали ему большие суммы за полученный ранее перец.

Вице-король решил послать в Канару ответное посольство, ибо тоже был заинтересован в мире с соседом, враждующим с которым не только мог потерять многое, но, главное, упускал из рук торговлю перцем, чем не замедлили бы воспользоваться

голландцы. С другой стороны, платить долги португальцам было нечем, и надо было добиться отсрочки платежа...

Сказал бы кто-нибудь сотню лет назад, что португальцам придется отступить перед небольшим отрядом второстепенного индийского раджи, посылать посольство к его двору, чтобы выпросить отсрочку платежей, его сожгли бы на главной площади Гоа как клеветника. Сказал бы кто-нибудь, что внуки капитанов д'Албукерки, бравших штурмом Малакку и резавших арабских купцов, будут просить милостыню в столице португальской Индии, стыдливо прячась в подворотнях...

А ведь посольство, к которому присоединился любознательный Делла Валле, несколько дней сидело в португальской крепости в Оноре, потому что раджа Канары сначала не хотел принять его.

Католик Делла Валле, несмотря на то что был более свободомыслящим, чем его португальские спутники, не мог никак понять, как в Канаре жили бок о бок индусы и мусульмане и глава государства, индус, не уничтожал, не выгонял со службы и даже не пытался обратить в свою веру мусульман. Поразили его мир и порядок, царившие в индийском государстве, мощь укреплений его столицы — тут все было резким контрастом фальшивой помпезности португальского города.

Первый вопрос на аудиенции, который задал раджа, был:

— Почему запоздали в этом году португальские торговцы?

Это был прозрачный намек на задолженность португальцев.

Португальский посол понес такую чушь, что Делла Валле еле удержался, чтобы не рассмеяться. Он объявил, что португальские и испанские корабли были заняты покорением Англии и обращением ее жителей в католическую веру. Теперь же, когда эта задача завершена, они возвращаются в Индийский океан.

Делла Валле заподозрил, и не без оснований, что раджа куда лучше осведомлен об истинном положении вещей, нежели казалось португальскому послу. Но раджа и виду не подал, что знает больше, и после долгих переговоров пришли к соглашению, что португальцы признают все завоевания раджи, за что тот согласен подождать с уплатой долга. На том и расстались.

Делла Валле покинул португальское посольство и отправился в соседнее индусское княжество, ибо услышал, что им правит женщина.

Королеву Олазы Делла Валле встретил на базаре. Одетая в белое сари сорокалетняя женщина шла в сопровождении шестерых солдат. Вдруг она заметила одинокого путешественника и заинтересовалась, кто он, зачем пожаловал в ее царство. И была искренне удивлена, узнав, что он прибыл специально, чтобы с ней познакомиться.

— И тебе не нравится, когда женщина правит государством?

— Наоборот. Я потерял свою единственную возлюбленную, жену, и в память о ней совершаю свое путешествие. Я думаю, что она захотела бы тебя, королева, увидеть. Потому и приехал сюда.

— Ну что ж, я позову тебя в гости, — сказала правительница. — Только сейчас я занята — мне надо идти посмотреть, как роют новые каналы...

Делла Валле был поражен этой встречей. Но еще больше был удивлен он, когда познакомился с принцем и тот рассказал ему историю жизни своей матери.

Когда она вступила на трон, то вышла замуж за раджу соседнего царства, того самого, которое впоследствии покорил раджа Канары. Но так как они оба были заняты государственными делами в своих собственных государствах, то встречались только раз в год, на границе, и жили вместе некоторое время. Но однажды государи поссорились. Правительница отослала радже обратно все подаренные им драгоценности. Началась война. В этой войне на стороне правительницы выступал Канарский раджа, а на стороне мужа — португальцы. Войска португальцев и мужа удалось разбить. Но правительница тоже в результате проиграла, потому что за помощь сильный сосед отобрал часть ее земель.

Вот какую удивительную историю рассказал путешественнику наследный принц. Мы не знаем, какая часть этой истории правда, а какая — вымысел, так как в Малабаре, который издавна считался страной амазонок, существует много схожих легенд и в этих легендах тоже рассказывается о гордой королеве амазонок, которая встречалась со своим мужем только на границе своих владений.

Делла Валле так и не удалось посидеть в гостях у амазонки, потому что она была так занята ирригационными работами, что, встретив его снова на улице, в ответ на его вторичную просьбу об аудиенции ответила:

— Иди домой, чужеземец, я тебя вызову, когда у меня будет время.

Делла Валле не дождался вызова и уехал.

Он еще раз участвовал в португальском посольстве, на этот раз к саморину, в Каликут. Саморин, наследственный враг португальцев, уже не опасался их так, как его предшественники. И роль португальского посла была более чем скромной. Он выступал посредником между саморином и раджей Кочина. Посольство кончилось неудачей, и португальским кораблям пришлось ни с чем возвращаться в Гоа.

Никто уже не боялся их, кроме рабов, мелькавших темными тенями по улицам Гоа и Малакки. И если в Гоа португальцев спасала естественная неприступность крепости, то Малакку им было не так легко защитить. Пройдет несколько лет, и цепь их владений прорвется еще в одном месте...

Часть пятая **КОНЕЦ ЭПОХИ**

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ,

Где речь пойдет о том, как встретились два молодых человека и стали врагами на всю жизнь, о печальной судьбе жителя острова Рюн, о предательском выстреле и об амбонской резне

Лондонские купцы повсюду следовали за своими более мощными соседями в надежде извлечь выгоду от той деятельности, которую те проводили...

Б. Флекке, современный голландский историк

Все-таки голландцы раньше всех поняли тот простой факт, что европейский рынок ограничен и, если все будут закупать пряности на Востоке и везти их в Европу, наступит момент, когда цены на них совсем упадут, а затем никто не захочет вообще покупать их. А чтобы выпускать в продажу ровно столько пряностей, сколько необходимо, и по тем ценам, которые выгодны, нужно добиться монополии. То есть отобрать Молуккские острова у португальцев, закрыть их для англичан и испанцев, стать на них безраздельными хозяевами.

Голландцы были подготовлены к этому лучше всех своих конкурентов. Португальцы ослабли — они уже не могут даже удержать завоеванного, их ненавидят местные властители, готовые пойти на союз с кем угодно, только бы избавиться от португальцев. «Кем угодно» часто становятся вездесущие голландцы. Англичане еще слабы. Экспедиции их разрозненны и фактории малочисленны. Испанцы в основном заняты в Америке и не очень опасны.

Голландцы любили отчетность и знали цену деньгам. Если заглянуть в их документы, то окажется — основным и самым распространенным наказанием, которое они накладывали на провинившихся соотечественников, было лишение жалованья — трехмесячного, полугодового. Они тщательно вели книги доходов и расходов, но, как крупные дельцы, зачастую шли на такие расходы, которые могли окупиться только в будущем.

...Первые десятилетия XVII века. Повсюду голландцы наступают, и повсюду за ними следуют английские корабли. Хитроумного Генри Миддлтона сменил его не менее хитроумный брат Давид, за ним последовали другие капитаны. Но если с португальцами дело было ясно — голландцы беспощадно нападали на них и уже подбирались к их главному оплоту на архипелаге, к Малакке,— то с англичанами дело было сложнее. Формально государства не были во враждебных отношениях. И даже когда английские купцы обратились к своему правительству с жалобой на недружелюбное отношение голландцев, лорд-казначей Солсбери переслал список английских обид Генеральным штатам Нидерландов. В ответ англичане получили не менее длинный список контробвинений. Правительства даже пытались вести переговоры о совместной торговле, но вряд ли кто верил всерьез, что из этого что-нибудь выйдет. Проходили конференции «на высшем уровне», стороны бросали друг другу в лицо соответствующие параграфы и доказательства, а тем временем на Островах Пряностей шла «холодная» война между голландцами и англичанами.

Голландцы понемногу монополизировали торговлю на архипелаге. В один прекрасный день они дали понять вождям острова Серам, что отныне будут покупать у них гвоздику вдвое дешевле, чем раньше. Если вожди недовольны, они могут продать ее кому угодно. Голландцы знали, что конкурентов у них нет. Арабская торговля была задрана еще португальцами, сами португальцы сюда и носа не казали, опасаясь голландцев, а английская фактория, во главе которой стоял молодой моряк Джон Журден, была далеко и вряд ли ее фактор посмеет появиться в этих водах.

И надо же было так случиться, что фактор Джон Журден именно в это время появился на острове. Тот самый Журден, которого впоследствии голландцы назовут «самым виновным из наших английских противников».

В 1613 году его высадили на Молуккских островах и предоставили самому себе. Ему не везло. Сначала голландцы запретили ему покупать гвоздику на Амбоне, а вот теперь, когда он прибыл на Серам, вожди сказали, что продали бы гвоздику с большим удовольствием, ибо им не по вкусу пришлось голландское понимание монополии, но боятся голландцев.

Журден был возмущен. Второй раз он наталкивается на сопротивление. Он пообещал вождям уладить этот вопрос и тут же отправился в голландскую факторию.

Не менее возмущен был молодой голландский офицер, ожидавший его в зале фактории. Голландец хотел поставить на место наглого англичанина, который залез в сердце голландских владений и собирается поднять цены, уничтожить с таким трудом созданную монополию. Офицер знал, что от того, сумеет ли он одолеть англичанина, зависит его карьера.

А звали его Ян Питерсзон Кун. Через несколько лет он станет генерал-губернатором Нидерландской Индии.

Как и следовало ожидать, беседа превратилась в перепалку.

— Это равносильно краже! — говорил Кун.

— Англичане имеют в этой стране такие же права, как и голландцы.

— Я буду вынужден воспрепятствовать этому любыми средствами, которыми я располагаю.

— Я не подчиняюсь голландскому офицеру.

— Подчинитесь. На моей стороне сила.

— Предлагаю вынести этот вопрос на совет вождей острова.

— И не думайте! Ничего у вас не выйдет.

Журден прямым путем направился к вождям. Там он подробно изложил ход беседы с Куном, подчеркнув те ее места, которые были наиболее оскорбительны для островитян.

Тут появился встревоженный Кун. Он все-таки боялся решительного англичанина.

Вожди подтвердили в его присутствии согласие торговать с англичанами, которые давали большую цену.

И тем не менее, когда Кун сказал, что в ближайшие дни сюда придет голландская эскадра, достаточно вооруженная, чтобы стереть с лица земли селения на острове, вожди сочли за благо не рисковать. И как ни убеждал их Журден, как ни расписывал силу Англии, решение было не в его пользу.

Это была первая победа Куна над Журденом. Правда, на обратном пути в Бантам Журден остановился в Макасар³⁹, властитель которого, будучи в плохих отношениях с голландцами, разрешил ему основать там факторию. Это уже была удача для Журдена, потому что Макасар находился на полпути между Явой и Островами Пряностей, а потому был стратегически важным для англичан. Они всегда могли получить там в обмен на золото и рис некоторое количество пряностей, перевозимых на местных судах. Этой фактории суждено было сохраниться в течение пятидесяти лет, пока ее в 1667 году не захватили голландцы.

Второй акт борьбы Журдена против голландцев начался в 1615 году, когда английская экспедиция достигла островов Банда. Там англичане застали сильную голландскую эскадру, командуемый которой категорически запретил конкурентам торговать. А чтобы те не вздумали торговать тайком, дал им почетный конвой. Дальше события разворачивались быстро и драматично. Английским кораблям удалось обогнать сопровождавших их голландцев и закупить на одном из островов много пряностей. Исполняя приказ командующего, голландцы высадили на остров отряд, чтобы как следует проучить непослушных туземцев. И тут население острова не только восстало против голландцев, но, пользуясь поддержкой англичан, напало на голландский отряд и изгнало его с острова.

И английские и голландские корабли покинули после этого остров, но англичане оставили там двух торговцев. А один из вождей направился в Бантам, к Журдену, с просьбой о помощи. Жители острова не без оснований опасались мести голландцев.

Журдена нельзя было обвинить в нерешительности. Хотя он и знал, что англичане в Европе ведут переговоры с голландцами, он послал все имеющиеся в его распоряжении корабли — их было пять — под командой Каслсона на острова Банда.

Не успел Каслсон прибыть к острову Ваи, как голландская эскадра настигла англичан. В бухте острова Ваи перетрусивший перед лицом сильного противника Каслсон согласился на все требования голландцев. Он с готовностью предал союзных вождей, поклявшись, что не будет чинить препятствий голландцам, если те вторгнутся на остров.

Так, поражением Журдена, кончился хорошо начавшийся для него второй акт драмы.

Но не все англичане были так же трусливы, как капитан Каслсон. Оставшиеся на произвол судьбы два английских купца на Ваи решили собственными силами продолжать борьбу с голландцами. Они уговорили вождей поднять над островом английский флаг и объявить себя союзниками Англии. Купцы полагали, что голландцы не посмеют пойти на дипломатический инцидент. Голландцы посмели. Они разгромили отряды местных вождей и захватили остров, население которого бежало на соседний остров Рюн. Вместе с последними защитниками острова бежали и английские купцы, которые добрались до Бантама раньше всех и принесли печальное известие Журдену.

Журден был расстроен случившимся. Как будто рок преследовал его. А ведь он возлагал такие надежды на факторию и дружбу с вождями Ваи!

Но Журден был не из тех, кто сдается. В неравной борьбе с голландцами он отступал только тогда, когда не отступить — значило погибнуть.

У Журдена оставалось два корабля. Он немедленно послал их к островам под командованием капитана Кортхопа на помощь жителям Ваи и Рюна. Только в союзе с ними он мог рассчитывать на успех.

³⁹ Макасар — княжество на острове Сулавеси.

Кортхоп оказался решительнее своего предшественника Каслоана. Хотя у него было всего два корабля, он высадился на острове, сгрузил там пушки и заверил вождей в том, что англичане не намерены сдавать остров.

Тут уж голландцы поняли, что добром от Кортхопа не избавишься. Они напали на один из его кораблей и захватили его. На втором же часть команды взбунтовалась и передала корабль голландцам.

В результате Кортхоп с небольшой частью команды оказался изолированным на острове. Но сдаваться он не собирался. Он знал, что Журден пришлет ему подмогу, верил в Журдена и ждал. Кортхоп не знал, что самого Журдена уже нет на островах: его отозвали в Англию. И о Кортхопе забыли все, кроме голландцев, которые понимали, что оставлять английский отряд у себя в тылу слишком опасно.

Сам голландский генерал-губернатор приезжал к Кортхопу для переговоров. Он обещал английскому капитану вернуть корабли и закупленные товары. В обмен он требовал одного — чтобы англичане навсегда покинули острова и позволили голландцам спокойно расправиться с непокорными жителями.

Кортхоп ответил решительным отказом. Он сказал, что не намерен предавать свою страну и доверившихся ему жителей острова. Вряд ли судьба жителей острова так уж «беспокоила английского капитана. Но он отлично понимал, что возвращение двух небольших кораблей — слишком малая плата за два острова, понимал, что уступи он сейчас — и англичанам уже не видать этих островов.

Генерал-губернатор Нидерландской Индии направил письмо в Бантам английскому резиденту, который заменил Журдена, с предложением оставить остров. Не оставите, угрожал он, мы будем нападать на любой английский корабль, который появится в здешних водах. Англичане отказались подчиниться. Они справедливо полагали, что в словах голландцев больше бравады, чем здравого смысла. Голландцы еще не были настолько сильны, чтобы выгнать всех конкурентов из Южных морей.

Губернатор Нидерландской Индии Кун

И в это время новым генерал-губернатором был назначен уже знакомый нам Ян Питерсзон Кун, злейший враг Журдена. Это случилось в 1618 году. Губернатор был молод, энергичен, не очень разборчив в средствах решителен и смел. Еще будучи офицером, он написал нечто вроде докладной записки совету директоров Ост-Индской компании, в которой говорил, что наибольшую опасность представляют не испанцы и португальцы а англичане.

В том же году на острова вернулся Джон Журден. На этот раз в качестве английского резидента, то есть главного представителя английской Ост-Индской компании на Востоке.

Теперь Куну и Журдену предстояло встретиться снова.

Журден тоже представил своей компании доклад, в котором просил войск, кораблей. Он уверял компанию, что голландцы не решатся на крайние меры.

Но события показали, что Журден недостаточно знал Куна.

И Журден и Кун вернулись на Яву с флотами. Правда, эскорт Журдена трудно назвать флотом — в нем было всего шесть кораблей.

Новости в Бантаме были тревожными. Оказывается, два корабля, отправленные заместителем Журдена на помощь Кортхопу, засевшему на островах Банда, не дошли до места назначения, потому что их перехватили голландцы.

Но и положение голландцев было не из лучших. Правители яванских княжеств напали на их фактории, объединялись против голландцев, и новый голландский генерал-губернатор обнаружил, что ему самому приходится обороняться.

Начался третий акт борьбы Журдена и Куна.

Основные силы Куна находились на Островах Пряностей, где его корабли сторожили торговые пути, чтобы не пропустить туда англичан. Но если Журден остался в

Бантаме, чтобы руководить оттуда английскими силами, то Кун сам возглавил голландский флот. Это повлияло, на исход войны, которая формально не была объявлена.

Англичане конфисковали в Бантаме голландский корабль, но на борту его неизвестно отчего начался пожар, и корабль сгорел. Тогда Кун напал на английскую факторию в Джакарте и сжег ее. Английский флот бросился к Джакарте и вступил в бой с кораблями Куна. Кун держался весь день, но под прикрытием темноты отплыл со всеми силами из Джакарты, бросив свою факторию на произвол судьбы, и скрылся на Амбоне. Положение его было отчаянным. Преследуй его англичане, неизвестно, чем бы кончилась тогда англо-голландская борьба за рынки пряностей. Но командующий английским флотом не решился преследовать Куна. Английский капитан даже не пошел на выручку к осажденному на островах Банда Кортхопу. Он предпочел остаться и Джакарте и несколько месяцев провел фактически в бездействии. Наконец он бросил все и отплыл обратно в Бантам.

А за это время многое изменилось. Кун сумел внести раздор в ряды яванцев, снять осаду с фактории в Джакарте и даже перенести туда столицу Нидерландской Индии, переименовав город в Батавию.

Журден кинулся на трех кораблях к английским факториям в Сиаме, чтобы собрать силы для новой борьбы с Куном. Журден считал, что последний акт драмы не окончен.

Кун, узнав об отъезде Журдена из Бантама, отправился вдогонку за ним со всем своим флотом. В июле 1619 года корабли Куна отыскивали Журдена в малайском княжестве Патани у побережья Сиамского залива.

Увидев у входа в бухту паруса голландских галионов, Журден понял, что попался в ловушку. Выхода из бухты не было, а силы были неравны. Но он отказался сдаться, и начался бой. Бой кончился скоро. Английские корабли были сильно повреждены, так что дальше сопротивляться было невозможно. Тогда Журден объявил, что капитулирует.

Кун согласился на перемирие. Начались переговоры. Говорят, что Кун вызвал к себе в каюту лучших стрелков флота. Выслушав приказ генерал-губернатора, те заняли места на мачтах и у бортов ближайших к английскому флагману кораблей.

К вечеру Журден, пользуясь тишиной и прохладой, вышел на палубу. Он понимал, что придется отступить, но надеялся, что отступление будет временным. Журден готовился к новым боям.

Поэтому-то и вызывал Кун мушкетеров к себе в каюту. Поэтому-то, завидев на палубе английского резидента, стрелки нажали на курки своих мушкетов.

Злейший и непримиримейший враг голландцев упал мертвым.

Так окончился последний акт борьбы Куна и Журдена. И как два предыдущих, окончился в пользу голландца.

Кун немедленно отдал приказ об уничтожении остатков разбросанного английского флота. До него дошли слухи, что скоро будет подписано новое соглашение между Англией и Голландией. И тогда волей-неволей придется прекратить необъявленную войну, так и не добив врага.

Оставшиеся без руководства англичане действовали разрозненно и зачастую бестолково. Без особого труда Кун захватил корабль «Стар» в Зондском проливе, еще через несколько дней он взял в плен четыре английские каравеллы на Суматре. Попал в засаду и погиб капитан Кортхоп.

Правда, остальным английским кораблям удалось объединиться, и вся эскадра взяла курс на Бантам. У англичан осталось всего кораблей десять. Уже на подходе к Бантаму им повстречалось судно, шедшее из Англии. На нем везли договор о дружбе.

Трудно описать радость англичан и ярость Куна, когда договор достиг архипелага. Кун обвинял Генеральные штаты в предательстве, в пособничестве англичанам.

Договор был явно невыгоден для Куна. По договору все захваченные корабли возвращались по принадлежности, старые обиды должны быть забыты, закупки перца нужно поделить поровну, а впредь на долю англичан приходилась треть торговли на

Молуккских островах. В договоре даже был предусмотрен совместный Совет обороны, в распоряжение которого передавались десять кораблей. Обе стороны должны были воздержаться от строительства новых крепостей и фортов.

— Мы вскармливаем на своей груди змею! — бушевал Кун. — Англичане не имеют права ни на одну унцию гвоздики или мускатного ореха!

Договор был обречен на провал, и Кун принял к тому все зависящие от него меры.

Но пока, пока английская эскадра входила в порт Бантам и голландские корабли салютовали англичанам, как добрым друзьям. Корабли стояли бок о бок, и офицеры наносили друг другу почти дружеские визиты, дипломатично поругивая испанцев и португальцев.

Кун недолго медлил, прежде чем придумал быстрый и верный путь свести на нет договор, превратить его в ничего не значащую бумажку. Кун предложил англичанам принять участие в экспедиции на острова Банда под тем предлогом, что жители их торгуют с испанцами. Он знал, что, с одной стороны, у англичан не было кораблей и войск для такой экспедиции, а с другой — их совсем не радовала перспектива общего похода. Ведь они не теряли надежды сохранить за собой острова, для удержания которых они приложили столько усилий.

На двенадцати кораблях неутомимый Кун отплыл к островам. Англичане, спохватившись, направили вдогонку ему один корабль. Но, разумеется, опоздали. К их приходу жители острова были покорены голландцами, а заодно голландцы ликвидировали английскую факторию.

Когда английский корабль подошел к островам, Кун распорядился разыграть комедию и тут же заключил еще один договор о вечной дружбе с англичанами. Церемония происходила на глазах у местных жителей. Английский капитан, будучи не в курсе событий последних лет, а может, и просто по недомыслию попался в ловушку Куна. Все было разыграно ловко: жители островов остались в полной уверенности, что англичане, несмотря на уверения Кортхопа и Журдена, объединились с голландцами против них. Теперь они могли рассчитывать только на свои силы и восстали.

Этого-то и добивался Кун.

На глазах у бездействующего английского корабля Кун в коротком бою перебил и захватил почти всех жителей острова Лонтор. Сорок семь воинов, взятых в плен, были казнены после ужасных пыток.

Оставшиеся в живых отступили в горную долину. Там почти все они умерли от голода. Из нескольких тысяч человек только триста сумели бежать на Серам.

Жители острова Рюн, узнав о судьбе лонторцев, пытались бежать на другие острова, но были схвачены и все взрослые мужчины убиты.

После этого Кун разделил участки на островах между служащими компании и приказал привезти туда рабов с Явы, чтобы они обрабатывали эти земли.

Жестокость Куна вызвала недовольство даже у голландцев. Один из них писал: «Мы должны понять, что местные жители борются за свободу своей страны точно так же, как и мы в течение долгих лет отдавали свои жизни и средства ради освобождения нашей родины».

Но это высказывание было гласом вопиющего в пустыне. Чаще всего недовольство выражалось только чересчур «энергичными» действиями Куна, потому что опасались, как бы эти меры не объединили против голландцев всех жителей архипелага.

Но Кун полагал, что подобные опасения напрасны.

Он продолжил резню на Сераме и пытался сделать то же на Тидоре и Тернате. Но государи этих островов оказались сильнее, чем жители Банда. Кроме того, на Тидоре еще оставались испанцы.

Куну пришлось вернуться в Батавию, не уничтожив всех непокорных. Тогда уже было ясно, что англо-голландский договор доживает последние дни. Голландцы настаивали, чтобы английские корабли принимали участие в походах против испанских

Филиппин и португальских портов в Индии. Это отнюдь не входило в планы англичан, которые были к тому же раздражены потерей островов Банда.

Когда Кун в 1623 году уехал в отпуск в Нидерланды, англичане уже приняли решение отозвать своих агентов из Батавии и других голландских поселений.

Перед отъездом Кун вызвал к себе заместителя, Хермана ван Спеелта, и приказал ему любыми средствами сдерживать англичан и, если необходимо, принимать меры, которые сочтет нужными.

23 февраля 1623 года все члены английской фактории, находившейся в соответствии с договором на острове Амбон под защитой голландского форта, были схвачены голландцами. Это можно было рассматривать только как решение голландцев навсегда разделаться с договором о дружбе. Удивительнее всего было обвинение, предъявленное англичанам. Оказывается, они, числом в восемнадцать человек, хотели захватить голландскую крепость.

Англичан пытали. И не удивительно, что англичане сознались во всем, в чем их заставляли признаться. Сразу после суда десять англичан и одиннадцать японцев, служащих фактории, были обезглавлены.

Вернее всего, здесь имела место заурядная провокация. Ведь после этого никаких надежд на примирение не оставалось. Англичане ликвидировали свою факторию в Батавии и перебрались на один из островов в Зондском проливе.

Кун узнал об «амбонской резне» в Амстердаме. Вероятно, он не ожидал, что это вызовет такое возмущение в Англии и других европейских странах. Пришлось Куну отговариваться незнанием, клясться, что при нем такого бы не случилось. А когда амстердамский суд признал, что в «амбонском деле были допущены юридические ошибки» — изумительная формула! — Кун согласился с его мнением.

А почему бы и не согласиться? Дело было сделано. Теперь Кун, вернувшись в Батавию, продолжит походы и завоевания. Журден мертв, Кортхоп мертв. Большинство английских офицеров или погибли, или умерли от болезней. Английская Ост-Индская компания не сможет конкурировать с голландцами на Островах Пряностей и перенесет свой центр в Индию.

Еще несколько лет, даже десятилетий англичане будут цепляться за свои немногочисленные фактории на островах, но со временем потеряют и их. Кун и его наследники победили. Победили еще в 1623 году.

Теперь дело за окончательным разгромом португальцев.

Их оплот в Индонезии — Малакка — как бельмо на глазу у Куна. Ею он и собирается заняться. Правда, ему самому не удастся закончить борьбу за монополию — он умрет в 1629 году. Но у него будут достойные преемники.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ,

Где рассказывается о кораблекрушении, об агатовом кубке, принадлежавшем художнику Рубенсу, о том, как Иероним Корнелис короновал себя на безводном острове, и о том, как впал в немилость командор Пелсерт

...А потому Вы обязаны во имя Господа поднять завтра паруса и прибыть как можно скорее на место, где Вы потеряли корабль и оставили людей. Прибыв туда, Вы обязаны спасти как можно больше людей, а также денег и товаров, применив для этого все имеющиеся в Вашем распоряжении средства

Из приказа генерал-губернатора Нидерландской Индии Куна Франциска Пелсерту от 15 июля 1629 года

Казалось бы, что может быть общего между двумя событиями, происшедшими в разных частях света 4 июня 1629 года?

В этот день корабль, на котором великий художник Рубенс отправился с дипломатической миссией из Испании ко двору английского короля Карла I, попал в шторм и чуть не утонул в Ла-Манше. В этот же день один из самых больших и новых кораблей голландской Ост-Индской компании «Батавия», шедший с грузом и пассажирами в столицу Нидерландской Индии — Батавию на Яве, налетел на рифы неподалеку от северного побережья Австралии.

Но связь между этими событиями, хоть и отдаленная, была.

Среди прочих товаров на борту «Батавии» член Индийского Совета Франциско Пелсерт с особой тщательностью хранил удивительной красоты агатовый кубок римской работы принадлежавший Рубенсу. Художник через подставное лицо отправил его в Батавию, чтобы продать с выгодой кому-нибудь из восточных владык.

Голландцы в борьбе за расположение владетелей Индии и Малайского архипелага решили включить в число товаров ценности из европейских коллекций. Богатые раджи Индии и Малаи с удовольствием брали венецианское стекло, мушкетеры с резными и позолоченными ложами, старинные кубки и драгоценности.

Франциско Пелсерт, находясь в Индии в качестве старшего торговца на службе компании, был одним из инициаторов отправки на Восток предметов роскоши. Потому помимо нескольких сундуков с золотом и серебром — жалованьем служащим и средствами для закупки пряностей — на борту «Батавии» была шкатулка с ювелирными изделиями.

Пелсерт был не новичком на Востоке. Уже несколько лет он ездил по Индии и островам архипелага, выполняя указы Ост-Индской компании, поднимаясь постепенно по служебной лестнице. Ко времени злополучного плавания на «Батавии» он дослужился до поста командира и члена Совета Нидерландской Индии при генерал-губернаторе. Более мелкой сошке голландские купцы не доверили бы ценностей на двести тысяч гульденов.

Генерал-губернатор Кун нуждался в деньгах и солдатах. Голландцы никак не могли сломить сопротивление жителей островов. Несмотря на резню, которую Кун устроил на островах Банда, положение голландцев было не из лучших. Султан Агунг⁴⁰ осадил Батавию, а правитель Бантама, с которым война продолжалась уже десять лет, никак не желал покориться. Кроме того, Кун готовился к решающим боям с англичанами и португальцами.

Уже несколько лет компания кончала год с дефицитом, и ей приходилось обращаться к займам. Все доходы съедались войнами Куна. Спасало голландцев то, что Ост-Индская компания была по существу государственным предприятием и семнадцать членов Высшего совета ее были фактическими правителями Нидерландов.

«Батавию» с нетерпением ждали на Яве. Но так горячо ожидаемый груз из Голландии запаздывал.

Для того чтобы понять, как это случилось, надо вернуться на «Батавию», отплывшую из Антверпена и приближающуюся к мысу Доброй Надежды. Надо вернуться к самому началу конфликта, который выльется через несколько месяцев в одно из самых страшных и кровавых происшествий в Южных морях.

История «Батавии» показывает характер и воспитание европейских солдат и торговцев тех времен, рыцарей разгула, насилий и убийств, предательства и трусости.

Вот они, завоеватели Востока, те люди, братьям которых стоят позеленевшие бронзовые памятники на площадях европейских городов. Нам предстоит знакомство с некоторыми из них в страшные минуты.

Обратимся к документам. Мы не прибавим ни единого слова к тому, что уже было сказано триста лет назад.

Франциско Пелсерт и капитан «Батавии» Ариан Якобс не любили друг друга. Они были знакомы и раньше, но именно то, что они столкнулись на борту «Батавии», где

⁴⁰ Агунг (Чакракуsuma Нгабдуррахман) — султан Матарам.

Пелсерт был полным хозяином, а Якобс должен был подчиняться ему, выводило из себя спесивого пожилого капитана.

Якобс вынашивал план: как только «Батавия» отойдет достаточно далеко от Нидерландов, обработать матросов и солдат таким образом, чтобы на подходе к Зондскому архипелагу на борту началось восстание. План этот, разумеется, вызван был не плохими отношениями, которые сложились между Пелсертом и Якобсом, а редкой возможностью заполучить в свои руки один из крупнейших и лучших кораблей того времени со всем его грузом.

Ведь на борту «Батавии» свободно располагалось триста пятьдесят пассажиров. «Батавия» могла потягаться в скорости с любым кораблем любой страны. Если бы план Якобса удался, то он стал бы могущественнейшим пиратом Южных морей, а впоследствии мог бы перейти на службу к португальцам, ибо пиратство в те дни было наиболее доходным тогда, когда за спиной флибустьера стояла одна из могущественнейших держав тогдашнего мира. Не забывал капитан и о товарах, и о двухстах тысячах гульденов на борту.

Однако план капитана было не так легко осуществить. Франциско Пелсерт, несмотря на молодость, был опытным и осторожным дельцом. Он подозревал капитана в опасных для себя и компании планах и удвоил осторожность. Он был не одинок. Непосредственно Пелсерту подчинялись тридцать солдат, в том числе десять французских наемников, на его стороне были служащие компании, по крайней мере большинство их, пассажиры и часть матросов и офицеров, которые не знали о планах капитана, а узнав, не одобрили бы их.

Надежным помощником капитана был торговый представитель компании, третий по рангу человек на борту, Иероним Корнелис; также с самого начала посвящены были в его планы старший боцман и несколько матросов.

Положение осложнялось тем, что на судне среди многочисленных пассажиров находилась Лукреция Яне, молодая женщина исключительной красоты. Лукреция ехала в Батавию, где служил ее муж, в сопровождении служанки, по имени Жанте.

Присутствие Лукреции спутало все карты. И виноват в этом был сам капитан. Он решил обязательно добиться любви этой дамы.

Но ухаживания капитана были встречены весьма холодно. И он, разозленный, переключил свое внимание на хорошенькую служанку Лукреции.

В современных исследованиях о путешествии на «Батавии» Лукреция Яне выступает как «роковая женщина», по вине которой все и произошло. Не будь ее, кончилось бы путешествие нормально и не вошло бы в анналы истории. Вряд ли это так. По крайней мере во всех последующих действиях заговорщиков нет и намека на то, что Лукреция была всему причиной.

Так или иначе, у служанки Якобс не встретил сопротивления. Наоборот, Жанте была счастлива тем, что именно на нее пал выбор бравого капитана. Теперь она уже пользовалась своим положением и уговаривала капитана насолить ее хозяйке.

Тем временем зреет заговор. Уже известно, на кого из матросов можно положиться, распределены роли в момент восстания. Остается выбрать этот момент. Капитан решает, что сразу после того, как корабли минуют мыс Доброй Надежды, необходимо отстать от эскадры, чтобы другие корабли не смогли прийти на помощь «Батавии».

После очередной стычки с Пелсертом капитан сказал Иерониму:

— Если бы не эти чертовы корабли вокруг, я бы отделал Франциско так, что он не поднялся бы. А потом выкинул бы его за борт.

В ответ на эти слова Иероним, как он потом сам признавался, сказал:

— Как ты сделаешь это, если ночная вахта состоит из преданных Пелсерту людей?

— Вот об этом и надо подумать, — ответил капитан. — А главное — выяснить, кого мы в первую очередь отправим на тот свет.

Список, составленный ими, оказался длинным. В него входило ни много ни мало 120 человек.

Вскоре в непогоду выдалась возможность отстать от эскадры, так что болевший в это время Франциско Пелсерт не сразу узнал об этом. Дальше «Батавия» продолжала путь к Зондским островам в одиночестве. От мыса Доброй Надежды она взяла курс прямо на восток.

Командору становилось все хуже. Его трепала малярия, схваченная еще в Индии. Болезнь Пелсерта внушила новые надежды заговорщикам. Ведь если он умрет, захват корабля значительно облегчится. Тогда главным представителем компании на борту останется друг капитана Иероним Корнелис. Но сколько протянет Пелсерт? День? Неделю?

Две недели прошли в ожидании. Пелсерт продолжал бороться с болезнью и ежедневно вызывал к себе офицеров для доклада.

Приближался день, когда должны показаться берега Явы. Тогда капитан решил действовать. Но действовать так, чтобы привлечь колеблющихся матросов на свою сторону. Для этого была задумана история с Лукрецией.

Капитан предложил порезать ей лицо ножом, чтобы навсегда погубить ее красоту. Осторожный Иероним предложил другой вариант — вымазать ее дегтем. Экзекуцию должны были провести верные матросы во главе со старшим боцманом. Капитан рассчитывал на то, что больной Пелсерт, узнав о событии на борту, будет вынужден принять суровые меры. Если же он решит наказать матросов, то по наущению Иеронима и боцмана за них вступятся их товарищи. Иероним заранее должен распустил среди матросов и солдат слух, что Лукреция ведьма и потому заслуживает любого наказания.

Вариант Иеронима победил. Он уговорил капитана, что изуродовать Лукрецию всегда успеется. Сейчас главное — создать общественное мнение.

И вот, пока Пелсерт лежал больной в своей каюте, поползли слухи о том, что Лукреция ведьма, что она принесет кораблю несчастье... И вечером, до того как на вахту заступили верные компании солдаты, несколько матросов во главе с боцманом вытащили Лукрецию из каюты, проволокли ее на виду у пассажиров по палубе, надругались над ней, а потом вымазали дегтем и грязью.

На крик женщины и случайно оказавшегося поблизости священника из каюты выбрался Пелсерт. Его появление спутало все карты. Никто не ожидал, что Пелсерт сможет подняться.

Пелсерт вызвал стражу, и матросы убежали. Пелсерт понял, что за этим бессмысленным на первый взгляд актом стоит сам капитан. Тем более что, вызванный к командору, он картинно возмущался и предлагал жестоко наказать матросов — по крайней мере протащить под килем корабля. Капитана поддерживал Иероним Корнелис.

Пелсерт не принял решения в тот вечер, но под тем предлогом, что капитану необходимо заступать на вахту, предложил ему покинуть каюту и остался в ней с тремя верными офицерами. Сопровождение затянулось до темноты. И неизвестно, к какому решению пришли бы офицеры, если бы не раздавался внезапный грохот. Корабль задрожал и накренился.

Впоследствии капитан Якобс говорил, что он увидел в темноте белую полосу бурунов, но рулевой разуверил его, сказав, что это отблеск луны. Оказалось, что занятый интригами, капитан сбился с курса настолько, что вместо Явы «Батавия» подошла к северо-западному берегу Австралии и налетела на рифы у небольшого архипелага, состоящего из скал и голых песчаных островков, в нескольких десятках миль от материка.

На корабле началась паника. Первую же спущенную шлюпку разбило о борт волнами. Женщины с детьми пытались пробиться к лодкам, но их отталкивали матросы и солдаты. Капитану удалось найти Иеронима Корнелиса на корме корабля. Тот пытался пробиться к шлюпке.

Капитан отвел Иеронима в сторону. Даже прикрикнул на него, чтобы тот не сходил с ума. И объяснил, не обращая внимания на нарастающую с каждым новым ударом о рифы кутерьму, на плач женщин и детей, на суматошные крики, что неподалеку есть два острова — с рассветом их увидят все. К одному из островов и направится первая шлюпка, которую захватил Пелсерт. Золото погрузить не смогут — сундуки слишком тяжелы, а потому их придется пока оставить на корабле. «Батавия» затонет только через несколько часов, может быть даже дней. Нос корабля — на мели, а под кормой глубина в три сажени. Настало время действовать. Он, капитан, берет на себя Пелсерта. Команда останется под началом Корнелиса.

Пока шел этот разговор, от корабля отвалила вторая шлюпка и направилась к темнеющему на фоне неба острову.

Капитан объяснил Корнелису, что должен покинуть его, и прыгнул за Оорт. Корнелис не последовал его примеру — он не умел плавать.

Корабль после каждого удара оседал все глубже. Оставшиеся на борту матросы достали из капитанской каюты бочонок хорошего вина и принялись пировать. Корнелис не присоединился к ним. Он направился прямо к кладовой, за капитанской каютой, и вскрыл топором забытую в спешке шкатулку. Он отложил в сторону агатовый кубок Рубенса. Его внимание привлекла также золотая цепь с изумрудами. Иероним надел ее, насыпал полные карманы золотых монет и зашел снова в каюту к пирующим. Увидев драгоценную цепь, матросы забыли о вине. Отталкивая Корнелиса, они бросились в кладовую и принялись расхватывать золото и драгоценности. Корнелис не останавливал их. Это входило в его расчеты. Дорвавшиеся до золота матросы переставали быть покорными компании. Расстаться с золотом трудно, да и известно, что компания не щадит тех, кто осмеливается запустить руку в ее карман. Корнелис знал, что преступление волей-неволей объединит матросов и поможет ему захватить власть...

Пелсерт не знал о том, что творится на «Батавии». Подавленный и больной, он бродил по берегу, не обращая внимания на священника, который забежал вперед и все старался узнать, каковы же планы у господина командора и что теперь надо делать. Пелсерт и сам толком не знал, что делать. И потому, когда он увидел мокрого, без камзола и сапог капитана, он даже обрадовался своему врагу. Вряд ли теперь, когда корабль погиб, есть смысл продолжать вражду.

Уже занимался рассвет. Скалистый остров, на котором высадились Пелсерт и капитан, был окаймлен полосой песка. На нем собралось большинство спасшихся. В суматохе не взяли с собой пресной воды, и уже начинала сказываться нужда в ней.

Пока капитан пытался навести какую-нибудь видимость порядка в этой массе людей, Пелсерт отправил солдат на поиски воды. Через час они вернулись и доложили, что воды на острове нет. Обследован был и соседний островок, отделенный от первого, названного «Кладбищем „Батавии"», узким, неглубоким проливом. Там тоже воды не оказалось.

На плоту несколько солдат отправились к видневшемуся у горизонта большому острову. С корабля высаживались последние матросы. Уже не было возможности перевезти грузы и воду — с минуты на минуту «Батавия» могла расколоться и пойти ко дну.

Тогда-то капитан, посоветовавшись с Иеронимом Корнелисом, предложил Пелсерту отправиться на боте к материку. Там наверняка должна быть вода. Если же воды и там не окажется, то бот должен был прямым ходом идти к Яве и прислать оттуда помощь.

План капитана был прост: на материке разделаться с Пелсертом, дойти до Явы и там взять корабль для спасения погибающих, заявив, что Пелсерт остался охранять имущество компании. Потом захватить этот корабль, нагрузить его золотом и уже на нем осуществить старые планы. Кроме того, оставшийся за главного на островах, Иероним Корнелис получил от капитана особые указания, о которых речь пойдет дальше.

Пелсерт согласился плыть к материку. Капитан отправился собирать команду бота. Он вызвал боцмана и двух матросов из тех, кто участвовал в нападении на Лукрецию, а боцман сам уже подобрал остальных верных людей.

Пелсерт подошел к готовому к отправке боту. Команда не понравилась ему, но он не подал виду, что заподозрил что-нибудь. Только указал капитану на то, что с такой малочисленной командой будет нелегко управлять ботом.

— Может, взять нескольких женщин? — спросил капитан.

Но Пелсерт не намеревался спасать женщин. Он боялся за собственную жизнь.

— Нет. Путешествие может быть долгим и опасным.

И Пелсерт пригласил в бот двух своих офицеров и троих солдат. Это еще не было провалом планов капитана. В конце концов, один или пять — небольшая разница.

Бот отчалил. Когда он проходил мимо Большого острова, навстречу ему попался плот с уехавшими еще утром на поиски воды солдатами. Их было десять человек, и Пелсерт мог на них положиться.

— Бот достаточно просторен, для того чтобы вместить еще десятерых, — сказал он капитану.

— Но ведь их ждут на острове.

— А мы не знаем, какие опасности подстерегают нас на материке или на пути к Яве.

Капитан хотел было поспорить, но рядом стояли десять человек, которым представлялась возможность первыми спастись с острова. Разумеется, они сразу поддержали командора. Неизвестно, в этот ли момент или позже, на пути к Яве, капитан понял, что проиграл игру, но он сразу изменил тактику.

На материке никаких следов воды не обнаружили, а австралийцы сразу убежали, когда пришельцы направились к ним. Пришлось поворачивать обратно. Капитан уговаривал Пелсерта зайти снова на остров, но тот спешил. Да и риск был велик: ведь, узнав об отсутствии воды, потерпевшие крушение устроят драку за обладание ботом, ибо каждому захочется первым уйти к Яве. Рисковать Пелсерт не хотел.

Бот взял курс на север. Путешествие Пелсерта и его спутников на открытом боте от берегов Австралии до Явы было беспрецедентным в те дни переходом. Экипаж чуть не погиб от голода и жажды, но все же в один прекрасный день показали берега Явы. Если в пути капитан и замышлял убить Пелсерта, то не посмел или не сумел. Возможно, наоборот, капитан старался задобрить осторожного Пелсерта, убедить его в том, что и не замышлял ничего дурного. Но мы никогда этого не узнаем.

В двух днях пути от Батавии бот встретился с потерянной у мыса Доброй Надежды эскадрой. «Сардам», один из кораблей, принял путешественников на борт.

Первое, что сделал Пелсерт в Батавии, — добился ареста боцмана и матросов, виновных в нападении на Лукрецию. Он ничего не забыл и не простил. Потом написал большой донос на капитана, обвиняя его в организации заговора.

Боцмана сразу арестовали и повесили: Лукреция была знатной дамой.

Капитана арестовали не сразу. Кун и другие члены совета были недовольны самим Пелсертом. Пелсерт нес ответственность за груз, а груз находится на дне моря, и неизвестно, удастся ли достать его. Батавия была взбудоражена преувеличенными слухами о гибели корабля. Уверяли, что все на борту погибли и спасся только Пелсерт. Пелсерту вменили в вину даже то, что он вместе с капитаном покинул место крушения, оставив там триста человек (в то время еще не знали, что пятьдесят человек погибли во время крушения) без руководителя.

Поэтому Пелсерт получил приказ Куна: как только «Сардам» кончит разгрузку, вернуться на острова, достать со дна моря груз и привести обратно тех, кто не умер от жажды и болезней. Капитана же оставили в Батавии. Обвинения Пелсерта, хотя и не подкрепленные другими свидетельствами, были настолько серьезны, что над капитаном

был назначен суд, который должен был состояться, как только привезут остальных пассажиров. Вторая часть капитанского плана провалилась.

Пелсерт понимал, что ему придется плыть обратно. И, несмотря на малярию, он не воспротивился приказу губернатора. Это была единственная возможность реабилитировать себя. «Сардам» был быстро загружен, затем на него привезли множество бочек с водой, а в команду его, немногочисленную, ибо он должен был взять спасенных, включили водолазов, и корабль взял курс на юг, сопровождаемый благими пожеланиями и напутствиями всей Батавии, от губернатора до последнего торговца. Если губернатор беспокоился в первую очередь о судьбе казны, многие солдаты, офицеры и торговцы ждали с «Батавией» своих жен и детей и беспокоились за их судьбу.

Путешествие обратно оказалось более долгим, нежели переход на боте. «Сардам» пятьдесят дней боролся со встречным ветром и штормами и прибыл к островам только через три месяца после того, как Пелсерт и капитан ушли оттуда на боте.

«Сардам» направился к ближайшему из островов, где по расчетам Пелсерта должны были находиться потерпевшие крушение. Но уже с палубы было видно, что остров пуст. Где же все люди? И тут Пелсерт увидел, что на Большом острове поднимается к небу столб дыма.

Корабль изменил курс. Но не успели пройти и половину пути, как из-за скалы показалась лодка. Рулевой отчаянно махал, стараясь привлечь к себе внимание.

В лодке оказалось четверо: один греб, один правил, двое, окровавленные, лежали на дне. Рулевому помогли подняться на борт. Первыми словами его были:

— Осторожно. Вас ждут...

Гребец, который чувствовал себя, видно, лучше, чем рулевой, попытался объяснить положение, но Пелсерт долго не мог ничего понять... Тем временем лодку подняли на борт и раненым оказали первую помощь. Рулевой, в котором Пелсерт узнал наконец солдата Виббе Хейса, истощенного и измученного, рассказал, что на «Сардам» готовится покушение, что власть на острове находится в руках Иеронима Корнелиса, который уже многих убил и теперь хочет захватить корабль. Вернее, не Иероним хочет захватить корабль, ибо Иероним находится в плену у него, Хейса, а некий Ваунер Лоос, который теперь император островов...

Из сбивчивых разъяснений Хейса Пелсерт понял только, что на островах что-то неладно и он никому не должен доверять.

Разговор с Хейсом еще не кончился, как показался большой плот. На плоту было десятка два человек, одетых с вызывающей роскошью, усыпанных бриллиантами и изумрудами и увешанных оружием. Плот подошел к борту. Пассажиры его усиленно изображали радость по поводу прибытия «Сардама».

По знаку Пелсерта Хейс отступил к другому борту, чтобы его не увидели с плота. К борту подошел Пелсерт. Вот кого не ожидали увидеть!

— А где все остальные? — спросил Пелсерт.

— Они ждут на острове. На другом, куда мы перебрались, потому что здесь нет воды. А где капитан Якобс?

— Он остался в Батавии. А почему вы так вооружены?

— Мы были на охоте.

— И для этого роскошно оделись?

— Но, ваша милость, одежда износилась, и мы воспользовались добром компании. Она не обеднеет. Вы бы так же поступили на нашем месте.

Некоторые из пассажиров плота были навеселе.

Пригибаясь к борту, у пушек суетились артиллеристы. «Сардам» был готов к бою.

Пелсерт огляделся, убедился, что команда правильно поняла его, а затем приказал находившимся на плоту положить оружие и взбираться по одному на борт.

Те почуяли неладное и стали грести от борта. Первый же выстрел поднял фонтан брызг перед плотом.

Соппротивление было бесполезно. Плот пристал к борту, и по одному, без оружия пассажиры его поднялись наверх, где их немедленно связали матросы. Лоос, увидев Хейса, глубоко вздохнул.

— Жаль, что не успели тебя повесить, собаку! — сказал он.

— Теперь сам покачаешься на рее, — ответил ему Хейс.

После окончания бескровного сражения Хейс с матросами съездил на Большой остров и привез связанного Иеронима Корнелиса. Затем Пелсерт отправился на шлюпках к Малому острову, нашел там десятерых матросов и обезоружил их.

И только когда все съехались на борт «Сардама», обнаружилось, что, если не считать тридцати запертых в трюме, от всей команды и пассажиров — двухсот пятидесяти «островитян» — осталось только сорок человек — мужчин, женщин и детей — население Большого острова.

Вот что рассказали они пораженным ужасом морякам «Сардама».

День или два прошли без всяких событий. Новый начальник Иероним Корнелис и совет, выбранный потерпевшими крушение, занялись устройством жизни на островах, поисками воды и охотой за птицами. Понемногу всех перевезли с «Кладбища „Батавии“» на Малый остров. Здесь обнаружилось, что недостатка в пище не будет. Плохо только с водой. Каждый день новые и новые экспедиции отправлялись на ее поиски.

Тем временем Корнелис выясняет, на кого он может положиться. 4 июля, через три недели после отплытия Пелсерта, один из матросов крадет бочонок вина и напивается пьяным. Корнелис счел, что этот случай — хороший предлог для начала действий. Он требует на совете смертной казни для этого солдата. Совет отказывает ему. Корнелис уверяет, что это приказ Пелсерта. Совет не может решиться. Тогда Корнелис разгоняет совет и созывает новый, в который входят только послушные ему люди.

Одним из первых актов нового совета становится приказ верным матросам взять с собой на плот четырех ненадежных солдат и под предлогом поисков воды утопить их. Через несколько часов плот возвращается. Приказ выполнен.

Политика Корнелиса отныне проста. На убийство он посылает двух-трех верных людей и одного-двух колеблющихся. Если колеблющийся выполняет приказ и убивает намеченную жертву, его принимают в число «своих», если отказывается — сам становится жертвой. Все должны быть связаны круговой порукой. Однако первое время убийства совершаются втайне. Основная масса солдат и матросов, которые «е имеют ничего общего с заговором, еще слишком многочисленна. Люди просто исчезают. Сначала самые активные и опасные, потом ненадежные.

План Корнелиса, обсужденный еще с капитаном, заключался в следующем: перебить всех членов экипажа и пассажиров, за исключением участников заговора, с таким расчетом, чтобы осталось не более сорока-пятидесяти человек, когда же появится спасательное судно, захватить его (капитан будет на борту, он поможет). Но никто не должен остаться в живых из врагов, ибо тогда они смогут предупредить судно об опасности и план провалится.

Когда Иероним Корнелис отдавал приказ о первом убийстве, еще тайном, ночном, он уже знал, что погибнут многие.

Тогда же Корнелис приказал привести к нему в палатку Лукрецию. Он не сомневался, что теперь она будет принадлежать ему. Но двенадцать дней, как рассказывал впоследствии один из сообщников, Лукреция отвергала притязания Корнелиса. Ни угрозы, ни уговоры не действовали на нее. Корнелис приказал своему подручному поговорить с ней. Подручный вошел в палатку и спокойно объяснил Лукреции, что Корнелис не собирается шутить. А для доказательства он с ведома Корнелиса зазвал в палатку мальчика, сына солдата Харденса, и зарезал его на глазах у женщины. В это время отец и мать мальчика были приглашены Корнелисом в соседнюю палатку на ужин... Лукреция покорялась.

По острову ползли слухи о таинственных исчезновениях. Уже полтора десятка людей пропали ночью или не вернулись, уйдя на поиски воды. Воду Корнелис щедро раздавал только своим помощникам. Им же позволил раскрыть спасенные ящики с корабля и поделить добро. Убийства продолжались...

Однажды ночью в палатку к одному из подручных Корнелиса, члену его совета, вполз перепуганный юнга. Мальчик разбудил пирата и прошептал ему, что собственными глазами видел, как только что два матроса убили третьего. Тот выслушал его и сказал соседу по палатке:

— Успокой ребенка.

Матрос вывел мальчика наружу и одним ударом ножа заколол его.

Священника и его старшую дочь, приглянувшуюся одному из пиратов, Корнелис пригласил на ужин. В это время несколько человек вошли в палатку, в которой осталась жена священника с тремя другими дочерьми. Они сказали, что имеют приказ произвести обыск. Тут же один из матросов разбил лампу, и в темноте женщину и детей задушили. Когда священник вернулся «из гостей», его ждали дома трупы...

Число жителей острова сокращалось. Каждый, кто не принадлежал к пиратам, мог в любую минуту ждать смерти. Но если офицеры и торговые представители компании делали все, чтобы услужить Корнелису, объявившему себя императором острова, то некоторые солдаты и матросы сопротивлялись. И у них был один путь...

Хейс, посланный еще в первые дни на Большой остров, нашел там воду и поднял сигнал — столб дыма, чтобы указать другим, что вода найдена. Занятые убийствами пираты не обратили «а него внимания. И Хейс с товарищами уже собирались вернуться, когда ночью приплыл юнга, рассказавший о том, что творится в «царстве Корнелиса». У Хейса почти не было оружия, он не мог вернуться на остров, но время от времени на плотках или в плавь к его острову добирались жители других островов, и понемногу число обитателей Большого острова достигло сорока человек. Это все были люди, готовые сражаться до последнего.

Наконец наступил день, когда на острове остались только «свои». Сорок матросов, торговцев, офицеров, которые подписали «пакт» о верности друг другу и Корнелису. С ними же остался и священник, не смевший противиться и полностью покорный Корнелису. «Император» заставлял святого отца присутствовать при убийствах. Дочь священника давно уже взял к себе в палатку помощник Иеронима, и священник, пробираясь к палатке, когда хозяина не было поблизости, уговаривал дочь смириться и не противиться судьбе.

Как-то Корнелис обнаружил, что на маленьком островке неподалеку скрываются два десятка юнг и женщин с детьми. Немедленно была снаряжена экспедиция, и всех обитателей острова зарезали. Одна из сцен на острове запечатлена в дневнике Пелсерта, который записывал туда протоколы допросов пиратов. Когда пираты окружили женщин и детей, один из них подошел к беременной женщине и, отведя ее в сторонку, сказал: «Милая, тебе ведь тоже придется умереть». Женщина бросилась перед ним на колени, умоляя о снисхождении. Пират поднял ее и вонзил ей в грудь кинжал.

Когда уже собирались уезжать с острова, обнаружили, что остались в живых трое юнг, которые спрятались в кустах. Их нашли, посадили в лодку, вывезли в море, и там Корнелис приказал одному из них выбросить двух других за борт. Его оставили в живых за готовность, с которой тот выполнил приказ «императора».

Во время этой экспедиции Корнелис обратил внимание на дым на Большом острове. Решено было уничтожить и тамошних жителей, ибо со дня на день мог показаться спасательный корабль. Надо было опешить.

Отряд пиратов подбирался к острову осторожно. Корнелис полагал, что там есть солдаты, знающие о событиях и готовые защищаться. Подходя к острову, он выбросил белый флаг и предложил начать переговоры.

Солдаты с Большого острова согласились. Корнелис в сопровождении четырех самых надежных и сильных пиратов вышел на берег. Остальные ждали на плоту.

На холме Корнелиса ждали Хейс и двое других солдат. Корнелис предложил им всем жизнь при условии, что они присоединятся к пиратам. Хейс отказался. Он заявил, что не верит ни единому слову Иеронима. Разъяренный Корнелис приказал помощнику застрелить Хейса. Но не успел тот поднять мушкет, как из-за скал выскочили двадцать матросов, вид которых не предвещал ничего доброго. Корнелис никак не ожидал увидеть на острове столько мужчин. Он сразу пошел на попятный. Сказал, что пошутил, что не хотел сделать ничего плохого, стал клясться, что убивал только по приказанию Пелсерта.

— Хватит, что ли? — спросил один из матросов, обращаясь к Хейсу.

Корнелис начал отступать к берегу. Но было поздно. В короткой схватке спутники Корнелиса были убиты, а сам он связан.

Увидев исход переговоров, остальные пираты немедленно отплыли к своему острову. Там после бурных дебатов они избрали матроса Лооса новым «императором» и, вооружившись посильнее, отправились на штурм острова. Они понимали, что, если не уничтожат Хейса и его сторонников в самое ближайшее время, те могут предупредить корабль об опасности.

И на следующий день начался штурм острова. Штурму предшествовали безуспешные переговоры о выдаче Корнелиса, посредником в которых был вконец запуганный священник. Но договориться не удалось. Вооруженные мушкетами пираты уже высадились на берег, и Хейсу пришлось отступить к холмам. Четверо защитников острова было ранено, а один убит, когда с вершины холма Хейс увидел паруса «Сардама».

Увидели их и пираты. Но несколько позже. Они не заметили, как выскользнула из-за острова лодка Хейса. Когда они подошли к кораблю, Пелсерт был уже подготовлен к встрече с ними...

Несколько дней Пелсерт доставал со дна сундуки с золотом. Одновременно шел суд. Корнелис отпирался, и, только пытая его, Пелсерту удавалось выдавливать из него признания. Заодно он заставил Корнелиса приписать авторство заговора капитану.

Корнелиса и семерых его помощников приговорили к смерти. В момент казни, стоя перед виселицами, осужденные попросили: «Пусть Корнелиса казнят первым, Мы хотим быть уверенными, что он умер». Пелсерт выполнил их просьбу. Еще двоих Пелсерт высадил на берегу Австралии, и они таким образом стали первыми колонистами на этом материке. Их дальнейшая судьба неизвестна. Еще нескольких пиратов Пелсерт приговорил к распространенному в те времена наказанию: протащить три раза под килем корабля, а потом дать сто ударов плетью у мачты и лишить полугодового жалованья.

Правда, когда корабль вернулся в Батавию, губернатор пересмотрел приговор и приказал повесить еще шестерых пиратов. Причем двое юнг как несовершеннолетние должны были тянуть жребий, кому из них умереть, а кому получить двести ударов плетью.

Виббе Хейс был произведен в прапорщики, а остальные солдаты, бывшие с ним на острове, получили в награду за верность двухмесячное жалованье.

Лукреция узнала, что муж ее умер, и вышла замуж за другого.

Капитан Якобс был заключен в тюрьму, но о дальнейшей судьбе его ничего не известно — документы компании за этот год утеряны.

Пелсерт так и не вернул себе расположения компании. Он погиб через год в одном из походов. Священник тоже вскоре умер от дизентерии, но успел выдать замуж дочь, ибо женщин в колонии было мало.

Агатовый кубок Рубенса бесследно пропал. И только через двести лет один английский коллекционер обнаружил его случайно в антикварной лавке в Италии. Какие дворцы украшал он, никто никогда не узнает.

А деньги, поднятые со дна, пошли на новые походы против жителей Зондских островов, в которых послушные закону и компании солдаты, в том числе и те, что

отважно сражались на Большом острове, вели себя никак не менее жестоко, чем пираты с «Ботавии». Но их не вешали за это, а награждали.

А ведь не выдайся Корнелису и его спутникам возможность повластвовать на острове, они благополучно продолжала бы служить компании и убивать ее врагов.

Другие это и делали.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ,

Где речь пойдет о печальных мыслях Фернандиша Пинту, о факторе, не сумевшем стать командующим, о последнем штурме, о необычном приказе по армии и о том, как комиссар Схаутен знакомил своих капитанов с трудами Плутарха

Португальцы сделали Малакку своим главным портом, для всей торговли в Южной Индии, а также опорным пунктом для своих военных, предприятий... Слишком долго перечислять все события, случившиеся в городе за те 127 лет и 5 месяцев, что он находился у португальцев

Юстус Схаутен, голландский комиссар в Малакке, январь 1641 года

"Антониу Теллиш, правитель Гоа, — Мануэлу де Соуза Коутиньо, капитану крепости Малакка.

Меня очень огорчило письмо, полученное в прошлом месяце из Малакки. Город нуждается во многом, а последний раз деньги и подкрепления из Португалии приходили четыре года тому назад. Когда я прибыл в Гоа, я нашел галионы полусгнившими, казну без единого риала, а долг равным 50 тысячам риалов. И несмотря на это, я все же сумел послать восемь галионов в Малакку. Тем временем пришли вести с Цейлона о разрушении крепости в Негомбо и осаде Коломбо. Я должен был послать туда помощь. Я очень хорошо понимаю, что помощь, которая предоставляется Вам, незначительная. Но что я могу поделать? У меня нет ни одного галиона, чтобы выслать Вам подкрепления. Жители города должны понять, что мое сердце с ними и что если я не посылаю флотилию, то только потому, что не в состоянии сделать это.

Гоа, 24 апреля 1640 года".

Фернандиш Пинту, член городского совета при капитане крепости Малакка, не проронил ни слова, пока шло обсуждение письма из Гоа. Собственно говоря, обсуждать было нечего. Помощь из Гоа не придет. Малакка может рассчитывать только на собственные силы. Пинту, прикрыв глаза, слушал хвастливые речи губернатора, главного судьи и своего непосредственного начальника — виадора⁴¹, которые уверяли собравшихся, что Малакка и на этот раз отобьет врага.

Сразу после окончания совета он велел отнести себя домой, хотя дела требовали его присутствия в таможне: надо было бы сделать обыск на судне этого наглеца, капитана, пришедшего из соседнего малайского княжества Перак с грузом олова. Если этого не сделать тотчас, капитан продаст олово торговцам из Упеха, а завтра оно уйдет дальше, не принеся ни одного крузадо в казну.

Впрочем, какой толк? Все равно, даже если он найдет олово, виадор на следующий день отпустит капитана, облегчив его кошелек на десяток крузадо, и он, Пинту, ничего не сможет поделать. Не окажется сговорчивым виадор — капитан дойдет до главного судьи, который (и это знал весь город) за три года скопил 25 тысяч крузадо — и это при жалованье в 200 мильрейсов, или 833 с третью крузадо в год!

Дом потомственного жителя Малакки Фернандиша Пинту находился на холме Пресвятой Богородицы, рядом с церковью Благовещенья, там, где его построил еще дед, пришедший в Малакку вместе с д'Албукерки.

⁴¹ Виадор (португ.) — мэр города.

Молча сидел старик у окна, из которого хорошо был виден не только город, но и предместья и рисовые поля.

Узкие улочки, вдоль которых стояли каменные и деревянные дома с крепкими воротами и внутренними двориками — совсем как в Опорто, говорили прибывавшие в Малакку португальцы, — сбегали с холма от церкви и иезуитской коллегии Сан-Паулу во все стороны.

Вон у северной стены видна башня крепости «Фамоза», главного укрепления города. Видны и бастионы: западный, выходящий к морю, — Сан-Педру; северо-восточный, выходящий к реке, — Сан-Домингу; южный, смотрящий в море, — Сантьяго. Не виден бастион Матери Божьей, тот, что находится на восточной стороне, — его закрывают еще не достроенный августинский монастырь и церковь Сан-Антониу. Не виден из окна Пинту и другой бастион — Одиннадцати тысяч дев. Неподалеку от форта — церковь Успенья Богородицы, или просто Сэ, — кафедральный собор. Церковь заложена еще при д'Албукерки, а в 1557 году, году рождения Пинту, она стала собором — в Малакке был учрежден епископат.

Пинту не любил серо-коричневый, напоминавший крепость собор. Куда милее веселая и просторная церковь Санто-Домингу. Она, правда, бедновата — губернаторы и овидоры⁴² не баловали ее своим вниманием, — но Пинту привык к ней: там он исповедовался в первый раз, там он венчался, там отпевали двух сыновей и зятя, там отпуют и его, если... если его не убьют в резне, которая начнется, когда голландцы ворвутся в город.

Рядом с собором — епископский дворец, а левее — тюрьма, госпиталь для бедных и королевский госпиталь. За госпиталями, ближе к дому Пинту, — внушительное здание Мизерикордии (Милосердия). Пинту много лет подряд заседает в совете вместе с приором и казначеем братства Милосердия, которому принадлежит это здание. Удивительная вещь! Оказывается, на убогих, сиротах и заключенных можно нажить не одно состояние. На памяти старика уже пять приоров братства, разбогатев, уехали в Гоа или Лиссабон. Этот — шестой. Ему, кажется, не удастся уехать.

За стенами, пятиугольником охватившими город, видны предместья Малакки. К югу от города — Бандар Илир. В нем живут метисы и немногие португальцы. У последних — целые имения с садами, множеством кокосовых пальм. В этих имениях работают черные рабы или обитатели соседних кампонгов. Другое предместье, Сабак, — 'бедный пригород, обиталище малайцев.

За рекою видно самое большое и богатое предместье — Упех. Там живут индийские и китайские купцы, там находится главный базар города. Многие жители Упеха католики, в одном приходе Сан-Стефана их две с половиной тысячи.

К югу и к северу за предместьями, вдоль морского берега и вверх по реке, раскинулись рисовые поля, фруктовые сады и пастбища. Это земли богатых фидалгу и португальских купцов. Когда-то у деда Фернандиша Пинту было имение за городом. Но во время нападения Аче на Малакку в 1547 году загородный дом был сожжен, а землю и рабов дед продал, чтобы выкупить сына, стца Фернандиша, попавшего в плен к ачехцам.

Солнце уже зашло. Но Пинту не отходит от окна, хотя здания города уже плохо различимы, исчезли в темноте бастионы и стены, скрылись рыбацьи лодки в устье реки, погрузились в сон Илир и Сабак. Лишь в Упехе видны огоньки — торговля не затихает и ночью. Тишину сонного города нарушает только переключка часовых на бастионах и у ворот.

Но сон не идет к Фернандишу Пинту. Снова и снова мысли возвращаются к письму из Гоа. В нем — смертный приговор Малакке. Городу не устоять. Это понимают почти все, кто сколько-нибудь разбирается в обстановке. И очень хорошо понимает это Пинту, проживший долгую жизнь, на глазах которого исчезло былое величие Малакки. Впрочем,

⁴² Овидор (португ.) — главный судья.

признаться, он не застал дней величия и славы города: об этом он слышал от деда и отца. Сколько он себя помнит, город постоянно отражал нападения врагов.

...Ему одиннадцать лет. Отец ночью будит маленького Фернандиша и отводит к тетке, которая живет близ ворот Сантьяго: на город напали ачехцы и обстреливают холм, на котором стоит дом Пинту.

Помнит он, как впервые занял свое место на бастионе Сан-Домингу. Это было в 1586-м... нет, в 1587 году, когда войска Джохора осадили Малакку с суши и с моря. В тот год из Гоа пришел на помощь Паулу да Лима Перейра, и гарнизон Малакки и молодежь города присоединились к экспедиции против Джохора. Португальцам удалось нанести поражение Джохору и сжечь его столицу. В сражении погиб старший брат, а он, Фернандиш, вернулся домой с пятью рабами.

В памяти всплывает и несчастливый 1606 год. Малакка осаждена голландцами, действующими в союзе с Джохором. Город обороняют 80 португальских солдат, несколько десятков японских наемников и все горожане, способные носить оружие. День и ночь не прекращается обстрел города. Почти разрушен собор, сильно повреждена церковь Благовещения. Дом Пинту уцелел, но два сына и зять погибли во время осады.

И наконец 1629 год, когда Малакку осадил могущественный ачехский султан Махкота Алам, завоевавший почти все малайские княжества. 240 кораблей и 20 тысяч воинов привел он под стены города. Ачехцы заняли холм Сан-Жуан, поставили на нем пушки и обстреливали город. В этой осаде погиб старший внук Пинту. Правда, комендант да Фонсека и на этот раз с помощью подкреплений из Индии отбил натиск врага.

И вот приближается еще одна осада. Видимо, последняя. Все объединились против Малакки. Голландцы заключили союз с Джохором. Аче готов присоединиться к этому союзу. Все труднее и труднее становится натравливать врагов друг на друга. А ведь благодаря этому и держалась Малакка столько времени в окружении враждебных султанатов и княжеств.

Их ненавидят все. Ненавидят за жестокую торговую монополию, за беспощадное преследование местных купцов, отказывающихся по пути через проливы зайти в Малакку и уплатить там чудовищно высокие пошлины — 12 процентов стоимости товара. А сколько дополнительных поборов и подношений чиновникам Малакки!

Ненавидят за религиозную нетерпимость, за презрение к иноверцам, за инквизицию в Малакке, за то, что любой, кто поселится в городе, должен принять христианство, иначе он может быть отвезен в Гоа, Манилу или Макао и там продан в рабство.

Скоро начнет светать. Наступит безрадостный день», еще один день, приближающий город к неотвратимому и теперь уже скорому концу. А конец неизбежен, ибо можно отбить атаки очень сильных врагов, но невозможно залечить внутренние язвы, разъедающие Малакку (и не только Малакку, но и Гоа и другие португальские владения). Чиновники разложились, процветает взяточничество, расходы на военные действия намного выше, чем поступления от хиреющей в соперничестве с голландцами и англичанами торговли.

В Малакке не хватает съестных припасов, солдат держат на полуголодном пайке, потому что капитаны разворовывают половину денег, предназначенных для покупки провианта. Пришли в ветхость оборонительные сооружения, особенно бастионы Сан-Домингу и Матери Божьей. Стена от бастиона Сан-Домингу до бастиона Сантьяго — просто земляной вал с идущим поверху деревянным палисадом. Этот вал спасал город от джохорцев и ачехцев благодаря превосходству португальцев в артиллерии, но что будет, когда сюда явятся голландцы, и с более значительными силами, чем в 1606 году? Возводить каменную стену и укреплять бастионы никто не собирается: нет денег, да если бы они и были, их все равно разворовали бы.

Нет согласия между теми, кто должен руководить обороной. Губернатор и генерал-капитан, командующий гарнизоном, не смотрят друг на друга, ибо первый не желает делиться доходами со вторым, которому остается лишь обкрадывать вместе с

интендантом своих солдат. Не поделили таможенные пошлины виадор и шахбан-дар, ведающий таможней и портом...

Тишину утра нарушил резкий удар колокола на башне собора. Вслед за тем бухнули сигнальные пушки на бастионе Сан-Педру.

Задремавший было Пинту выглянул в окно. Там, на горизонте, отчетливо виднелись белые треугольники — один, два, три, четыре.

На рассвете 5 июня 1640 года голландская эскадра подошла к Малакке.

«Антони ван Димен, генерал-губернатор, и Индийский Совет, действующие от имени Генеральных штатов Объединенных Нидерландов, его королевского высочества Фредерика Генриха, милостью божьей принца Оранского, герцога Нассау и пр., и пр., и директора полномочной Ост-Индской компании в этих Восточных землях — ко всем, кто увидит это или услышит об этом.

Да будет известно следующее.

Мы имели возможность неоднократно убедиться, что захват Малакки у португальцев, наших исконных врагов, будет способствовать не только распространению нашей торговли, но и укреплению нашего влияния среди соседних индийских монархов и князей. Мы полагаем, что наступил подходящий момент для претворения в жизнь нашего плана, поскольку гарнизон Малакки слаб, среди командования нет согласия, ощущается недостаток продовольствия, особенно риса.

Более того, мы ожидаем, что правители Аче и Джохора окажут нам помощь. Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы постановили приступить к осаде Малакки в этом году...

Крепость Батавия на великом острове Ява, 19 мая 1640 года».

Генерал-губернатор нидерландских владений в Ост-Индии Антони ван Димен торопился.

Торопился покончить с португальцами в Ост-Индии, пользуясь тем, что Испания — злейший враг Республики Соединенных Провинций — захватила Португалию и ее колонии и теперь голландцы на законном основании могут вытеснить своих торговых конкурентов.

Торопился потому, что и в Батавию доходили слухи о недовольстве португальцев испанским владычеством, и генерал-губернатор боялся, что, если Португалия вновь станет независимой, голландцы, враги испанцев, не смогут открыто воевать с нею.

Ван Димену не давали покоя и Макасар, правитель которого привечал португальцев и англичан, нарушающих «законную» монополию голландской Ост-Индской компании на торговлю пряностями, и Молуккские острова, где генерал-губернатору приходилось снова и снова (в который раз!) подавлять непрекращающиеся антиголландские волнения. Непокойно и на Яве: правитель Матарамы сусухунан Агунг никак не может забыть поражения под стенами Батавии в 1629 году.

Но главная забота генерал-губернатора — португальцы.

Их необходимо добить, а это не так просто, пока в руках у них крепость в Малакке и форты на Цейлоне.

И ван Димен переходит в решительное наступление. Эскадра за эскадрой посылаются на Цейлон: здесь в союзе с местным раджей голландцы штурмуют португальские укрепления.

В Малаккский пролив посылается эскадра адмирала ван дер Феера, которая в течение трех лет все время нападает на португальские корабли и фактически отрезает Малакку от Гоа. Ван дер Феер составил превосходную карту пролива, которая впоследствии очень пригодилась, и заключил договор с давним врагом португальцев — южномалайским султанатом Джохор.

3 августа 1640 года голландцы, еще с июня плотно блокировавшие Малакку с моря, начали высадку на берег к северу от предместья Упех, в «большом поле вне досягаемости пушек врага». Вместе с подошедшими джохорцами голландцы выбили португальцев из

наспех выкопанных ими траншей в Упехе, захватив четыре пушки. Под непрерывным огнем португальцев голландцы вырыли траншеи, поставили батареи и начали обстрел города. С этого дня бомбардировка города не прекращалась в течение пяти с половиной месяцев.

Осада Малакки началась.

«Поскольку господу было угодно призвать к себе командора Якоба Коопера и наша армия и флот снова остались без командующего, Совет решил назначить на это место способного и решительного человека. И для этой цели Совет с согласия генерал-губернатора избрал и назначил Минне Виллемсзона Кэртекью командующим нашими сухопутными и морскими силами, который должен вести кампанию в соответствии с инструкциями покойных Адриена Антонисзона и Якоба Коопера, предусматривающими немедленное овладение Малаккой. Нам известно, что наши люди готовы к штурму крепости, и Совет решил назначить следующую среду днем поста и всеобщей молитвы, чтобы господь даровал нам победу над врагами.

Лагерь под Малаккой, суббота, 5 января 1641 года».

Главный фактор Антони Хюрдт, подписывая решение совета, чуть помедлил, а затем размашисто вывел свою подпись.

Спока неудача! Еще в августе прошлого года он был назначен третьим членом совета, и после смерти Антонисзона и Коопера он должен был возглавить осаду города.

Но письмо генерал-губернатора в октябре, в котором тот выражал согласие с Антонисзоном по поводу его, Хюрдта, чересчур критического отношения к порядкам в войсках, осаждавших Малакку, закрыло ему путь и возвысило жадного солдафона Кэртекью, о котором давно поговаривают, что он вступил в тайные сношения с португальским губернатором Малакки и предложил ему деньги за передачу города в руки Кэртекью.

Фактор не скрывал и не собирался скрывать своего возмущения. Осада велась плохо. После того как еще в августе заняли Упех, не продвинулись ни на шаг.

Командование слало пространные донесения в Батавию, в которых требовало подкреплений, боеприпасов, снаряжения, жаловалось на недостаточную помощь джохорцев, на отказ Аче прийти на помощь, на болезни, косившие войска.

— Даже блокаду организовать как следует не сумели, — возмущался Хюрдт на совете, когда шкиперы сторожевых судов отделались смехотворным наказанием — лишением четырехмесячного жалованья — за то, что пропустили в ноябре тринадцать прау, груженных рисом, в Малакку. А южные ворота Сантьяго вообще не были блокированы, и через них португальцы вывели женщин и детей в окрестные деревни.

Войска несут огромные потери, за пять месяцев осады их численность сократилась наполовину. Потери не от огня врага, который (надо отдать ему должное!) сумел организовать оборону и непрерывно обстреливает Упех, превратившийся в груду развалин. Основные потери — от болезней: чумы, малярии, дизентерии.

Перебежчики, правда, рассказывают, что у португальцев дела обстоят еще хуже. В городе давно уже едят крыс, собак и кошек, да и тех, видно, скоро не останется. Свирепствует чума, уносящая ежедневно в десятки раз больше жертв, чем огонь голландцев.

— Давно можно было бы взять город, — сердится Хюрдт. — Только сейчас догадались сосредоточить основной огонь на бастионе Сан-Домингу и примыкающей к нему земляной стене. А до этого безуспешно обстреливали самую крепкую часть сооружений — ворота, выходящие в Упех, и, разумеется, безрезультатно. А теперь по крайней мере удалось пробить брешь в стене, которую португальцы заделать не могут.

Таковыми мыслями делился Хюрдт со своим собутыльником, пастором Иоханнесом Схотанусом, прозванным солдатами «веселым пастором». Пастор обычно читал проповеди, напившись до положения риз. Его давно бы отослали в Батавию, если бы не

заступничество Хюрдта, бравшего его под защиту, чтобы насолить сначала Антонисзоону, а потом Кооперу.

Но на следующий день Хюрдт понял, что новый командующий всерьез собирается взять Малакку.

Напротив моста Кэртекью поставил новую батарею, еще одну батарею — напротив бастиона Сан-Домингу. Тяжелые 24-фунтовые ядра с ревом проносились над передовыми траншеями португальцев и падали на бастион, расширяя брешь в стене, раскалывали северные ворота города.

Усилилась бомбардировка самого города. Почти совсем разрушена церковь Благовещенья и францисканский монастырь. Серьезно пострадала Мизерикордия и королевский госпиталь. В городе не осталось ни одного неповрежденного здания.

На следующий день после общей молитвы совет голландской армии постановил послать Антони Хюрдта и шкипера Питера Бэка в город с предложением капитулировать.

Это предложение, как и раньше, было отвергнуто. Губернатор-все еще надеялся на помощь из Гоа.

А 11 января состоялся военный совет. Бледный, не вполне оправившийся от болезни Кэртекью, широко улыбаясь, предложил Хюрдту самую ответственную роль — командовать главными силами, «ибо все мы знаем храбрость, опытность и (тут он помедлил) острый глаз нашего фактора».

Под началом Хюрдта оказалось 115 голландских солдат, 84 матроса и 80 малайцев с Мадуры. Капитан Форсенбюрх получил авангард, а фактор Фауткопер — арьергард.

Кэртекью собрал все наличные силы, сняв матросов с кораблей, и наскреб лишь 650 человек из полутора тысяч; остальные из-за болезни подняться не смогли.

Штурм был назначен на 14 января, пришедшееся на воскресенье.

«Минне Виллемсзоон Кэртекью, командующий и фельдмаршал нидерландской армии под Малаккой и флота в проливах, и его Совет — ко всем, кто увидит это или услышит об этом.

В соответствии с нашим решением от 11 января сего года, мы намерены немедленно атаковать осажденного в Малакке противника. Мы объявляем военной добычей все, что принадлежит жителям города, за исключением пушек, амуниция и всех военных материалов. Известно, что наши моряки и солдаты склонны пускаться в несвоевременный и беспорядочный грабеж. Они ставят под угрозу весь план операция, оставляя свои роты и устремляясь за добычей прежде, чем обеспечена победа. Чтобы избежать этого, мы сочли необходимым специально предупредить, что строжайше запрещается всем, будь то офицер, солдат или моряк любого ранга и положения, оставлять свою роту, с согласия командира или без такового, под каким бы то ни было предлогом, пока барабанами не будет дан сигнал к грабежу. Нарушители будут рассматриваться как враги и подлежат расстрелу на месте членами нашего Совета и их охраной или аресту с последующим смертным приговором, конфискацией имущества и удержанием месячного жалованья.

Лагерь нидерландской армии под Малаккой, 11 января 1641 года».

С первыми лучами солнца, скользнувшими по бастиону Сан-Педру и башне «Фамозы», в голландском лагере раздался сигнальный выстрел, и авангардный отряд капитана Форсенбюрха бросился к пролому в стене рядом с бастионом Сан-Домингу.

Тишину разорвал крик: «С нами бог!», с которым в пролом ворвались мушкетеры лейтенанта ван Моофа. Португальцы бежали к пролому, вступая в рукопашный бой с прибывавшими голландцами.

А в это время на всем протяжении оборонительной линии, от бастиона Сан-Домингу до бастиона Божьей Матери и на северной стороне от ворот Сан-Домингу до упехских ворот, взбирались на стены гренадеры арьергарда и отряда Хюрдта, карабкаясь по лестницам, которые подносили к городской стене моряки.

Гренадеры добрались до вершины земляной стены и оттуда бросали граматы в столпившихся внизу португальцев. У ворот Упеха голландцам прорваться не удалось. Непрерывно били пушки «Фамозы» и те, что стояли на самих воротах. Первая атака голландцев на ворота была отбита.

Центр боя окончательно переместился к бастиону и воротам Сан-Домингу. Пушки бастиона Сан-Домингу замолкли: вначале потому, что боялись попасть в своих — бой шел почти на самом бастионе, — а затем голландцы ворвались на бастион и перебили пушкарей.

К пяти часам утра голландцы оттеснили отчаянно сопротивлявшихся португальцев к бастиону Божьей Матери. Здесь генерал-капитан, оборонявший восточную и южную стены, пытался организовать сопротивление, но безуспешно: голландцы повернули орудия Сан-Домингу на юг и выбили португальцев к бастиону Одиннадцати тысяч дев.

К этому времени Хюрдт перестал штурмовать северную стену и поспешил на помощь отрядам, атакующим бастионы Одиннадцати тысяч дев и Сантьяго. Здесь Хюрдт пристрелил двух мушкетеров и моряка, которых заподозрил в намерении пробраться в покинутую португальцами церковь Сан-Антониу. Больше никто не нарушал приказа командующего.

Довольно скоро были захвачены южный бастион и оба госпиталя. К девяти часам утра пало предместное укрепление у ворот в Упех — голландцы захватили его изнутри, со стороны города.

Оставшиеся в живых португальцы во главе с де Соузой укрылись в форте «Фамоза», над которым про« должен развеяться испанский флаг. Их осталось немного — человек сто, да артиллеристы форта. Здесь же укрылись отцы города и примерно пятьдесят семей португальцев.

Когда голландцы бросились на штурм форта, их встретил убийственный огонь пушек и мушкетов. Вслед за тем защитники форта сделали вылазку и отогнали врага далеко от форта, к госпиталю.

Снова и снова атаковали голландцы. Снова и снова португальцы отбивали их атаки. Под стенами форта голландцев пало больше, чем за все утро при штурме стены и бастионов.

Подоспевший Кэртекью послал в крепость парламентаров и предложил почетные условия сдачи: все желающие португальцы могли с уцелевшим имуществом отплыть в Негапатам, оттуда легко можно было добраться до Гоа. Парламентары передали губернатору также секретное письмо Кэртекью, в котором последний обещал де Соузе не посягать на золото, имевшееся у губернатора.

В два часа пополудни на башне «Фамозы» медленно спустился испанский флаг и сразу же поднялся белый.

Кэртекью во главе совета направился в крепость. У ворот его встретил де Соуза, передавший голландцу шпагу, которую тотчас же получил обратно. Растроганный де Соуза снял с себя тяжелую золотую цепь и надел на шею Кэртекью.

Спустя два дня после падения города португальский губернатор Малакки де Соуза умер при загадочных обстоятельствах. Ходили слухи, что совет не согласился с обещанием Кэртекью, и губернатора убрали, чтобы не платить ему обещанных денег.

В три часа дня барабаны известили о начале всеобщего грабежа... Голландцы растеклись по улицам разрушенного города. Они врываются в дома, раскрывают подвалы церквей — всюду искали золото и драгоценности. До позднего вечера не стихали в городе крики истязуемых, которых пытали огнем, чтобы они стали сговорчивее и указали, где спрятаны сокровища.

Грабежом занимались не только солдаты и матросы. Сам командующий и его совет приняли личное участие в грабеже. Шесть дней подряд Кэртекью заходил в богатые португальские дома, выбирал драгоценности. Не отставали и другие члены совета.

Когда прибывший в Малакку в конце января комиссар генерал-губернатора ван Димена — Юстус Схаутен, изумленный ничтожностью добычи, доставшейся казне в этом богатом городе, произвел обыск на флагманском корабле «Утрехт», он обнаружил большой ящик, наполненный золотой посудой, и две огромные простыни, в которые были завернуты золотые монеты. Всего у Кэртекью Схаутен изъясил золота и драгоценностей на тринадцать тысяч гульденов, у Хюрдта — на девять тысяч, у Форсенбюрха — тоже на девять тысяч.

Красноречивый Схаутен объяснял багроволицему, нимало не смущенному Кэртекью, что тот пренебрег первостепенной обязанностью победившего командующего — думать не о добыче, а о бессмертной славе. Схаутен долго и, по мнению Кэртекью, нудно рассказывал о каком-то Фемистокле, который, предлагая своим друзьям золотые ожерелья поверженных врагов, говорил: «Вы можете взять себе все это, ибо никто из вас не Фемистокл». Цитировал комиссар и Саллюстия.

Кэртекью, за всю жизнь не прочитавший ни одной книги, даже «е поинтересовался, кто такой Фемистокл, но остался о нем после рассказа комиссара не очень высокого мнения.

Комиссар обнаружил немало грехов за командующим и его советом. Тут было и небескорыстное разрешение богатым португальцам отплыть в Негапатам со ста тысячами риалов и рабами, и продажа награбленного добра индийским купцам по скандально низким ценам, и попустительство офицерам, посылавшим для грабежа в город солдат, которые делились с ними награбленным. В своем отчете генерал-губернатору Схаутен не обошел никого из высших офицеров голландской армии в Малакке: все они оказались повинны в злоупотреблении положением, казнокрадстве, утайке добычи.

Кэртекью, прибывшего в апреле 1641 года в Батавию с шестью ящиками золотых монет, ван Димен встретил сдержанно, но в общем приветливо и вернул ему золотую цепь де Соузы, которую Кэртекью тут же преподнес генерал-губернатору.

Хюрдту опять не повезло. Когда он явился в Батавию просить возмещения за отнятую у него Схаутеном добычу, он получил благодарность за верную службу, незначительное увеличение жалованья и... вежливый отказ в просьбе.

Голландцы обманули своих союзников и не отдали Джохору ни пушек, ни военного снаряжения, захваченного в городе.

Малакка, в которой из двадцати тысяч жителей осаду пережило около трех тысяч, не вернула своего величия. Как порт голландцам она не была нужна — у них имелась Батавия, дела же на Малаккском полуострове интересовали голландскую Ост-Индскую компанию куда меньше, чем события на Яве и Молукках.

На столетия погрузился город в дрему. Лишь форт да полуразрушенные церкви напоминали о былом величии цитадели португальской колониальной империи Азии.

ДВА СЛОВА В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы прочли нашу книгу. В эпизодах мы рассказали о том, как в Азии появились охотники за пряностями — португальцы, как росла их империя, как боролись против них народы Индии и Юго-Восточной Азии. О том, как пришли их соперники — голландцы и англичане. О том, как португальцы потерпели в борьбе поражение и их сменили голландцы.

Книга кончается 1641 годом. С падением Малакки кончился первый акт драмы, и новый «герой» — Голландия — вышел на сцену.

На этом мы поставили точку.

Но история колониализма на этом не кончается. Новые колонизаторы сменяли старых, менялись и совершенствовались способы ограбления народов Востока. Ни на минуту не прекращалась борьба угнетенных против поработителей.

И только в наши дни колониальная система рухнула. На наших глазах окончился последний акт драмы, о первом акте которой мы вам рассказали.

Оплот португальцев в Индии — Гоа был возвращен Индии в 1961 году...

Бирма добилась независимости в 1948 году...

Голландцы покинули Западный Ириан — свой последний оплот в Индонезии — в 1963 году...

Но этому предшествовали долгие столетия борьбы, события которой столь же ярки, как те, о которых говорится в нашей книге.

*Игорь Всеволодович Можейко, Леонид Александрович Седов,
Владимир Александрович Тюрин*

С КРЕСТОМ И МУШКЕТОМ

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен.*

Художник *Д. А. Аникеев*

Художественный редактор *И. М. Русина*

Технический редактор *С. В. Цветкова*

Корректоры *Д. Я. Броун и М. З. Шафранская*

Сдано в набор 20/XII 1963 г. Подписано к печати 25/III 1966 г. А-01456. Формат
84X108 ¹/₃₂. Печ. л. 8.0. Усл. п. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13.5.

1-С-3

Тираж 15.000 экз. Изд. № 1514. Зак. № 1873. Инд.

1-6-3
1066-65

Цена 76 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4